

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ф. М. АСАДОВ

**АРАБСКИЕ
ИСТОЧНИКИ О ТЮРКАХ
ВРАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Баку-Элм-1993

*Печатается по постановлению Научно-издательского Совета Академии наук
Азербайджана*

Редактор: 3. М. Буниятов

Исследование, перевод источников и комментарии Ф. М. Асадова

Ф, М. Асадов.

Арабские источники о тюрках в раннее средневековье.

Баку:—Элм, 1993—204 с.

ISBN 5—8066—0343-1

Книга включает три единственных дошедших до нас произведения средневековой арабской литературы, специально посвященных тюркам. Во введении исследуется эволюция представлений арабов о тюрках со времени первых контактов до возникновения державы Сельджукидов в середине XI в. Книга предназначена для историков, занимающихся вопросами Арабского халифата и ранней историей тюрков, а также широкого круга читателей, интересующихся историей народов мусульманского Востока в средние века.

0503030000 —324

-8-92

655 (07) -93

(С) Издательство «Элм», 1993

1. Первые представления арабов о тюрках

Часто можно услышать, что каждая эпоха имеет свой взгляд на историю, каждое поколение представляет прошлое по-своему. Это действительно так, когда дело касается недалекого прошлого, когда еще живы очевидцы минувших событий, или растет поколение, на судьбы которого эти события имели непосредственное влияние. Когда же речь идет о событиях весьма отдаленных, о которых люди узнают из научных исследований, или другой печатной продукции, то расхождение мнений одних и других бывает связано с изменившимся объемом сведений, и это объективная причина. Но нередко это бывает вызвано большей или меньшей добросовестностью ученого-историка, его научной совестью, а иногда и грузом каких-то унаследованных от прошлого предрассудков и стереотипов.

Обращаясь к истории мусульманского Востока, мы видим, как появившийся на заре востоковедной науки образ полудикого араба-бедуина, рыцаря пустыни, в едином порыве покорившего обширные пространства от Испании до Китая, уступил место представлению об арабах в доисламскую и раннеисламскую эпоху как о народе с довольно развитой культурой земледелия и торговли. Точно так же долго перед востоковедами маячила фигура безжалостного кочевника-тюрка, вооруженного луком и стрелами и наводящего ужас на цивилизованное оседлое население.

О кочевниках раннего средневековья мы черпаем информацию по большей части из письменных источников оседлых народов, которые не переставая, находились под страхом агрессии со стороны своих соседей-кочевников. Грандиозные оборонительные сооружения на границе между степью и земледельческими районами служили практическим военным задачам, но одновременно и символизировали страх оседлого населения перед воинственными кочевниками, страх, передававшийся из поколения в поколение даже тогда, когда значение этих оборонительных сооружений было давным-давно утрачено.

Страницы многих исторических книг и летописей древности и средневековья, начиная, можно сказать, с Ветхого Завета, дышат паническим страхом перед кочевниками: киммерийцами, скифами, гуннами, аvaraми, печенегами, огузами, кипчаками, мадьярами — рисуют их жестокими, безжалостными, внешне непривлекательными.¹ Эти характеристики, случается, перекочевывают и в научные исследования.²

Складыванию неприглядного образа дикаря-кочевника в немалой степени способствовал и такой отражающий позиции одной лишь стороны стереотип, согласно которому прогресс в социально-политической, экономической и культурной сферах с какого-то определенного, весьма отдаленного от нас этапа развития человечества, может происходить только в земледельческом обществе. При этом игнорируется следующий, важный с точки зрения развития производительных сил общества момент, что развитие и интенсификация земледелия невозможны без соответствующего уровня развития скотоводства, и не только в силу обеспечения военно-политического фактора, необходимого условия нормальной хозяйственно-экономической деятельности (в средние века на Востоке конница была основной ударной силой армии феодальных государств), но еще и потому, что в условиях роста земледельческого производства кочевничество способно предоставить земледелию новых покупателей и продукты обмена (в том числе и навоз, необходимый для повышения продуктивности земледелия), стимулировать вовлечение в активное использование новых, ранее не использовавшихся земель.³

В исследованиях советских и зарубежных ученых в последние десятилетия показано, насколько высокой и самобытной культурой обладали кочевые, в том числе и тюркские, народы в средневековье, насколько богат был их духовный мир, нашедший отражение в мифологии и эпосе. Но следует признать, что для раннеклассового кочевого общества дальнейшее развитие производительных сил и культуры невозможно на базе экстенсивного скотоводства. Крупные кочевые народы неизбежно приходили к полукочевому способу хозяйствования, или составляли со своими соседями-земледельцами единый хозяйственно-экономический организм смешанного скотоводческо-земледельческого типа.⁴

В средневековой арабской литературе сохранились довольно многочисленные свидетельства о том, что среди тюрков были жители как степей, так и городов и крепостей.⁵ Они занимались хлебопашеством, рыболовством, ремеслами, разводили сады, огороды и виноградники. В словаре тюркского языка Махмуда ал-Кашгари (XI в.) содержится много слов тюркского происхождения, охватывающих практически все основные понятия земледельческого производства и виды продукции.⁶ Вместе с тем, если предубеждение о низком уровне духовной культуры тюркских кочевых народов, как говорилось, уже преодолевается, то указанные выше изменения их социально-экономического быта и по сей день связываются исключительно с внешним фактором — исламизацией, открывшей широкие возможности для культурно-хозяйственных контактов с оседлыми народами.

Первым самостоятельным тюркским властителем, принявшим ислам и объявившим его официальной религией своего государства, был Абд ал-Карим Сатук Буг-ра-хан (901—955), основатель караханидской державы в Средней Азии. С этого момента исламизация тюрков происходила весьма быстро и приняла массовый характер. В 960 г. ислам приняли около 200 тыс. семей. Мусульманский мир распахнул перед тюрками свои ворота настезь, и через несколько десятилетий они, возглавляемые победоносным Тогрулбеком Сельджукидом, десятками тысяч устремились на Средний и Ближний Восток, чтобы открыть новую страницу в его многовековой истории.

Однако к этому времени история непосредственных контактов мусульман с тюрками насчитывала уже целых четыре столетия. Арабские воины, первыми в составе отрядов мусульман вошедшие в соприкосновение с тюрками, были поражены бесстрашием, воинским искусством и негибаемостью тюркских воинов. Арабское завоевание здесь приостановилось, и ислам, как заметил известный советский востоковед В. В. Бартольд, перешел на границе с тюрками от наступления к обороне.⁷

При этих обстоятельствах богатое воображение арабов дало толчок к созданию легенд и рассказов, внесших свою лепту в формирование устрашающего образа варвара-тюрка. Жестокими, не знающими жалости, внешне безобразными «с маленькими глазами, приплюснутыми носами, плоскими, как кованые щиты, лицами» предстают тюрки в этих рассказах, которые для придания им

большей достоверности приписывались видным сподвижникам Мухаммада, и даже самому пророку, хотя он вряд ли мог иметь какие-либо личные впечатления о тюрках.

В потоке этих панических сообщений в средневековой мусульманской историографии не сразу удастся обнаружить и извлечь объективные сведения о тюрках.

Оказывается, те самые стены, которые должны были ограждать цивилизованные народы от набегов тюркских варваров и одновременно внушали им страх перед ними, в некоторых местах уже давно входили в состав владений самих тюрков. Арабские авторы ал-Балазури (IX в.)¹ и Кудама (X в.) сообщают, что в давние времена население Гургана, юго-восточного Прикаспия, построило оборонительную стену против тюрков, но ко времени мусульманского завоевания тюрки ее преодолели и владели всем Гурганом, а также соседней областью Дихистан. Эти сведения наши источники приводят в связи с событиями 716 г., когда новоназначенный* омейядский наместник Ирака Йазид б. Мухаллаб выступил в Хорасан, чтобы усмирить сторонников своего мятежного предшественника, знаменитого полководца Кутейбы б. Муслима (ум. 715 г.). Тогда тюркским властителем Гургана (арабск. Джурджана) и Дихистана был некто Сул.⁸

Сведения об этой тюркской династии немногочисленны и туманны. Они правили в юго-восточном При-каспии, по-видимому, еще со времени до начала арабских завоеваний, поскольку первые арабские отряды Сувайда б. Мукаррина, появившиеся здесь в 642 г., пришли в столкновение с силами некоего Рузбана Сула, подданными которого названы тюрки. Был заключен мирный договор с условием выплаты ежегодной дани.⁹ Договор датирован 18(639) г., но Табари поместил его в ряду событий 642 г., обоснованно полагая, что арабы не могли появиться в Гургане до битвы при Нехавенде (642). Условия договора 642 г., как видно, не выполнялись, дань не выплачивалась, и в 650 г. последовал новый поход арабов во главе с Саидом б. ал-Асом в Гурган и Дихистан. По мирному соглашению на этот раз предусматривалась выплата определенной суммы дани, которая колебалась от 100 тыс. дирхамов до 300 тыс.¹⁰ Но местное население выплачивало дань весьма нерегулярно, а потом и вовсе перестало, пока уже известный нам Йазид б. Мухаллаб не взял в 716 г. крепость Сула

и окончательно не подчинил эти области. Судьба самого Сула не совсем ясна: по одним сообщениям, он был убит в сражении, по другим сведениям, он после кровопролитного сражения, в ходе которого было убито 14 тыс. тюрков, сдался, получив гарантии сохранности своей жизни и жизни своих домочадцев и челяди¹¹.

Несколько позднее, в 720 г. сын Сула, который назван владельцем соседней с Дихистаном области Кухйстан, оказался в числе тех сторонников восставшего против центрального правительства Йазид б. Мухаллаба, которые попали в плен после внушительного поражения от войск халифа Йазид б. Абд ал-Малика.¹² На этом, считают специалисты-исследователи, тюркская династия Сула, правившая в Гургане, Дихистане, а возможно, и в Кухистане, прерывается.¹³

Однако вне внимания исследователей оказались два сообщения ат-Табари, из которых следует, что гораздо позже, в 835 г. к уже аббасидскому халифу ал-Мутаси-му был доставлен закованным некий правитель Сул Ар-текин (или Тегин) вместе с группой своих подданных (ахл биладиhi).¹⁴ По всей видимости, он был помилован и обласкан халифом, который даже взял его на государственную службу: в 839 г. он упоминается как военный правитель Дамаска.¹⁵ Видимо, этот Сул Тегин был отпрыском династии Сулидов, сохранявшей вплоть до 835г. свои владения в юго-восточном Прикаспии.

835 г., как известно, был временем перелома в многолетней борьбе халифата с грандиозным восстанием Бабека, охватившим Азербайджан и северный Иран. Многие местные правители примкнули к восставшим. Особую известность получил правитель примыкающей к Гургану прикаспийской области Табаристан Мазйар б. Карин, который в 837 г. был распят в Самарре, тогдашней столице халифата, на одной доске с Бабеком. Возможно, и Султегин вначале каким-то образом поддерживал Бабека, но потом отошел от него, заслужив тем самым благосклонность халифа.

Весьма вероятно, что еще сам Сул принял ислам, а его потомки к началу IX в., несомненно, уже восприняли и арабский язык, и мусульманскую культуру. Из этой семьи происходили, по крайней мере, двое выдающихся представителей средневековой арабо-мусульманской культуры: знаменитый поэт IX в. Абу Исхак Ибрахим б. ал-Аббас ас-Сули (ум. 857 г.) и известный историк

Абу Бакр Мухаммад б. Йахйа ас-Сули¹⁶, оставивший после себя весьма

содержательную историю Аббасидов X в.¹⁷

Такова вкратце история одной, но не единственной тюркской династии, с которой столкнулись арабы на самом раннем этапе своих завоеваний и о которой, в отличие от остальных, мы можем твердо сказать, что она стояла во главе значительного тюркского населения, перешедшего или переходящего к оседлости.

Помимо Сулидов, арабам в Мавераннахре, области за рекой Аму-Дарья, пришлось иметь дело и с другими тюркскими правителями: бухарским властителем бухарахудатом Тугдж Шадом, правителем Согда и Самарканда согдийским ихшидом Гуреком, тюркским правителем области Бадгис Низаком Тарханом и др. Оказав упорное сопротивление завоевателям и отстояв свое достоинство и практическую независимость, эти тюрки тем не менее не могли остаться в стороне от начинавшегося великого культурного и политического подъема халифата. В начале IX в. потомков этих правителей, в частности бухарахудата и согдийского ихшида, мы видим в числе наиболее выдающихся военачальников халифа ал-Мамуна (813—833).¹⁸

Они были далеко не единственными тюрками, вовлеченными в орбиту общественной жизни халифата. Уже в начале IX в. прежде заклятые враги ислама, становятся одним из важных факторов поступательного развития исламского общества. Областью приложения их усилий были преимущественно политика и военное дело. Наглядным свидетельством тому является история тюркской гвардии Аббасидов.

2. Тюркская гвардия Аббасидов

Тюркские военачальники служили в халифском войске в довольно раннее время. Сохранились имена Хаммада ат-Турки, военачальника ал-Мансура (754—775), Мубарака ат-Турки, служившего у ал-Махди (775—785), и некоторых других.¹⁹

Создание и широкое использование отдельных тюркских подразделений связывают с именем халифа ал-Му'тасима. Ядро будущей тюркской гвардии ал-Му'тасима сложилось, по всей вероятности, уже в правление

ал-Мамуна. Первое упоминание о самостоятельной военной экспедиции тюркского корпуса ал-Му'тасима относится к 202 г. (817—818), когда провозглашенный выступившими против ал-Мамуна багдадцами халифом Ибрахим б. ал-Махди послал их на подавление выступления Махди б. Алвана в окрестностях Багдада.²⁰ Со вступлением на престол ал-Му'тасима (833—842) тюркская гвардия становится наиболее близкой к халифу военной силой, особенно после того, как часть старого войска оказалась замешанной в заговоре Абба-са, сына ал-Мамуна.

Распри между тюрками и багдадцами, недоверие к войску, расквартированному в Багдаде, послужили причиной того, что ал-Му'тасим построил новый город Са-марру, где и обосновался с верными ему тюркскими гвардейцами: по словам самого ал-Му'тасима, он искал место для своей новой столицы так, чтобы оттуда мог по суше и по воде добраться до Багдада и подавить нежелательные выступления.²¹ В своей новой столице ал-Му'тасим постарался изолировать кварталы, населенные тюрками, от других районов города.²² В жены гвардейцам были отданы рабыни-наложницы, которые также были включены в диваны.²³

С возрастанием значения тюркской гвардии как основы военной мощи государства росло и влияние тюркских военачальников. Уже сам ал-Му'тасим оказывает большие почести Ашинасу, отличившемуся еще в первой самостоятельной операции против Махди б. Длвана: он усаживает его в своем присутствии и возлагает на его голову венец.²⁴ При халифе ал-Васике тюркские военачальники становятся наместниками больших областей халифата. Тот же Ашинас, например, был назначен над всеми землями от «дверей дворца до крайнего округа на Западе», Итаху, другому тюркскому военачальнику, был отдан Хорасан и Синд,²⁶ Правда, все эти назначения были лишь громкими титулами, призванными оказать почести и удовлетворить тщеславие отличившихся военачальников, поскольку Синд, например, вовсе отпал к тому времени от халифата, а в Хорасане еще со времени ал-Мамуна утвердилась династия наместников Тахиридов.

Тюрки становятся наиболее активной и боеспособной силой, они принимают участие практически во всех военных предприятиях государства, участвуют в походах

против византийцев, подавляют восстания на окраинах халифата и выступления внутри страны, тюрки были посланы в качестве подкрепления Афшину в ходе многолетней войны с Бабеком, возглавившим крупнейшее в истории халифата восстание, вспыхнувшее еще в 816 г. в Азербайджане.²⁶

Говоря о причинах создания тюркской гвардии, ученые-востоковеды высказывали различные мнения вплоть до такого абсурдного, что тюркская гвардия была создана для удовлетворения неестественных половых наклонностей халифов²⁷. Отмечалось, что тюрков привлекали в войско для противодействия Тахиридам²⁸, или считали это причудой ал-Му'тасима, мать которого будто бы была тюрчанкой²⁹, и который, по мнению одного из исследователей, не соответствовал представлениям багдадцев о достойном и образованном правителе и потому не пользовался поддержкой старого войска³⁰.

Не выдерживает критики идея Д. Пайпса о том, что в тюркской гвардии, составленной из рабов, нашла свое выражение исламская сущность средневекового общества: рабская гвардия является характерной особенностью только исламского общества, ее создание обусловлено отказом мусульман служить в войске, вызываемым неизбежным крушением их веры в реализацию справедливых идей ислама.³¹ Излишне повторять, что история знает много примеров организации войска из рабов в немусульманских государствах, и рабское войско никак нельзя считать специфической чертой исламского общества.³²

Автор другой специальной монографии о тюркской гвардии присоединяется к мнению, что тюркское происхождение матери ал-Му'тасима имело решающее значение для создания первых отрядов тюркской гвардии но причиной широкого использования тюрков в войске была, по его мнению, напряженная политическая обстановка, когда значительная часть войска хотела халифом Аббаса, сына ал-Мамуна, и была недовольна воцарением ал-Му'тасима, а после неудавшегося заговора, имевшего целью свергнуть ал-Му'тасима и возвести на престол Аббаса, забота о личной безопасности привела ал-Му'тасима к мысли о резком увеличении численности тюркских гвардейцев³³.

Все указанные причины, нетрудно заметить, носят субъективный характер и могли бы объяснить наличие

очень ограниченного количества телохранителей, но не целой гвардии,

составлявшей, как мы будем иметь возможность убедиться, половину халифского войска. В противовес утверждению Гибба, что назначение тюркской гвардии было противостоять Тахиридам, укажем мнение Х. Кеннеди, считавшего, что в период наибольшего влияния Тахиридов аббасидское государство действовало как хорошо отлаженный механизм, и поступления в казну из Хорасана были как никогда велики.³⁴ Если и можно говорить о личной неприязни ал-Му'таси-ма к Абдаллаху б. Тахиру,³⁵ то известно также, что он относился к Абдаллаху с большим уважением и как-то назвал его даже «человеком, не имеющим себе равных».³⁶

Более обоснованной выглядит точка зрения исследователей, считавших, что халифам важно было иметь в своем распоряжении воинов-чужеземцев, ничем не связанных с местным населением и не имевших никаких корней в стране.³⁷ Такие воины могли оставаться связанными лично с халифом и быть преданными лично ему, но как только эти воины обретали какие-либо материальные интересы, охраняемые законом страны, они переставали быть надежной опорой своих властителей.³⁸ В пользу такого мнения говорят сведения ал-Йакуби о мерах, предпринятых ал-Му'тасимом для изоляции гвардейцев от местного населения³⁹. С другой стороны, поставленная цель изолировать войско достигалась тем, что чужеземцы и рабы, приобретая высокое положение при халифе и получая большое жалование, несоизмеримое с доходами остального населения, вызвали неприязнь и даже ненависть местных жителей.

Одновременно с признанием справедливости высказанного выше мнения нам представляется, что главная причина создания тюркской гвардии лежит глубже. Закономерной тенденцией экономической политики халифата было удерживание государственных доходов примерно на одном уровне. Эта цель достигалась разными путями, спекуляцией государственным зерном, сокращением числа включенных в диваны, различным ухищрениями с целью уменьшения жалования рядовым чиновникам и войску, но главным средством были различные меры по ужесточению налогового режима.⁴⁰ Для осуществления этих мер, естественно, вызывавших недовольство налогоплательщиков, требовалось сильное

войско, состоявшее из профессионалов, не имевших общих интересов с

массами местного населения и по возможности полно изолированных от него. Тюркская гвардия первоначально полностью отвечала этим требованиям. Халифы стремились сохранить эти качества своих гвардейцев, о чем свидетельствуют попытки изолировать их в Самарре. Многие тюрки так и не знали арабского языка. Когда, например, потребовалось вести переговоры с восставшими сторонниками военачальника Багира, к ним пришлось отправлять только тех, кто знал тюркский язык.⁴¹

Мысль об экономически обусловленной необходимости создания тюркской гвардии высказывается не впервые. На это несколько лет назад указывал Л. И. Надирадзе. По его мнению, общественный продукт в халифате делился между тремя субъектами: его производителями— крестьянами, собственниками своих наделов, и феодально зависимыми издольщиками, феодалами, владельцами крупных земельных участков, и государством. До определенного исторического рубежа государство в борьбе за долю в общественном продукте одерживало верх над остальными субъектами дележа, облагая их не фиксированным налогом, а налогом по платежеспособности. Стремление государства путем нефиксированного налога увеличить свою долю в общественном продукте в ущерб другим субъектам дележа порождало оппозицию последних и до предела сужало социальную базу государства, и оно было вынуждено усилить внеэкономические формы принуждения: появилась тюркская гвардия, чуждая населению халифата⁴².

Тюркская гвардия недолго оставалась послушным орудием в руках халифов. Очень кстати было бы привести небольшой отрывок из написанного ал-Джахизом «Послания Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и всего халифского войска»: «Тюрки не знают ни мести, ни обмана, ни лицемерия, ни наушничества, ни притворства, ни клеветы, ни высокомерия к близким, ни притеснения сотоварищей, они не подвержены пороку ереси, не присваивают имущество по причине различного толкования закона. Их недостаток и причина их страданий — тоска по родине, стремление к странствиям, страсть к набегам, влечение к грабегам и сильная привязанность к своим обычаям... Более всего побуждало их к бегству, влекло назад и вызывало

у них отвращение к длительному пребыванию на месте неосведомленность о

своих способностях, неведение своих достоинств и пренебрежение благоприятными моментами их применения и использования. И когда поставили их в одинаковое положение с другими воинами (буквально: сделали их по образцу других воинов), они не захотели быть в последних рядах и в числе всяких других, не захотели пребывать в среде простого воинства и раствориться в общей массе воинов, они сочли это недостойным себя и указали, что им нужно, и увидели они, что им не пристало терпеть притеснения и пребывать в безвестности. Они хуже относятся к тому, кто не знает об их правах, чем к тому, кто пытается сознательно лишить их этих прав. И когда случится им иметь над собой терпеливого владыку, сведущего в судьбах людей, не потакающего дурным обычаям, не попустительствующего низменным страстям, не отдающего предпочтения одной стране перед другой, управляющего со знанием дела, где бы ни управлял, следующего истине во всем, что бы ни делал — останутся тогда те из них, кто понял свою удачу, стал исповедовать истину, отказался от дурных обычаев, избрал для себя истинный путь, оторвался от своей родины, отдал предпочтение имамату перед тиранией, и оказался благоразумным, вопреки своим привязанностям»⁴³.

На основании этого отрывка можно сделать вывод, что первоначально тюрки не имели никаких преимуществ перед другими воинами, значит их высокие воинские качества и преданность обременяли казну не более, чем расходы на других воинов. Однако в правление халифа ал-Му'тасима, а слова о справедливом владыке содержат намек именно на него, как и для него был написан трактат, тюрки достигают того, что считают достойным себя, и, как можно догадываться по последней части отрывка, полностью осваиваются в стране. Но что конкретно имел в виду Джахиз, когда говорил о достойном воз-Даянии тюркам после притеснений и безвестности?

Мы можем предполагать, что ядро тюркской гвардии, складывавшееся вокруг ал-Му'тасима, состояло из рабов, купленных внутри страны или специально вывезенных из пограничных с тюрками районов.⁴⁴ В истории халифата это был не единственный случай использования рабов на военной службе. Известны факты, когда оказавшись в затруднительном положении, арабы давали сопровождавшим

их в походе рабам оружие для участия в сражении. Так поступили

хорасанские наместники Джунайд б. Абд ар-Рахман в 112 (730—731.) г. и Асад б. Абдал-лах в 119 (737)г., когда вооружили рабов и обещали им свободу, если они будут сражаться против тюрков⁴⁵. Однако это не было системой, описанные случаи были мерой, принятой в критическую минуту. Особняком стоит известие, что Зийад б. Абиhi из рабов, захваченных в Бухаре, сформировал в Басре отряд лучников⁴⁶.

Мы, конечно, не можем утверждать, что единственным воздаянием гвардейцам ал-Му'тасима была надежда получить за хорошую службу свободу, но со ссылкой на ал-Джахиза можно считать, что по крайней мере в начальный период войны-невольники ал-Му'тасима не имели преимуществ перед другими воинами. Об этом, кстати, можно судить и по личным наблюдениям Джахиза, который говорил о встрече с тюркским воином, резко отличавшимся скромностью и даже бедностью своей экипировки⁴⁷. Личная зависимость гвардейцев от своего повелителя давала последнему большие права над ними. Однако, как только при ал-Му'тасиме рабское войско становится наиболее значительным и боеспособным воинским контингентом, сохранение рабского статуса гвардейцев становится невозможным, поскольку не находилось иной военной силы, гарантирующей осуществление полных прав повелителя над своими воинами-рабами. «В классовом обществе нигде и никогда армия из рабов не состояла и не могла состоять. Война всегда была привилегией свободных⁴⁸. Д. Пайпс по этому поводу замечает, что рабы-воины, в отличие от обычных рабов, сами высвобождают себя по мере нахождения на военной службе, предлагается даже наряду с термином «манумиссия», обозначающим освобождение раба по воле хозяина, ввести новый термин «ипсимиссия», применимый к самопроизвольному переходу раба воина в положение свободного.⁴⁹

Этому противоречит известие о том, что 8 тыс. рабов получили свободу в соответствии с завещанием ал-Му'тасима, много воинов было отпущено на волю и ал-Му ваффаком.⁵⁰ Кроме того, известен случай когда и после халифа ал-Му'тасима, халиф имел намерение применить всю полноту власти рабовладельца над воинами-рабами.

В 232 (847) г. халиф ал-Мутаваккил, вступив на престол, распорядился выдать премии войску и гвардии. При этом

магрибинцам, одному из контингентов халифской гвардии, предполагалось

выплатить меньше других, и тогда они взбунтовались и отказались от денег вообще. Ал--Мутаваккил приказал продать тех из них, кто был мамлюком, а остальных перевести в положение военных поселенцев. Но за магрибинцев заступился Васиф, конфликт был улажен, и магрибинцы согласились получить премию в первоначальном размере⁵¹. Приведенный эпизод свидетельствует о том, что в гвардии наряду со свободными воинами всегда были рабы, и халифы, разделяя их интересы, могли держать в повиновении одних с помощью других. Описанный эпизод интересен и тем, что еще раз указывает на преимущественное положение гвардейцев перед остальным войском и на возможность перевода из одной категории войска в другую в качестве наказания.

Исследуя состав войска Аббасидов, можно прийти к заключению, что с самого начала оно формировалось из различных в племенном и этническом отношении подразделений. Это делалось с той целью, чтобы говоря словами ат-Табари, подавлять одних с помощью других. Одновременно официальная пропаганда стремилась подчеркнуть единство армии, имевшей общую цель — служение халифу, и даже обосновать единство происхождения представителей разных народов, входивших в состав войска, хотя бы и таких далеких друг от друга как арабы, персы, и турки. Подтверждением этому может быть специально написанный трактат Джахиза, предлагаемый вниманию читателей в настоящем издании.

Численность и содержание тюркской гвардии. Количество тюркских гвардейцев при ал-Му'тасиме не поддается точному определению. По сообщению ал-Йакуби, ал-Му'тасим во время правления ал-Мамуна посылал в Самарканд к Нуху б. Асаду своих людей для приобретения тюркских рабов, и ежегодно к нему поступало определенное количество, пока их не набралось около 3 тыс. Ал-Му тасим стал покупать рабов и внутри страны: так к нему попали Ашинас, мамлюк Ну'айма б. Хазима, Итах, служивших поваром у Салама б. ал-Абраша, Васиф, оружейник, принадлежавший семье ан-Ну'мана, Сима ад-Димашки, купленный у Фадла б. Сахла — все последствии крупные военачальники и вершители политики в халифате.⁵²

Как сообщает ал-Мас'уди, к моменту строительства Самарры у ал-Му'тасима

было 4 тыс. тюркских гвардейцев⁵³. Более поздние источники сообщают, что численность гвардейцев ал-Му'тасима достигала 70 тыс.⁵⁴. Заслуживает внимания мнение современника ал-Му'тасима, поэта Али б. Джахма, который так охарактеризовал халифа:

Имам, у которого двадцать тысяч Тюрков, быстро
пускающих стрелы⁵⁵.

По причине такой разноречивости известий в источниках до сих пор нет представления о численности тюркской гвардии, также невозможно четко ответить на вопрос о численности всей аббасидской армии и о расходах на ее содержание. Автор вышедшей недавно специальной монографии о халифской гвардии, говоря о ее численности, не нашел иного пути, как свести воедино различные сведения источников, указав количество гвардейцев в пределах 4—70 тыс.⁵⁶ В последние годы было высказано и поддержано некоторыми востоковедами мнение, что войско в Аббасидском халифате, исчислялось 50 тыс. воинов, на содержание которых требовалось 14 млн. динаров ежегодно.⁵⁷ Тогда на каждого воина приходится 23,3 динара в месяц — чрезвычайно высокое жалование, даже если считать, что в эту сумму входит стоимость экипировки воина, в 8 раз превышающее заработок квалифицированного ремесленника.

Такие расходы на армию принято объяснять чрезвычайно высоким жалованием тюркских гвардейцев. Перед нами ставится задача с тремя неизвестными: определить численность, среднее жалование и общую сумму расходов на халифскую гвардию. Значение подобного исследования вырастает еще и потому, что в востоковедной литературе существуют два противоположных мнения. Согласно первому, с появлением тюркской гвардии резко сократилась численность остальной армии и она практически перестала существовать.⁵⁸ Противоположная точка зрения заключается в том, что тюрки были лишь небольшой группой военачальников, стоявших во главе подразделений мавали и другого рода зависимых людей из местного населения.⁵⁹ Для выполнения поставленной перед нами задачи обратимся к сведениям о событиях 251 (865) г., сохранившимся в наиболее полно

виде у ат-Табари. Необходимость в этом появляется по' следующим

соображениям.

Дело в том, что в отличие от сообщений об общей численности войска и гвардии, которые не всегда могут считаться достоверными, сведения о численности отдельных отрядов и подразделений выглядят гораздо более скромными и заслуживают большего доверия. Крупный военачальник Васиф ат-Турки выступил в 248 (862) г. в поход на византийские владения всего с 10 тысячами воинов. У другого наиболее влиятельного военачальника Мусы б. Бути в непосредственном подчинении было 2 тыс. воинов, а у третьего военачальника Муфляха — ИЗО воинов.⁶⁰ Этот ряд можно было бы продолжить, но достаточно будет сказать, что мы приводили сведения о наиболее крупных частях войска, в то время как численность отдельных отрядов не превышала часто и нескольких сотен и даже десятков воинов. При таких обстоятельствах, пожалуй, наиболее верный способ определить численность войска и гвардии — собрать как можно больше сведений о численности различных отрядов в такой период, когда в боевые действия оказывались вовлечены все военные силы. Таким периодом являются уже упоминавшиеся события 251 (865) г., которые по причине участия практически всех войск и вовлечения в них различных слоев населения характеризуются как гражданская война.

После смерти халифа ал-Мутаваккиля (847—861), погибшего от рук тюркских гвардейцев, тюрки, по признанию арабских источников, становятся распорядителями судеб государства и самих халифов. Они сажают на престол кого хотят, а кто им негоден—свергают, не спрашивая мусульман и не руководствуясь верой.⁶¹ Широко был распространен анекдот: «Когда астролога спросили, сколько предназначено халифу ов-Му'таззу жить и править один из присутствующих сострил: «Столько, сколько захотят тюрки»⁶². Однако скоро среди самих тюрков начались распри, жертвами которых становятся не только халифы, но и сами тюркские военачальники. Так, в результате интриг насильственной смертью погибают некогда всеильные Утамыш, Итах, Багир⁶³. Глубокий раскол произошел в 251 г. х., когда основная масса гвардейцев выступила против всевластия высшего командования, в частности, двух наиболее влиятельных

военачальников Васифа и Буги аш-Шараби (ас-Сагира). их обвиняли в том, что они захватили всю власть в государстве и прибрали к рукам все богатства.⁶⁴ Прихватив с собой халифа ал-Муста'ина, Васиф и Буга бежали в Багдад, где их поддержал вали Багдада Мухаммад б. Аб-даллах и багдадское войско. С этого момента и вспыхивает война между гвардией и багдадским войском, в которую вовлекается не только все иракское войско, но также и части из других областей халифата.

После бегства ал-Муста'ина в Багдад тюрки избрали халифом ал-Му'тазза (866—869) сына ал-Мутаваккиля и двинулись на Багдад.⁶⁵ Халифская гвардия состояла не только из тюрков, вторым по численности контингентом, составлявшим ее, были магрибинцы, выходцы из западных областей халифата, как невольники, так и свободные.⁶⁶ В составе гвардии были также хорасанцы, иранцы, арабы и ферганцы.⁶⁷

Ал-Муста'ин бежал 4-го или 5-го мухаррама, а 22-го мухаррама из Самарры вышли 5 тыс. тюрков и ферганцев и 2 тыс. магрибинцев и подошли к Багдаду с восточного берега Тигра в районе аш-Шаммасийи. Во главе этого войска стоял брат ал-Му'тазза Абу Ахмад⁶⁸. 17-го сафара на Западном берегу в районе между Катраббу-лем и Кати'ат Умм Джа'фар стало лагерем 4-тысячное войско ферганцев и тюрков под командованием ад-Дар-гамана ал-Фергани.⁶⁹ Здесь произошло первое сражение между тюрками и осажденными багдадцами, закончившееся полным поражением самаррского войска. Неудача заставила тюрков усилить войско на западном берегу, его численность была доведена к 7-му раби ал-ахар до 12 тыс, а во главе войска был поставлен тюрский военачальник Байакбак (Быйык-бек). Ад-Даргаман ал-Фергани возглавил войско Абу Ахмада у аш-Шаммасийи, а на противоположном берегу Тигра у ворот Кат-раббуля расположились 3 тыс. воинов Мусы б.Ашинаса.

Через лазутчика багдадцам стало известно, что в осаде участвует почти все самаррское войско и что в самой Саммарре осталось только шесть военачальников (каи-дов) для охраны крепостных стен.⁷⁰ По некоторым сообщениям мы можем считать, что в распоряжении последних было не более 1 тыс. воинов.⁷¹ Кроме того, неко-торое, очень незначительное количество тюрков было у Мусы б. Буги в Шаме, а также у Музахима б. Хаканя который привел их с собой в Багдад.⁷² В результате, мы

можем с точностью до нескольких сотен утверждать, что халифская гвардия в середине IX в. насчитывала в своих рядах около 25 тыс. воинов.

Два с половиной десятка тысяч воинов не так много, чтобы расходы на их содержание могли быть выше возможностей халифатской казны, как на то указывают некоторые исследователи. Однако следует признать, что помимо гвардии было и остальное войско численностью около 20 тыс. воинов.⁷³ Правда, жалование этих воинов было невысоким и составляло в среднем 2,4 динара в месяц — всаднику, и 1,2 динара — пешему воину.⁷⁴ Отсюда легко установить, что в среднем на оплату такого войска требовалось не более 400 тыс. динаров в год, поскольку всадников, несомненно, было гораздо меньше, чем пехотинцев.⁷⁵ Эта цифра необходима нам для сопоставления с сообщением ат-Табари, согласно которому расходы на содержание всего войска халифа составляли 2 млн. динаров в год.⁷⁶ Теперь можно установить сумму годовых жалований гвардейцев, она будет равна примерно 1 600 тыс. динаров, и определить размер среднего жалования гвардейца — 5,3 динара в месяц. Этот результат хорошо согласуется с некоторыми сообщениями ат-Табари о жалованиях тюркских гвардейцев, которые почему-то оказались обойденными вниманием исследователей.

Уже не раз упоминавшиеся военачальники Васиф и Буга имели при себе преданных им воинов, которым платили по два дирхама в день, что примерно равняется 4 динарам в месяц.⁷⁷ Столько же, правда, в несколько более позднее время платил халиф ал-Мухтади тем тюркам, которые еще оставались верными ему.⁷⁸ Жалование в 4 динара в месяц, видимо, следует считать минимальным для тюркского гвардейца, поскольку мы, например, узнаем, что с ал-Мухтади оставались представители низшего слоя тюркской гвардии, те, кто составлял внешнюю охрану резиденции халифа.⁷⁹ О верхнем пределе жалования тюркского гвардейца мы можем получить представление, обратившись к свидетельству ат-Табари о том, что оставшемуся в Багдаде войску Абу Ахмада предназначалось 2/3 общей суммы выплаты, против 1/3 предназначенной багдадскому войску.⁸⁰ Поскольку нам известно, что в это же время из Самарры для выплаты багдадскому войску поступило 30 тыс. динаров,⁸¹ то войску Абу Ахмада причиталось 60 тыс. динаров

в месяц. Мы знаем также, что у Абу Ахмада было 7 тыс. тюрок, и тогда жалование каждого из них было примерно 8,5 динара.

Подводя итоги, мы можем с точностью до нескольких сотен определить, что в середине IX в. численность халифской гвардии была 25 тыс. воинов. Минимальное жалование гвардейца равнялось, вероятно, 4 динарам в месяц, а максимальное было примерно вдвое больше.

Эти выводы, полученные на основе анализа сообщений ат-Табари, мы имеем возможность проверить на материале, представляемом другим выдающимся историком Хилалом ас-Саби. Сообщения ас-Саби относятся к концу IX— началу X веков, и следовательно позволяют судить не только о достоверности наших результатов, но и об изменениях средних размеров жалований и общей суммы содержания гвардейцев.

В знаменитом и заслужившем добрую славу надежного источника произведении ас-Саби «Китаб ал-вузара» мы находим подробный перечень подразделений гвардии с указанием сумм дневных и месячных выплат.⁸² Исследование этого документа было осуществлено в специальной статье.⁸³ Основные выводы сводятся к следующему.

В конце IX — начале X вв. тюркская гвардия Абба-сидов состояла из 5 подразделений, общей численностью 20—25 тыс. воинов. Жалование пешего гвардейца колебалось от 4 динаров до 7 динаров в месяц и составляло в среднем 5 динаров. Конный гвардеец получал примерно вдвое больше. Расходы на содержание этой гвардии составляли около 1,6 млн. динаров в год. Как видим, картина мало изменилась. Подобная стабильность численности гвардии и расходов на ее содержание прослеживается на фоне относительно неизменного уровня доходов государства в период с возникновения халифата до начала X в.⁸⁴ Все наши расчеты производились в единой денежной единице — золотых динарах, находившихся в обращении в IX—X вв. и имевших теоретический вес 4,27 г.⁸⁵ Остается предположить, что финансовые кризисы первой половины X в. были, по-видимому, следствием обозначившейся тенденции к снижению доходов государства, вызванной целым рядом экономических и социальных причин, требующих специального исследования.

3. Эволюция представлений о тюрках в раннесредневековой арабской

литературе

Хадисы. Первым в хронологическом ряду сведений арабов о тюрках должны быть названы хадисы, начавшие складываться после первых столкновений арабов с этим воинственным кочевым народом. Не являясь источником достоверных сведений, хадисы тем не менее передают картину представлений арабов о тюрках на ранней стадии исторического сознания арабов, на стадий понятий мироздания и представлений, рисуемых Кораном и завещанных пророком Мухаммадом.

В арабской исторической литературе наиболее ранним упоминанием слова «тюрк», видимо, следует считать сохранившееся у ат-Табари сообщение о том, что накануне «окопной войны» Мухаммад отдыхал в каком-то «тюркском шатре», а также рассказ о добыче, захваченной в Мадаине (642), где указывается на сосуды с золотом, стоявшие в «тюркских шатрах»,⁸⁶ и хотя, по свидетельству византийских и сирийских источников, нам известно, что тюрки привлекались к участию во внутривосточных событиях Сасанидского Ирана,⁸⁷ трудно предположить, что к 642 г. тюркские кочевья доходили до Мадаина (Ктесифона) и что арабы еще до начала эпохи великих завоеваний имели регулярные контакты с тюрками. Сообщение ат-Табари может рассматриваться, в лучшем случае, как косвенное доказательство участия в сражениях персов с арабами отдельных отрядов тюркских наемников. Но при завоевании Хорасана столкновения с тюрками принимают регулярный характер. Чем дальше шли арабы на восток, тем чаще они имели дело с тюрками, в сражениях с которыми им не удавалось достичь сколько-нибудь значительного успеха вплоть до правления хорасанского наместника Кутай-бы б. Муслима (705—715).⁸⁸

Арабы не могли не оценить мужества и замечательное военное искусство тюрков. Это первое впечатление закрепилось за ними навсегда. Вот что пишет о тюрках, как бы подводя черту под их достоинствами и недостатками известный историк XIII в. Ибн ал-Ибри: «Что касается тюрков, это многочисленный народ, главное их преимущество заключается в военном искусстве и изготовлении орудий войны. Они искуснее всех в верховой езде и самые ловкие в нанесении колющих и рубящих ударов и

стрельбе.»⁸⁹ Таков был трезвый, спокойный взгляд на вещи по прошествии

нескольких веков. А перед первыми мусульманами стоял враг, враг жестокий бесстрашный о котором арабы, до того с непостижимой легкостью сокрушившие военную мощь Сасанидской державы, едва ли знали ранее и о котором ничего не говорил Мухаммад, скончавшийся за десять лет до взятия Мадаина. Но еще живы были сподвижники и современники Мухаммада, у которых можно было спросить, неужели великий пророк ничего не знал о тюрках? Оказывается, «знал».

Эти «знания» со ссылками на Мухаммада, его сподвижников и деятелей ранней истории ислама рассыпаны по различным произведениям средневековых авторов и сборникам хадисов. Из уст в уста передавалось предостережение, будто бы оставленное Мухаммадом своим потомкам: «Не трогайте тюрков, пока они не трогают вас»⁹⁰. «Тюрки будут первыми, кто сможет отобрать у моего народа его владение», — добавляет пророк⁹¹.

Соответствующие наставления давали мусульманам и праведные халифы. Умар б. ал-Хаттаб (634—644): «Тюрков в погоне невозможно настичь, и богатой добычи с них не возьмешь». Он же: «Если ранили вы тюрка, отрубите ему голову, ибо они возвращаются с порога смер-! ти, а как вернуться, так станут еще (Непримиримее через вас же, а не сами по себе.)»⁹²

Передают следующий рассказ из жизни халифа Му'авии (661—685): «Сказал Ну'айм, ссылаясь на Ибн Зу-л-Кала, который сказал: «Был я с Му'авией, когда при была почта от наместника Армении. Он прочел послание и разгневался, и велел позвать писца. Сказал он писцу: «Пиши ответ на его письмо... Ты говоришь, что тюрк; совершили набег на твои земли и захватили добычу, ты послал в погоню за ними людей, и они вернули захваченное. (Говорю тебе), не раздражай их ничем, не отбирай у них обратно ничего, как если бы потеряла бы мать в детстве и нечем было бы возместить утрату: слышал я, как говорил посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: «Они доберутся до родины наших предков.»»⁹³

Как видно из последних слов рассказа, арабы страшились тюрков не только в настоящем, но и связывали с ними мрачные предсказания своего будущего. Подтверждающих это пророческих высказываний много. Приведем лишь некоторые из них.

Со слов пророка; «Тюрки изгонят население Ирака из их страны.»⁹⁴

Со слов Абдаллаха б. Амра:⁹⁵ «Всего в (истории) народов пять кровопролитных битв, две из них уже минули, а три выпали на долю нашего народа: битва с тюрками, византийцами и Даджалем.»⁹⁶

Со слов Хузайфы: «Тюрки захватят Куфу, хазары — ал-Джазиру, а византийцы—аш-Шам»⁹⁷.

Кто же они эти страшные люди, битва, с которыми предвосхитит пришествие Даджала, исламского Антихриста, какого они роду—племени? Верные своим взглядам на происхождение племен и народов от мифических прародителей, арабы и для тюрков нашли подобающую генеалогию. Отцом тюрков назван Тираш⁹⁸, сын, а в некоторых вариантах внук мифического Яфета, сына Ноева⁹⁹.

Наряду с этой «законной» генеалогией, существовала легенда о происхождении тюрков Хорасана от четырех сыновей Авраама, рожденных ему Кантурой дочерью Мафтуна,¹⁰⁰ или Хеттурой, как она названа в Библии.¹⁰¹ Дальнейшее развитие событий этой легенды, союз потомков Кантуры с хазарами и взаимные браки между ними,¹⁰² очевидно, являются отголоском действительных исторических событий—воцарения на престоле хазарского хакана ветви тюркского рода Ашина, правившего в западно-тюркском каганате.¹⁰³

Любопытно, что более поздние авторы, собрав эти сведения в единые компилятивные труды, заметили не соответствие в таком двукратном «порождении» тюрков. Так, ат-Табари, говоря о потомках Кантуры и об их контактах с хазарами, не называет их тюрками,¹⁰⁴ а Ибн ал-Ибри находит другую возможность устранить противоречие: он говорит о Кантуре уже как о дочери тюркского царя.¹⁰⁵

Под именем потомков Кантуры тюрки упоминаются в целом ряде преданий, продолжающих серию мрачных пророчеств. Со слов пророка: «На землю, которая зовется Басра, или Бусейра, явятся потомки Кантуры и поселятся по усаженным пальмами берегам реки Дидж-ла,¹⁰⁶ и разделятся люди на три группы: первые будут насильно ассимилированы и исчезнут, вторые добровольно откажутся от своей веры, а третьи загородят своими спинами семьи и будут сражаться, и да поможет Аллах оставшимся из них».¹⁰⁷

Со слов Абдаллаха б. Амра б. ал-Аса: «Скоро потомки Кантуры изгонят вас

из Ирака». Спросил я: «А потом мы вернемся?» — «А разве вы хотели бы этого?» — Сказал я: «Да!» — «Потом вы вернетесь, и будет это вашим единственным утешением в жизни.»¹⁰⁸

Сохранились хадисы, в которых приводятся описания внешнего облика людей, несущих арабам бесчисленные несчастья и беды.

Со слов Абдаллаха б. Аббаса: «Халифатом будут править мои потомки, как сломят их могущество люди с лицами красными и напоминающими кованые щиты»¹⁰⁹. Со слов Абу Хурайры: «Не наступит (судный) час, пока не явятся люди с широкими лицами, маленькими глазами и приплюснутыми носами, чтобы стреножить своих лошадей у берегов" Диджлы»¹¹⁰. Со слов пророка: «Не наступит (судный) час, пока не явятся тюрки с маленькими глазами, приплюснутыми носами, с красными лицами, напоминающими кованые щиты.»¹¹¹

Смысл всех высказываний один; страх перед надвигающимся нашествием сильного и несокрушимого народа. Этим народом арабы прямо называют тюрков. У кого же как не у них «широкие красные лица с маленькими глазами, приплюснутыми носами» — лица степняков.

Нам представляется естественным вывод, что исходным элементом мировоззрения мусульман в ту раннюю эпоху, давшим толчок к созданию этих хадисов, было кораническое предание о Гоге и Магоге и их миссии завоевателей мира перед судным днем.

«Как скоро проклятие было на какой-либо город, мы губили его, потому что они не обратились бы дотоле, по; куда не высвободятся Йаджудж и Маджудж, покуда они со всех холмов не устремятся.»¹¹²

Развитием этого коранического сюжета были хадисы, в которых дается дополнительно и описание внешности мифических Гога и Магога, как будто списанные с натуры кочевника-тюрка.

«Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, — сказал, перевязывая палец, ужаленный скорпионом: Вы говорите, нет у вас врага, но вы будете все время сражаться, покуда не явятся Йаджудж и Маджудж, покуда со всех склонов они не устремятся — широколицые, с маленькими глазами, серыми шапками, с как кованые щиты.»¹¹³

Связь этого хадиса с кораническим текстом очевидна, она устанавливается

даже по лексическому составу хадиса и коранических стихов, Такая же связь, как нетрудно заметить, имеется и с хадисами о тюрках.

Ранние арабские историки даже пытались логически обосновать возникшие в сознании арабов ассоциации реальных тюрков с мифическими Гогом и Магогом. «Йад-жудж и Маджудж состоят из двадцати двух племен, из них только тюрки остались по эту сторону стены, воздвигнутой Зу-л-Карнайном», — говорится в предании, сохранившемся у несколько более позднего автора.¹¹⁴ Чтобы смысл этого предания был ясен, отметим, что в Коране содержится рассказ о том, как Александр Македонский (*Зу-л-Карнайн* — Двурогий) будто бы загнал Гога и Ма-гога па край света и построил стену, оградившую цивилизованные народы от них¹¹⁵. У людей с такими представлениями легко могла возникнуть мысль объяснить происхождение названия «турк» словами, будто бы сказанными Александром, который к тому же вряд ли говорил по-арабски: «Утрукухум! (Оставьте их!)»¹¹⁶.

Следует указать, что ряд хадисов о тюрках имеет параллели применительно к абиссинцам. Это позволило польскому ученому А. Зайончковскому утверждать, что хадисы о тюрках слагались по аналогии с хадисами об абиссинцах и хронологически следовали за ними.¹¹⁷ Не уязвляя всего вышеизложенного, это подтверждает лишь то, что арабы в VII—VIII вв. усиленно искали тюркам место в привычном для них мире коранических преданий.

С течением времени взгляды арабов как на тюрков, так и на первые сообщения о них не могли не измениться.. Достоверность хадисов о грядущих «кровопролитных битвах» с тюрками и их действительная отнесенность к высказываниям известных авторитетов мусульманской традиции подвергались сомнению уже в середине IX в.. Более поздние хадисоведы прямо указывают на слабость цепочки передатчиков этих хадисов и на их несоответствие истине.¹¹⁸

Как долго продолжалось господство представлений: о тюрках как о варварских Гоге и Магоге позволяет судить датировка экспедиции Саддама Тарджумана, отправленной халифом ал-Васиком (842—847) на поиски легендарной стены Гога и Магога.¹¹⁹ Мотивировка этой

экспедиции всегда представлялась исследователям не-объяснимой.¹²⁰ Однако при учении указанных выше представлений арабов о тюрках и фактов арабо-тюркских взаимоотношений, накопленных ко времени правления халифа ал-Васика, мотивы этого предприятия поддаются некоторому объяснению.

Приход новой династии Аббасидов означал известную переориентацию политики по отношению к неарабам и широкое их привлечение на службу в государственном аппарате и войске. Опорой халифа становится войско, завершившее свое победоносное шествие с востока поселением в специально построенной новой столице халифата Багдаде. В этом новом войске, вероятно, были и тюркские гулямы, во всяком случае, отдельные личности упоминаются среди военачальников халифа ал-Мансура устроителя Аббасидского государства и основателя Багдада.¹²¹ О том, как росло значение тюркских гвардейцев и как при халифе ал-Му'тасиме они превратились в основную силу халифского войска, мы говорили в соответствующем разделе введения.

Правление преемника ал-Му'тасима халифа ал-Васика (842—847) ознаменовано растущим вмешательством гвардии в управление государством. Из простых военачальников тюркские гулямы превращаются в правителей областей. Так один из тюркских военачальников Ашинас был Назначен правителем земель «от ворот халифского дворца до пределов Магриба». От Гога и Маго га до правителя исламских областей! Естественно, что прежние представления не укладываются в голове ал-Васика, а соответственно, вновь возникает вопрос о Гоге Магоге и в связи с этим о сохранности стены, ограждающей цивилизованный мир от этих варварских народов. С целью выяснения этого вопроса и устранения сомнений, возникших у ал-Васика, и была снаряжена экспедиция Саллама Тарджумана. К этому же времени относятся и свидетельства арабских авторов, опровергающие достоверность старых хадисов о тюрках: ведь они, как утверждает Джахиз, стали «опорой ислама» и «защитой халифов».¹²²

Говоря о причинах, побудивших ал-Васика снарядить экспедицию на поиски стены Гога и Магога, нельзя не указать вслед за Н. Велихановой, что правление ал-Васика было временем, когда рационалистическое учение мутазилитов было признано официальной доктриной

халифата, значит противоречия между действительностью и отжившими

свой век представлениями требовали своего разрешения.¹²³

Халиф ал-Васик был доволен результатами экспедиции и щедро вознаградил ее участников, подарив каждому по тысяче динаров,¹²⁴ а вскоре и оставил этот мир, успокоенный, очевидно, за судьбу своего народа перед опасностью нашествия «северных варваров». Однако было ли оправдано такое спокойствие под бдительной охраной тюркской гвардии показал дальнейший период истории, «характеризующийся произволом тюрок и их вмешательством в дела халифата.»¹²⁵

Специальные произведения о тюрках. Сомнение в достоверности и справедливости прежних представлений возникали, несомненно, с накоплением новых, более объективных знаний о тюрках. Важная роль, которую играли тюрки в политической жизни халифата, вызывала повышенный интерес к этим народам у арабских писателей и историков. Первым известным сочинением арабской литературы, специально посвященным тюркам, было «Послание Фатху б. Хакану о достоинствах тюрок и остального халифского войска», написанное известным прозаиком Абу Усманом ал-Джахизом в конце первой половины IX в. и вошедшее в себя, по-видимому, значительную часть новых знаний арабов о тюрках, а также соображения самого автора о них. Специальных произведений о тюрках до наших дней сохранилось еще два: глава «О тюрках» мешхедской рукописи книги Ибн ал-Факиха ал-Хамадани «Ахбар ал-Булдан» (Известия о странах) и сочинение арабского автора XI в Абу-л-Ала. Ибн Хассула «Книга о превосходстве тюрок над остальными воинами и о достоинствах высочайшего султанского Присутствия». Кроме того, мы располагаем достоверным сообщением о том, что врач и писатель Али б. Мухаммад ал-Хид-жази ал-Каййини (ум. 546/1151 г.) написал для султана Санджара (1118—1157) какую-то «Книгу о достоинствах (мафахир) тюрок»¹²⁶. Но, к сожалению, она до нас не дошла, и можно только предполагать, что она во многом Должна была бы походить на упомянутую уже нами книгу Ибн Хассула. Что касается последнего произведения, то хотя оно и близко по жанру известному «Посланию» Джахиза, но было написано совсем при других исторических условиях, когда за время после появления тюрок на службе у Аббасидов, они смогли усвоить достижения

великой арабо-мусульманской культуры и превратиться в один из факторов ее поступательного развития, когда на территории халифата появились и даже успели сойти с его политической арены тюркские мусульманские династии Тулунидов (868—905) и Ихшидидов (935—969) в Египте, Газневидов (977—1186) в Хорасане, Караханидов (992—1211) в Средней Азии, когда принявшие ислам тюрки-сельджуки, возглавляемые Тогрулбеком, появились в мусульманском мире, чтобы выхватить из дряхлеющих рук Аббасидов знамя мусульманского великодержавия.

Все эти три сохранившиеся произведения арабской средневековой литературы о тюрках и предлагаются читателю в переводе на русский язык. Начать, видимо следует со второго из них, с «Известий о странах» Ибн ал-Факиха, которое хотя и было написано на столетия позже «Послания Фатху б. Хакану», включает тем не менее самые ранние сведения арабов о тюрках.

ГЛАВЫ «О ТЮРКАХ» И «О НЕКОТОРЫХ ГОРОДАХ
ТЮРКОВ И ОБ ИХ ДИКОВИННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ»
МЕШХЕДСКОЙ РУКОПИСИ КНИГИ ИБН АЛ-ФАКИХА
АЛ-ХАМАДАНИ «АХБАР АЛ-БУЛДАН»
(ИЗВЕСТИЯ О СТРАНАХ)

О самом Ибн ал-Факихе нам, можно сказать, ничего; не известно. Из знаменитого «Фихриста» Ибн ан-Надима, нашего надежного путеводителя по арабской литературе до X в., известно только, что он был знатоком пре-, даний и литературы и звали его Ахмад. Сообщается там же, что помимо «Ахбар ал-булдан», Ибн ал-Факиху при-надлежало еще одно произведение, посвященное поэтам, Которое До нас не дошло.¹²⁷

Географический труд Ибн ал-Факиха был составлен около 903 г. и, по преданию, состоял из пяти томов¹²³ Нам известен сокращенный его вариант, выполненный в 1022 г. Али б. Джа'фаром б. Ахмадом аш-Шайзари и опубликованный де Гуге в 1885 г. в известной серии произведений арабских географов.¹²⁹

Писателем, оказавшим, несомненно, большое влияние на Ибн ал-Факиха, был небезызвестный нам ал-Джахиз (ум. 869), творивший несколькими десятилетиями ранее автора «Ахбар ал-булдан». Перу ал-Джахиза

принадлежат два известных нам географических труда, одно из которых, к

сожалению, сохранившееся лишь в цитатах у более поздних авторов, имело название, перекликающееся с названием труда Ибн ал-Факиха — «Китаб ал-амсар ва аджаиб ал-булдан» (Книга о больших городах и диковинках стран).¹³⁰ О том, что Ибн ал-Факих был продолжателем и подражателем географических трудов ал-Джахиза, нам говорит известный географ конца X в. ал-Мукаддаси: «Я видел книгу, которую составил Ибн ал-Факих ал-Хамадани в пяти томах. Он пошел по другому пути (чем Абу Зайд ал-Балхи) и упоминает большие города. Он включил в книгу разные отрасли наук: иногда он отрекается от мира, другой раз привлекает к нему, по временам заставляет плакать, а по временам смеяться и развлекает. «Книга городов» ал-Джахиза невелика, и книга Ибн ал-Факиха на ту же тему, но еще больше наполнена всякой начинкой и рассказами. Оба они оправдываются словами: «Мы включили все это в нашу книгу, чтобы читающий Мог развлечься, если ему станет скучно». Случалось, что я смотрел в книгу Ибн ал-Факиха будучи в какой-нибудь стране, и попадал на историю и разветвления, которые он включил (без всякой связи). Этого я не могу одобрить.»¹³¹

В конце XIX в. в библиотеке мечети имама Али ар-Риза (Рауза и имам Риза) в Мешхеде была найдена рукопись объемом 212 страниц большого формата. С историей обнаружения и исследования этой рукописи, получившей название Мешхедской, советский читатель уже имел возможность ознакомиться¹³², потому ограничимся следующими необходимыми замечаниями.

Весной 1923 г. А. З. Залиди (впоследствии профессор Стамбульского университета А. З. Тоган) имел возможность просмотреть рукопись и вскоре опубликовал ее описание.¹³³ Как оказалось, листы 16—132б Мешхедской рукописи представляли собой ранее неизвестную редакцию книги Ибн ал-Факиха, значительно отличавшуюся от редакции аш-Шайзари, изданной де Гье. Далее следовали две записки (*рисала*) известного путешественника X в. Абу Дулафа Мис'ара б. Мухалхила о его путешествиях по Средней Азии, Китаю/и Индии, а также Персии и полный текст сочинения Ибн⁷ Фадлана о его путешествии к волжским булгарам в 921-922 г. Произведения Абу Дулафа и Ибн Фадлана были объектом детальных

исследований русского востоковеда В. В. Григорьева и советских ученых П.

Г. Булгакова, А. П. Ковалевского и А. Б. Халидова¹³⁴.

Сложная судьба оказалась у мешхедской рукописи Ибн ал-Факиха. Она, по-видимому, также является сокращением оригинала, поскольку в ней отсутствуют две пространные главы об Азербайджане и Армении, имеющиеся в издании де Гье. Вместе с тем, это более полная редакция, в ней содержатся дополнительно 11 глав, отсутствующих в компендиуме аш-Шайзари. На сегодняшний день неосуществленными остались планы подготовки и издания сводного текста Ибн ал-Факиха на основе издания де Гье и Мешхедской рукописи. Тем не менее, практически все ранее неизвестные главы Мешхедской рукописи усилиями А. С. Жамкочяна и О. В. Цкитишвили были изданы и переведены.¹³⁵

Однако по весьма любопытному стечению обстоятельств сведения Ибн ал-Факиха о тюрках, сохранившиеся в мешхедской рукописи, несмотря на то, что они как раз и привлекли особое внимание первого исследователя рукописи А. З. Тогана, а впоследствии и ряда других известных востоковедов, у нас в стране и за рубежом, так до сих пор и не увидели света в своем полном виде.

А. З. Тоган в своей статье о Мешхедской рукописи особое внимание уделил сведениям о тюрках, а позднее посвятил им специальную статью, излагающую основную их содержание, сопроводив изложение собственными соображениями об их достоверности и информативности.

Отрывок, охватывающий рассказ Тамима б. Бахра ад-Мутавви'и, был опубликован с английским переводом и комментариями В. Ф. Минорским.¹³⁷ Исследования Минорского показали, что рассказ Тамима б. Бахра является первоисточником для многих арабских авторов, писавших о тюрках, в частности, Ибн Хордадбега, Кудамы, Йакута, по наиболее полному виде сохранился в мешхедской редакции Ибн ал-Факиха, так что для тех, кто писал позже него, Ибн ал-Факих, по всей вероятности, сам выступал в качестве источника.

Советские востоковеды получили возможность вплотную заняться исследованием Мешхедской рукописи после того, как ее фотокопия была прислана в дар III Международному конгрессу иранского искусства в Ленинграде и в 1927 г. поступила на хранение в библиотеку

ныне Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Инв.

1937, Ф— В 202). Позже по заказу А. Б. Халидова был получен также и микрофильм (м/ф №130 дело 1977).

Уже в 1939 г. С. Л. Волин опубликовал небольшой фрагмент сведений Мешхедской рукописи о тюрках под заглавием «Рассказ о гуззах и «дождевом камне».¹³⁸ Тогда же было объявлено, что готовится к изданию весь свод сведений.¹³⁹ Трудно сказать, что помешало осуществлению этих планов, во всяком случае, положение не менялось вплоть до 1980 г. когда академик АН Азербайджана З. М. Буниятов посчитал нужным привлечь к решению этой задачи мои скромные силы. Работа над переводом и комментариями была уже завершена, когда мне в руки попала рукопись русского перевода и некоторые, в основном, текстологического характера примечания, выполненные профессором О. В. Цкитишвили. Отрадно было обнаружить, что сделанные независимо друг от друга переводы мало отличались, за исключением некоторых деталей. В создавшейся ситуации я счел возможным опубликовать свой перевод и комментарий, который при наличии филологического анализа, имеет больше историографическую направленность. Очень надеюсь, что уважаемый О. В. Цкитишвили заинтересуется нашей работой и проявит инициативу в ее научной критике.

Сведения Ибн ал-Факиха о тюрках, несомненно, могут пролить дополнительный свет на некоторые вопросы истории тюркских народов до ислама. Но осуществление этого — задача специалистов-тюркологов, нашей же целью было только помочь им в этом. И потому все наши соображения по поводу тех или иных сообщений, сохранившихся в Мешхедской рукописи, мы поместили в примечаниях. И только для рассказа Тамима б. Бахра, вызывавшего повышенный интерес в востоковедной литературе, сделаем исключение, высказавшись, правда, только в общих чертах. Что касается деталей и развернутой аргументации, то с ними также можно ознакомиться в соответствующих примечаниях к тексту.

Поскольку нам известно, что Тамим б. Бахр ездил к тугузгузскому хакану, ответ на вопрос, когда состоявшего путешествие Тамима и что было конечным пунктом маршрута может прояснить обсуждаемую уже давно

проблему, какой тюркский народ называется в арабских источниках

тугузгузами.

О хакане тугузгузов и его народе Тамим сообщает следующие, помогающие решению поставленных вопросов, сведения.

1. Хакан был зятем китайского императора.
2. Китайский император платил ему дань в 500 тыс. кусков шелка,
3. В столице тугузгузов был золотой шатер.
4. Тугузгузы были манихеями.
5. Направо от столицы тугузгузов жили какие-т тюрки, не смешанные с другим народом, а впереди бы Китай,

Первые четыре обстоятельства, особенно, факт наличия золотого Шатра указывают на столицу уйгуров на Орхоне: Для В. В. Бартольда и И. Маркварта это было не столь очевидно, видимо; потому, что они не могли ознакомиться с Мешхедской рукописью, а анонимное сообщение о золотом шатре, сохранившееся у Ибн Хордадбеха, они не имели достаточных оснований отнести к рассказу Тамима б. Бахра (см. прим. к тексту 59, 62),

Те исследователи, которые были знакомы с Мешхедским списком Ибн ал-Факиха, единодушны в том, что Тамим посетил столицу уйгуров на Орхоне, однако, Они расходятся во мнениях относительно датировки путешествия. А. З. Тоган, исходя из сообщений (1) и (3), считает, что Тамим побывал у хакана Моянчура, т. е. путешествие состоялось где-то между 746—759 гг. Однако при этом он не учитывает ряд обстоятельств, в том числе и то упоминаемое выше, что китайский император выплачивал хакану 500 тыс. кусков шелка, а для середины VIII в. это чересчур много: китайские источники говорят о гораздо более скромных размерах дани (см. прим. к тексту 60, 64, 65).

В. Ф. Минорский делает упор на первое обстоятельство (зять императора) и считает, что китайской царевной могла быть только Тхайхо, дочь императора Сяньцзу на, выданная за уйгурского хакана в 821 г. Можно воя разить, что, начиная с Моянчура, практически каждый уйгурский хакан имел в женах китайскую царевну, ибо это было своеобразным оформлением отношений между каганатом и империей (см. прим. к тексту 64), Оба

исследователя не учитывают последнего обстоятельства (п. 5), которое

позволяет отнести путешествие Тами-ма б. Бахра ко времени не позднее 808 г. (см. прим. к тексту 61). С другой стороны, оно не могло состояться ранее начала IX в., поскольку именно в это время дань, выплачивавшаяся уйгурам, достигает размеров 500 тыс. кусков шелка (см. прим. к тексту 65).

Абу Усман Амр б. Бахр ал-Джахиз

«ПОСЛАНИЕ АЛ-ФАТХУ Б. ХАКАНУ О ДОСТОИНСТВАХ ТЮРКОВ И ОСТАЛЬНОГО ХАЛИФСКОГО ВОЙСКА»

Абу Усман ал-Джахиз (ум. 869 г.) — один из самых выдающихся писателей средневековой арабской литературы. За свою долгую жизнь, а он прожил свыше 90 лет,¹⁴⁰ ал-Джахиз написал такие широко известные произведения, как «Китаб ал-бухала» (Книга о скупых), «Китаб ал-Хайаван» (Книга о животных), «Китаб ал-байан ва-т-табйин» (Книга изложения и ясности). Характерным для этих довольно больших по объему книг, является насыщенность сведениями, порой не всегда системно расположенными и очень разнообразными, как по содержанию, так и степени важности и достоверности. Это иногда давало исследователям судить об ал-Джахизе как о доверчивом и не совсем серьезном авторе.¹⁴¹

Тем не менее, авторитет ал-Джахиза признавался, еще при жизни: ему было позволено свободно входить и выходить во время аудиенций халифа,¹⁴² наряду с Умаром б. ал-Хаттабом и Хасаном ал-Басри он был назван в числе трех личностей, «за которых арабам могли позавидовать другие народы.»¹⁴³

О том, насколько справедливо приведенное выше мнение об ал-Джахизе, позволяет судить другая сторона его творчества, его небольшие по объему специальные трактаты. Каждая из этих работ была посвящена какому-либо отдельному вопросу. В предисловии к своему «Хайаван» ал-Джахиз дает список этих работ и иногда краткое их описание¹⁴⁴. Авторский вкус ал-Джахиза, видимо, тяготел именно к этим компактным, логически завершенным произведениям, вобравшим в себя все известное ему по конкретному вопросу, часто вынесенному в название трактата: «Книга об арабах и мавали»,

302-3

«Книга о кахтанитах и аднанитах», «Книга о противоречиях между

родом Хашима и Абд Шамса»| «Книга о рудниках и слово о драгоценных камнях и раз; личных минералах» и др¹⁴⁵. Ал-Джахиз открыто сокрушал по поводу многочисленности общих описаний и не достатка специальных трудов,¹⁴⁶ последние, считал он предпочтительнее, ибо более объективны, чем объемистые и многоплановые произведения.¹⁴⁷ Вероятно именно это позволило А. Мецу назвать ал-Джахиза «отцом новой арабской прозы»¹⁴⁸.

Одиннадцать из дошедших до нас трактатов изданы в Каире Мухаммедом Эфенди ас-Сули ал-Магриби¹⁴⁹ Три трактата изданы в Лейдене в 1903 г. ван Флотеном и де Гее¹⁵⁰. В ряду этих произведений «Послание Фатху б. Хакану о достоинствах тюрок и остального халифского войска», вошедшее в оба сборника, примечательно по следующим соображениям. Обнаруживая органическую связь с другими произведениями ал-Джа хиза — некоторые мысли, высказанные здесь автором о кахтанитах и адананитах, о хорасанцах, о Хашиме и Абд Шамсе нашли свое развитие в отдельных трактатах — «Послание» резко отличалось своей злободневностью, оно было продиктовано политической ситуацией в халифате. Трактат был написан во времена халифа ал-Му'тасима* (833—842),¹⁵¹ и видимо, в ответ на его пожелание, или даже по его заказу, но по причинам о которых автор предпочел умолчать,¹⁵² он не был представлен ал-Му'тасиму. И лишь во времена ал-Мутаваккиля ал-Джахиз, значительно дополнив свой трактат, отправляет его ал-Фатху б. Хакану, в качестве ответов на вопросы, с которыми ал-Фатх обратился к нему в своем письме.

Правление ал-Му'тасима характерно тем, что тюркские отряды становятся преобладающей силой в войсках халифа. Отношение других подразделений и багдадского войска к чужестранцам было резко отрицательным, что заставило ал-Му'тасима перенести свою столицу из Багдада в отстроенный им город Сурраман раа¹⁵³. Естественно, халиф ал-Му'тасим должен был позаботиться о том, чтобы расширить социальную базу своей власти и обеспечить поддержку своей политике стремясь, в частности, повлиять на общественное мнение через авторитет ал-Джахиза, т. е. идеологически обосновать свою линию.

При ал-Мутаваккиле, избранном халифом во многом благодаря поддержке

тюркских военачальников Ва-сифа и Итаха,¹⁵⁴ тюркская гвардия стала претендовать на безраздельное господство в халифате и контроль над халифами. Потому особенно обостряется борьба партий при халифском дворе. Необходимость тюркского войска подвергается сомнению и нуждается в дополнительных аргументах, ибо все больше и больше высказывалось мнений против использования тюрков на военной службе. Подобные настроения стали преобладать при особе ал-Мутаваккиля и открыто проявляться на военных советах, созываемых вазиром ал-Фатхом б. Хаканом.¹⁵⁵

Трудно сказать, потому ли, что ал-Джахиз не видел возможности умерить претензии тюркской гвардии на власть, или наоборот, не смог уловить скрытую направленность политики ал-Мутаваккиля против тюрков, а может быть, оставаясь верным и солидарным своей

былой дружбе с Абд ал-Маликом аз-Заййатом,¹⁵⁶ влиятельным вазиром ал-Му'тасима и ал-Васика, при которых тюрки приобрели большое влияние,— так или

иначе он резко критикует антитюркские настроения в среде остального войска и посылает ал-Фатху б. Ха

кану свой трактат, который был написан еще в правление ал-Му'тасима. Трактат распадается на три основные части. Первая часть (сс. 1—17) представляет собой текст послания ал-Фатху б. Хакану, в котором ал-Джахиз критикует тех военачальников, кто высказывался против тюрков (1-8), а затем характеризует различные подразделения войска, приводя доводы каждого из них в обоснование особого положения в халифате. Ал-Джахиз говорит о хо-расанцах (8—12), арабах (12—13), мавали (13—15) и абна (15—17), вторая часть непосредственно предваряет трактат о воинствах тюрков. Здесь ал-Джахиз говорит о тех принципах, которых он придерживался при составлении своей книги: приводить известия объективно и без намеренных искажений (17—18), словом своим соединять, а не различные подразделения войска (18-22).

В третьей, основной части, приводятся сравнения воинов-тюрков с харвджитами, хорасанцами и *абна*, в основном, со слов известного военачальника Хумайда

б. Абд ал-Хамида (ум. 825 г.) — (25—35), высказывания других военачальников о тюрках (35—37), рассказ Сумама б. Ашраса о выносливости тюрков и случае еди ноборства между тюркским всадником и одним из спутников Сумама (37—38), наблюдения ал-Джахиза, сделанные в одном из походов ал-Мамуна (39) и во время путешествия из Багдада к каналу Катул (39), рассуждения ал-Джахиза о природных качествах тюрков (39—48). (Далее анонимно приводятся доводы тюрков в пользу их родства с арабами (48). За этим ал-Джахиз включает в трактат известные ему хадисы и стихи о тюрках (48—50), рассказ Джунайда б. Абд ар-Рахмана о встрече с тюркским хаканом (50—53), анонимный рас сказ о встрече Великого Хакана и Кисры на мосту (53) генеалогию омеййадского халифа Йазида б. Валида и его стихи, восхваляющие родство с Хаканом, рассказ Фадля б. ал-Аббаса б. Разина о курьезном случае сдачи сильного укрепления тюркам из страха перед их военным искусством и смекалкой (54—55) и приводит, аргументируя высказываниями Сумама, Абу Мусы ал--Аша'ари и некоего Абу Амра ад-Дарира, сравнение тюрков с муравьями (55).. Заключает Джахиз трактат упованием на то, что его книга послужит делу согласия, а не раздоров, и ее успех будет проявлением воли Аллаха, а неудача проявлением невежества автора (56) «Послание ал-Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска» имеет следующие переводы.

1. На английский язык: см. Уолкер, 1915.
2. На турецкий язык: см.. Шешен, 1967.
3. Третья часть трактата с сокращениями была переведена на русский язык А. М. Мандельштамом: св. Мандельштам, 1956.

Полный перевод трактата на русский язык представляется целесообразным потому, что этот памятник не только является ценным источником по истории халифата, отразившим своеобразие политической ситуации в государстве с появлением тюркской гвардии и наиболее полно, относительно других источников, характеризующим армию халифата в целом, но еще и потому, что представляет собой блестящий образец средневековой арабской прозы, вобравший в себя своеобразие общественной психологии и политической культуры средневекового мусульманского общества.

При переводе мы пользовались изданием ван Флотёи де Гуге составившими критический текст по трем прописям: Дамада Ибрагима № 949, Айя Софйа № 4159 и Дополнительного фонда Британского Музея № 1129,7.

Абу ал-Ала Мухаммед б. Али б. ал-Хассул

«КНИГА О ПРЕВОСХОДСТВЕ ТЮРКОВ НАД ДРУГИМИ
ВОИНАМИ И О ДОСТОИНСТВАХ ВЫСОКОГО
СУЛТАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ»

О трактате Ибн Хассула было известно только по упоминанию в «Кашф аз-зунун» Хаджи Халифы, где просто указывалось на него без какого-либо описания или характеристики содержания. Не так давно иракский адвокат и ученый Аббас ал-Аззави обнаружил в частной библиотеке известного багдадского книголюба ал-Кармали единственную пока рукопись этого сочинения и опубликовал ее в 1940 г. на страницах «Бюллетеня» Турк Тарих Куруму (Турецкого исторического общества). Издание включало также перевод на турецкий язык, выполненный профессором Стамбульского университета Ш. Йалткайа.¹⁵⁷ Арабский текст трактата ал-Аззави предваряет предисловием, из которого мы имеем возможность извлечь и привести ниже дошедшие до нас сведения об авторе.

Наиболее полные сведения об Ибн Хассуле оставил автор библиографического произведения «Татиммат ал-Йатима» ас-Са'алиби. Полное имя Ибн Хассула — Абу ал-Ала Мухаммед б. Али б. ал-Хассул (ас-Са'алиби пишет ошибочно б. ал-Хасан). Его отец Абу ал-Касим был известен своим красноречием и грамотностью. Родом Ибн Хассул был из Хамадана, но семья, видимо, еще с раннего его детства обосновалась в Рее. Здесь он Хассул получил образование и сделал карьеру государственного чиновника, заняв незадолго до завоевания Рея султаном Махмудом Газневидом должность заведующего диваном переписки. Когда султан Махмуд захватил Рей, он обратил внимание на способного и грамотного чиновника, приблизил его к себе и взял с собой в Газну. При султани Масуде Ибн Хассул продолжал пользоваться султанской милостью, но предпочел

вернуться в Рей на прежнюю должность заведующего перепиской. На этом сведения ас-Са'алиби обрываются поскольку он скончался в 429/1038 г., а Ибн Хассул пережил его на двадцать с лишним лет (ум. 450/1058 г.) Он был еще свидетелем сельджукского завоевания и как можно предположить из его сочинения, привлекался Тогрул-беком и его вазиром ал-Кундури к государственным делам. В результате Ибн Хассул написал для Тогрулбека сочинение, которое и предлагается вниманию читателей.

По мнению открывателя трактата ал-Аззави и турецкого переводчика Ш. Йалткайя, произведение Ибн Хассула теснейшим образом связано со знаменитым «Посланием Фатху б. Хакану» ал-Джахиза и может быть поставлено вровень с ним. Не подлежит сомнению что Ибн Хассул был знаком с трактатом ал-Джахиза и испытал при написании своего труда его влияние, но его работа, на наш взгляд, значительно уступает сочинению ал-Джахиза как по богатству и разнообразию сведений, глубине и обоснованности рассуждений, так и по красоте и образности языка.

Два основных вопроса составляют содержание работы Ибн Хассула: критика книги Ибрахима ас-Саби по истории Бундов под названием «ат-Таджи» и характеристика тюрок и династии Сельджукидов. Две цели ставит перед собой автор: как можно более принизить достоинства Бундов и как можно более возвеличить Сельджукидов. Однако справедливость требует сказать, что подобная позиция автора сказалась исключительно только на стиле сочинения: строго логичного при критике Бундов и слащаво-красноречивого при восхвалении Сельджукидов, — но не заставила Ибн Хассула исказить действительные события или приводить вымышленные. Единственное, что он себе позволил, это в рассказе о происхождении Сельджукидов умолчать об их предках-простолюдинах и начать их род с Сарчыка, который, как известно и по другим источникам, сумел подняться до довольно высокого положения в огузском обществе.

Бросается в глаза еще одно принципиальное отличие между сочинениями ал-Джахиза и Ибн Хассула. Если ал-Джахиз пытается обосновать близость хорасанцев и тюрок и даже объединить их генеалогии, то Ибн Хассул, напротив, старается подчеркнуть разницу между

ними. Оно и понятно: ал-Джахиз имел намерение своим трудом

способствовать сплочению различных контингентов халифского войска, устранить раздоры между ними, а Ибн Хассул хотел подчеркнуть превосходство тюркской династии над иранской, обосновать преимущественное право на власть Сельджукидов перед Бундами (см. прим. к тексту 66).

Внимание историков-иранистов привлекут известия Ибн Хассула о местных династиях Южного Прикаспия и Дейлема, дополняющие сведения других арабских источников о них и позволяющие разграничивать области их политического влияния вплоть до завоевания Сельджукидов (см.: текст, с. 31—32, прим. к тексту 9).

Нам остается только сказать, что рукопись Ибн Хассула дошла до нас в списке, выполненном в 649/1252 г. языковедом и хадисоведом Хасаном б. Мухаммадом ас-Сагани (ум. 650/1252 г.).¹⁵⁸

В заключение необходимо отметить также, что в примечаниях по соображениям технического характера мы старались передавать арабские слова и выражения в русской транскрипции.

ПЕРЕВОД

ГЛАВЫ «О ТЮРКАХ» И «О НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ

**ГОРОДАХ И ОБ ИХ ДИКОВИННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ»
МЕШХЕДСКОЙ РУКОПИСИ КНИГИ ИБН АЛ-ФАКИХА
АЛ-ХАМАДАНИ «ИЗВЕСТИЯ О СТРАНАХ»**

Слово о тюрках

Рассказывают со слов Хузайфы,¹ что он сказал: «Тюрки захватят Куфу,² хазары захватят ал-Джазиру,³ византийцы — аш-Шам».⁴ Дошли до нас следующие слова Пророка,⁵ да благословит его Аллах и приветствует: «Тюрки изгонят⁶ иракцев из их страны». Сказал и записал сказанное Умар,⁷ да будет доволен им Аллах за его деяния: «Если ранили вы тюрка, отрубите ему голову, ибо вернуться они с порога смерти, а как поднимутся, так станут еще непримиримее через вас же, а не сами по себе». Рассказывают со слов Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, который сказал: «Тюрки будут первыми, кто отберет у моего народа то, что было ему даровано».⁸ Рассказывают об Абдаллахе [ибн] Аббасе,⁹ что сказал он: «Клянусь Аллахом, халифат будет в руках моих потомков, как сломят их могущество люди с лицами, красными, как кованые щиты». Рассказывают со слов Абу Хурайры.¹⁰ «Не наступит [судный] час, пока не появится племя широколицых с маленькими глазами и приплюснутыми носами, чтобы привязать своих лошадей у берега Тигра.» Рассказывают, что говорил Му'авия:¹¹ «В двух случаях не раздражайте пребывающего в покое, не трогайте его, пока он не трогает вас: когда имеете дело с тюрками и когда с абиссинцами»¹². В одном хадисе, возводимом к Пророку, да благословит его Аллах и приветствует, сказано: «Не трогайте тюрков, пока они не трогают вас».¹³

Говорят, овца у тюрков дает приплод не менее четырех, а бывает, что и пять или шесть [ягнят] — столько же, сколько и сука; если же приплоду бывает два или три, то только в единичных случаях, и все они бывают большими и имеют по огромному курдюку, который волочат по земле.»¹⁴

Сказал он:¹⁵ Страны тюрков — это тугузгузы,¹⁶ их страна самая большая из тюркских, граничит она с Китаем и Тибетом, карлуки,¹⁷ кимаки,¹⁸ гуззы,¹⁹ джикили²⁰ печенеги,²¹ базкиш,²² азкиш,²³ кипчаки²⁴ и

к'ыргызы,²⁵ у которых есть [1686] мускус,²⁶ (а также карлуки и халаджи),²⁷

которые находятся по эту сторону реки.²⁸

Что касается города Фараба,²¹ то в нем находится один гарнизон мусульман и другой тюрок карлуков. Всех тюркских городов — шестнадцать.³⁰

Ученые мужи говорят: «Тюрки бывают разные: тюрки-карлуки обитают в окрестностях Самарканда, и это древние тюрки.³¹ Базкиши³² носят большие бороды Гуззы, тугузгузы и кимаки — это повелители, они подчинили себе много земель в их стране, это наиболее могущественные из тюрок.³³ Печенеги³⁴ же, шагары³⁵ и ту гузгузы — это тюрки-кочевники.³⁶ У них одно намерение: поселиться, а потом уйти. Тюргеши³⁷ же имеют дома и деревни.³⁸

Сказал он: «Послал Хишам б. Абд ал-Малик³⁹ чело века к правителю тюрок, чтобы призвать его к исламу Сказал человек: «Вошел я к нему, а он обстругивал это время седло, и сказал он переводчику: "Кто это?" Тот ответил: «Посланец царя арабов». «Моего слуги», сказал он. Тот сказал: «Да». И повелел он мне идти в дом, где было много мяса, но мало хлеба. [...]»⁴⁰. А в один из дней появился он во главе десяти всадников, у каждого из которых было знамя, и повелел мне сесть на лошадь, а затем поднялся он на холм, поросший кругом лесом. Когда взошло солнце, он приказал одному из тех десяти выставить свое знамя и помахать им, тот исполнил, — и прибыли десять тысяч воинов, вооруженных с ног до головы, кричащих: «Джах! Джах!» И встали они Под холмом все вместе со своим предводителем,] который и объявил их неверующими перед царем, а тот продолжал повелевать всем по-одному, чтобы выставляли свои знамена и помахивали ими; и когда исполняли они, подходило Десять тысяч вооруженных с ног до Головы воинов и становились под холмом, а он все думал, пока Не были вывешены все знамена и не собралось под холмом сто тысяч вооруженных с ног до головы людей. И сказал он переводчику: «Скажи этому посланцу, чтобы знал его повелитель, что у этих нет ни Цирюльника, ни сапожника,⁴¹ ни портного, и если примут они ислам, как будут добывать себе пищу?»⁴²

Крайний предел Хорасана⁴³ со стороны Шаша⁴⁴ — это Верхний Нушаджан.⁴⁵ От Нушаджана до столицы

хакана, царя тугузгузов, три месяца пути через большие деревни,

плодородные земли и рынки. Населяют эти земли тюрки, среди них есть огнепоклонники, есть и зиндики, приверженцы учения Мани. А царь их находится в большом, многолюдном городе с многочисленными рынками и имеющем двенадцать [169а] железных ворот. К северу от него—кимаки, а перед ним—Китай. [...]»⁴⁶

Что касается царя кимаков и его подданных, то они кочевники, которые кочуют по землям, орошаемым дождями,⁴⁷ в поисках пастбищ.⁴⁸ Говорил Али б. Зайн, секретарь Мазйара:⁴⁹ «Самый неприступный город, построенный когда-либо на земле [принадлежал одному из царей и был расположен у... болота с горькой застоявшейся водой, в одном из уголков подвластных ему земель].⁵⁰ Отвел он воду, а потом он велел вырыть фундамент шириною в 40 локтей, затем приказал возвести со дна ямы две стены из обожженного кирпича и извести, каждая шириною в 10 локтей, оставив между ними пространство в 20 локтей шириною. Когда стены были доведены до поверхности земли, он заполнил пространство между ними песком, и полил водой. По мере того, как поднимались стены, меж ними засыпали песок, пока не довели высоту до 50 локтей. И построил он для себя и своих подданных город с домами и дворцами, а вокруг вырыл ров и провел к нему воду. И вскоре, через год выросла здесь густая роща. И поселил он в крепости своих людей, и упрятал там свои сокровища, и стал город самым неприступным из городов, построенных когда-либо на вершине горы или в глубокой бездне. Как-то один из тюркских царей захотел взять этот город, а тюрки — самые способные и хитроумные в проделывании подкопов к городам и крепостям с дальнего расстояния. Подошел он к нему, расположился в нескольких фарсах и приказал землекопам делать подкоп, и они делали это, чтобы уничтожить город. И когда дошли до рощи вокруг него, к ним прорвалась вода, но они продолжали идти вперед по воде, и то она одерживала верх над ними, то они над нею, пока не выровнялся ее уровень. И думали они, что уже одержали победу над городом, когда достигли стены и начали ломать ее, а когда проломили, повалил на них песок, засыпанный меж стен. Только вынули они немного, как привалило со всех сторон в несколько раз

больше, и когда увидели они это, поняли, что не хватает им смекалки, и

ушли ни с чем.

Говорят, что овца в стране тюрок приносит приплоду несколько ягнят за один раз: их может быть семь, шесть, пять, а четыре или три [169б] приносит всякий другой их скот. И когда хотят турки взять клятву с какого-либо мужчины, приносят медного идола, держат его, затем готовят деревянную миску, в которую наливают воду, и ставят ее между рук идола, затем в чашу кладут кусок золота и горсть проса, приносят женские шаровары и кладут их под миску, а затем говорят дающему клятву: «Если нарушишь свой обет или изменишь, или окажешься порочным, да превратит тебя Аллах в женщину, чтобы носил ты ее шаровары, отдаст тебя во власть того, что разорвет тебя на мельчайшие кусочки, как это просо, и да пожелтеешь ты, как это золото». По-том после клятвы он выпивает эту воду.⁵¹ У них в стране водятся соболи и фанаки,⁵² они охотятся на них со стрелами. Если у кого-либо из них рождается сын, он воспитывает его, кормит, выполняет его желания до тех пор, пока не станет взрослым, а как достигнет зрелости, протягивает он ему лук и стрелы, выводит из своего жилища и говорит ему: «Обеспечивай себя сам!» И после этого сын становится ему как чужой, которого он и не знает. Так требует их обычай обращаться с детьми, так же поступают их юноши и девушки. А женятся они вот как. Девушки их ходят с открытыми лицами. И если мужчина захотел жениться, он высматривает ту, которая ему желанна, и набрасывает ей на голову покрывало. Если совершил он это, она становится его женой, и не может воспрепятствовать ей отец, и не запретит ей брат. У них в стране есть замечательный «хутувв»⁵³, это лоб⁵⁴ копытного животного, на которое они охотятся со стрелами.⁵⁵

Тамим ибн Бахр ал-Мутавви'и⁵⁶ упоминает, что в их стране очень холодно, и холод стоит шесть месяцев в году. Он шел в страну туугузгуского хакана с почтой, направленной к нему хаканом. Он шел двадцать дней двигаясь самым скорым и быстрым ходом и проходя за сутки три станции.⁵⁷ Дорога шла степью, где было много источников и пастбищ, но не было ни одной деревни, ни одного города одни только служители промежуточных станций, а они живут в палатках. По степи он вез с собой провизии на двадцать дней, так как знал об этом

городе, что он находится в двадцати днях пути по степи, изобилующей

родниками и пастбищами. Затем он шел еще [170а] двадцать дней⁵⁸ сплошь деревнями и многочисленными поселениями, население которых полностью или большей частью были турки, среди них были огнепоклонники и зиндики — манихеи. По истечении этих двадцати дней, наконец, он добрался до города царя.⁵⁹ И упомянул он, что это большой и богатый город, вокруг которого располагались бесконечным рядом деревни. Город имел двенадцать железных ворот, здесь много народу, толкотни, рынков, товаров. Основная масса населения — манихеи-зиндики.⁶⁰ Он упомянул что расстояние от города до страны ас-Син было примерно триста фарсахов. Сказал он: «Мне думается, больше того». Он сказал: «Справа от города царя тугузгузов — страна тюрков, которые не смешаны с другими, слева — страна кимаков, а перед ним — ас-Син».⁶¹

Рассказал он, что, не доезжая пяти фарсахов до города, можно видеть золотую юрту царя, установленную на самом высоком месте его цитадели и вмещавшую сто человек.⁶², ⁶³ Упомянул он также, что хакан, король тугузгузов, был зятем⁶⁴ китайского императора и что ежегодно китайский император посылал ему пятьсот тысяч кусков шелка.⁶⁵ Упомянул он, что между Верхним Нушаджаном и Шашем, обычно, сорок перегонов. Те же, кто едут в одиночку верхом, покрывают этот путь за месяц.⁶⁶ Говорил он, что в Верхнем Нушаджане четыре больших города и четыре маленьких.⁶⁷ В одном городе, расположенном на берегу тамошнего озера, он заметил вооруженный отряд числом приблизительно в 20 тысяч человек в полном вооружении. Среди тюркских племен нет сильнее. И когда собираются они вместе с карлуками на войну, то бывает их сто человек на каждую тысячу карлуков. Упоминает он, что это озеро похоже на квадратный бассейн, а вокруг него высокие горы, в которых произрастают различные породы деревьев. Сказал он: «Есть там руины древнего города, о котором тюркам ничего не известно, как неизвестно, кто построил его, кто были его жители и когда он был разрушен.»⁶⁹ Он заметил, что город разделяет река с недосыгаемым в этом месте дном: «Я видел в ней таких животных, обитателей вод, каких никогда не встречал, [170б] видел таких птиц, подобных которым ни в одной стране не видел». Сказал

он: «Население Нушаджана и других близлежащих городов и деревень раз в

году, весной, обходят; его вокруг и считают это праздником. Воду в него несут сто пятьдесят больших и малых рек, текущих из Тибета, а также из страны тугузгузов и кимаков. Сказал он, что длина его (пути в столицу хакана. — *А. Ф.*) — сорок дней на верблюдах, но всадник на лошади покроем этот путь за месяц, если постарается. Он сказал, что, приехав к царю тугузгузов,⁷⁰ он нашел его расположившимся лагерем недалеко от своего города. Только войско, которое стояло вокруг его шатра, он определил приблизительно в двадцать тысяч человек. Сказал он: «Кроме того, были еще семнадцать военачальников, и при каждом три тысячи воинов. Одного военачальника от другого отделял участок, заставленный палатками. Эти военачальники и те, кто были при них, располагались вокруг войска [хакана]. В этом окружении был проход в четыре ширины ворот [лагеря], ведущий к расположению войска. Все лошади воинов паслись между палаткой царя и расположениями военачальников, и ни одна из них не выходила за пределы лагеря.

Спросили мы его о пути к кимакам от Тараза.⁷¹ Он сказал, что дорога лежит влево от Тараза к двум многолюдным и цветущим деревьям в местности, которую называют Кавакиб.⁷² Эти деревни находятся на расстоянии семи фарсахов от Тараза. От этой местности до царя кимаков путь в 80 дней для усердного всадника с запасом провианта. И все кругом обширные полупустыни, пустыни и степи с многочисленными пастбищами и родниками. Там и лежат кочевья кимаков.⁷³ И сказал он, что ходил этой дорогой и видел царя кимаков с его войском в палатках, а неподалеку были деревни и возделанные поля.⁷⁴ Он кочевал с одного места на другое в поисках пастбищ.⁷⁵ Лошадей у них много, и копыта у них тонкие и изящные. Численность войска он определил приблизительно в двадцать тысяч всадников. Упомянул Абу ал-Фадл ал-Вашаджарди,⁷⁶ что царь тугузгузов дважды совершил походы против китайского императора во времена ар-Рашида, или говорят, что это было во времена халифа ал-Махди.⁷⁷ [171 а] Его набеги распространялись на территорию от Усрушаны⁷⁸ до Самарканда. Правитель Самарканда имел с ним несколько сражений и между ними разгорались жестокие войны. А потом правителю Самарканда была дарована

победа над ним, и он нанес ему поражение и убил много его людей. Говорят,

что он стоял во главе шестисот тысяч конных и пеших китайцев, и мусульмане захватили большую добычу и взяли в плен много людей. Их потомки и делают сейчас в Самарканде хорошую бумагу и те виды оружия и орудий труда, которые нигде в других городах Хорасана не делаются, кроме как в Самарканде.⁷⁹

Одним из чудес страны тюрков являются камни, с помощью которых они вызывают дождь, снег, град и другое, что они хотят. У них эти камни приобрели большое значение и широко распространены. Этого никто из тюрков не отрицает, и особое значение это имеет при царе тугузгузов, такое, какое не имеет ни при каком другом правителе тюрков.⁸⁰

Рассказал мне Лбу Абдаллах Хусайн б. Устазвайх⁸¹ со слов Абу Исхака Ибрахима б. ал-Хасана,⁸² со слов Хишама б. Лахрасиба ас-Саиба ал-Калби⁸³, со слов Абу Малиха⁸⁴, со слов Ибн Аббаса⁸⁵, который говорил⁸⁶. «Не успел Ибрахим, да будет над ним мир, жениться на Сарре, как она умерла, и женился он на женщине из чистокровных арабов,⁸⁷ которую звали Кантура бинт Мактур, и родила она ему Мадина, Мадайина—он же Мадйан,⁸⁸ Йансана⁸⁹, Ашбака⁹⁰ и Суджа⁹¹. Ибрахим, да будет над ним мир, приказал, чтобы Из его потомства к нему присоединились Исмаил, Исхак, Мадин,⁹² Йансан,⁹³ а Мадан,⁹⁴ Ашбак и Судж удалились. Они сказали ему: «Как же ты считаешь правильным оставить у себя в безопасности и покое Исмаила, Исхака, Мадина и Йансана, а нас изгоняешь на чужбину, в безлюдье и одиночество?» Сказал он: «Мне так приказано. Но я сообщу вам одно из имен Аллаха всевышнего, чтобы вы прибегали к его помощи против ваших врагов и могли вызывать дождь». Так и сделал он: сообщил им это слово. И ушли они, и шли, пока не поселились в Хорасане, и размножились там, и одолели при помощи этого всех, кто был им враждебен. Весть о них дошла до хазар, которые являются потомками Яфета ибн Нуха,⁹⁶ и они пришли к ним и заключили с ними союз, взяли их дочерей в жены, а своих отдали им в жены. Некоторые из них так и остались с ними, а остальные вернулись в свою страну.⁹⁷ [171 б] Рассказывал Абу Аббас Иса б. Мухаммад б. Иса ал-Марвази⁹⁸ "В хорасанских форпостах, расположенных за рекой,⁹⁹ и в других поселениях, граничащих со

302-4

страной неверных тюрков, гуззов, тугузгузов и карлуков, а у них

(карлуков)¹⁰⁰ свое царство и сами они могущественны и нетерпимы к своим врагам, мы постоянно слышали, что среди тюрков есть такие, кто молит о дожде по своим гадательным и другим книгам — и идет дождь, и сбывается все, что они захотят: дождь, снег град и тому подобное.¹⁰¹ Мы не знали, верить этому, или не верить, пока я не встретил Давуда б. Мансура б. Аби ал-Базгиси.¹⁰² Он был праведным человеком и правил Хорасаном, вызывая одобрение. Часто беседовал он наедине с сыном царя тюрков-гуззов, которого звали Балкик б. Джабуя.¹⁰⁸ И сказал он ему: «До нас дошло, что тюрки вызывают дождь, град и снег, когда хотят. Что ты скажешь об этом?» Он сказал: «Тюрки слишком ничтожны и низки перед Аллахом, чтобы уметь делать это, но сам факт, который дошел до тебя — правда; и об этом есть предание, которое я тебе расскажу. Один из моих предков повздорил со своим отцом, который был в то время царем, и ушел от него. Набрал он спутников себе из числа своих вольноотпущенников, слуг и других, кто любил вольную жизнь, и пустился в путь по стране к востоку, нападая на людей и охотясь на все, что попадалось ему и его спутникам. Путь привел его в страну, народ которой говорил, что никому не удавалось проникнуть за гору, находившуюся в их стране. Он спросил их: «Как же так?» Сказали они: «Потому, что солнце восходит из-за той горы, и оно оказывается очень близко к земле и все сжигает». Спросил он: «Разве там нет ни людей, ни зверей?» Ему ответили: «Есть, конечно». Как же они там живут, вопреки тому, что вы рассказали?» — спросил он. Сказали они: «Что касается людей, то они имеют подземные ходы и пещеры в горах; когда всходит солнце, они спешат укрыться в них и переждать, пока солнце не поднимется достаточно высоко. Звери же подбирают особые камни, которые они отличают своим чутьем, и каждое животное берет эти камни в рот¹⁰⁴ и поднимает свою голову к небу, и облака покрывают их тенью, и скрываются они под ними от солнца». Продолжал он свой рассказ: «И направился мой дед в ту местность и обнаружил, что все обстояло так, как ему рассказали». Сказал он далее: «Когда солнце стало восходить, звери бросились к этим камням и взяли их в рот, [172 a] подняли головы к небу, и эти трофеи вызвали для них спасительную тень»

Он продолжал: «И бросился он и его спутники на зверей, и гнали их, пока

они не устали и не выбросили эти камни изо рта, и он приказал своим людям подобрать их чтобы узнать, что это за камни. Сделали они это, и узнали, что это за камни. Стали он и его спутники искать их в степи, набрали их и подняли к солнцу, и покрыло их тенью облако, и спаслись они от лучей и жара солнца. Потом они собрали все, что смогли, и увезли эти камни в свою страну. И когда они собираются в дорогу и желают дождь, они вынимают немного камней и бросают их.¹⁰⁵ Если же они хотят снег и град, то берут больше камней,¹⁰⁶ и выпадает снег и град. И в какую сторону они его бросят, там и идет дождь, и становится холодно. Так рассказывают о них. Но это не по их хитроумию или их способностям, а по причине могущества Аллаха Всевышнего».

Сказал Абу ал-Аббас: «Потом вернулся я в город Шаш и встретился с теми из его жителей, которые хорошо понимали, знали и разбирались в жизни тюрков, и спросил их. И сказали они: «Мы знаем столько же, сколько и ты. Что же касается объяснения, которое дал Балкик, то ему виднее, поскольку предание исходит от его отца». Там я встретил одного из старых чиновников по имени Хабиб б. Иса, который собирал сведения и факты о Нухе б. Асаде¹⁰⁷ и его войнах с тюрками, и был сведущ в делах этой страны. Он показал мне копию письма Абдаллаха б. Тахира¹⁰⁸ Нуху б. Асаду. В конце этой копии приводилось письмо отправленное ему (Аб-даллаху. — А. Ф.) ал-Мауном¹⁰⁹ с приказом расспросить и разузнать, что рассказывают о способности тюрков вызывать дождь. Говорил Хабиб: «Собрал Нух старейшин страны и тюрков и спросил их об этом деле, и они были единодушны в том, что это правда, однако не знали причины этого явления». Сказал Абу ал-Аббас: «Я слышал, как Исмаил б. Ахмад,¹¹⁰ эмир Хорасана, говорил: «Как-то раз совершил я поход против тюрков¹¹¹ с двадцатью тысячами мусульман, и выступили против меня шестьдесят тысяч хорошо вооруженных людей, и сражался я с ними несколько дней, как однажды в разгар битвы подошли ко мне тюркские гулямы и другие верные мне тюрки и сказали: «У нас в войске неверные есть родственники, и они предупреждали и пугали кого приходом (172 б) какого-то человека». И был тот, кого они упоминали, кем-то вроде прорицателя у них, и

они утверждали, что он создает облака, несущие град и снег и тому

подобное, и посылает их на тех, кого хочет погубить. И сказали они, что он решил наслать на наше войско жестокий град, который, если попадет в человека, сразу убьет. Выслушал я их и сказал: Неверие еще не покинуло ваши сердца: разве может совершить такое кто-либо из смертных?» Они сказали: «Мы предупредили тебя, и тебе лучше знать, а время завтра утром на рассвете». И сказал он: «Когда наступил следующий день и занялась заря, из вершины горы, у подножья которой находилось мое войско, появилась огромная, устрашающих размеров туча. Потом она продолжала распространяться и увеличиваться, пока не покрыла все мое войско тенью. Меня напугала зловеющая чернота тучи, ее вид и устрашающие звуки, исходившие из нее. Я понял, что это соблазн для нестойких в вере своей. Я слез с лошади и совершил два коленопреклонения в молитве. А воины будоражили друг друга, устраняя всякие сомнения в том, что это пришла погибель. И призвал я Аллаха, всемогущего и великого, прахом осыпал лицо свое и сказал: «Боже! Уничтожь ты нас, ибо рабы твои бессильны перед твоими испытаниями. Я знаю, что ты всемогущ, и никто, кроме тебя, не властен творить добро и зло. Эта туча, если прольется дождем на нас, будет соблазном для мусульман и покажет силу язычников. Отведи от нас ее зло своим могуществом и силой, о всемогущий и всесильный». Еще много раз в надежде и страхе, с лицом осыпанным прахом, взывал я к Аллаху, зная, что только Он может помочь и только Он может отвести зло. И пребывал я в таком состоянии когда прибежали ко мне гулямы и другие воины с вестью о спасении и подняли меня за плечи, оторвав от молитв, со словами: «Смотри, смотри, о эмир!» Поднял я голову: туча уже отошла от моего войска и сыпала градом громадной величины над войском тюрков. Вот когда они заволновались: понесли испуганные лошади, уносило их палатки. Каждая градина, попадая в человека, не иначе, как лишала его сил или убивала. Сказали мне люди: «Нападем на них!» Но я ответил им: «Нет! Потому что муки от Аллаха губительнее и горше!» Из них спаслись очень немногие, они оставили свой лагерь со всем, что было в нем, и убежали. А наутро пришли мы [173 а] в их лагерь и нашли такую добычу, что не-возможно описать, и взяли все это, восхваляя Аллаха за

спасение, ибо мы знали, что Он помог нам завладеть этим. Хвала Аллаху, господу миров!»

О некоторых тюркских городах и об их диковинных особенностях

Саид б. ал-Хасан ас-Самарканди¹¹² говорил: «Среди них есть кочевники, поселяющиеся на одном месте и покидающие его в поисках дождей и пастбищ, подобно тому, как делают это бедуины на родине ислама. И эти люди не подчиняются никакому царю и не повинуются никому, кроме как друг другу. Случается, что какое-либо племя из них, покидая место, где они были, и направляясь на другое место, забирают с собой женщин из местного населения, а также и их детей, которых они превращают в рабов и которых женщины и не требуют у них вернуть. И они смотрят на них как на рабов, принадлежащих им по праву, как будто бы у них об этом имелся уговор».

У них много городов. Город тугузгузов самый большой и неприступный, он имеет толстые каменные стены и окружен рвом с водой. Жители города сильны и отважны в бою, и большей частью они вооружены мечами.

Одним из их городов является город Мабус.¹¹³ Он расположен недалеко от Шаша и также велик, а население его — безбожники, они худшее творение Аллаха — все без исключения. И готовы они подчиниться слабейшему из них, брат не верит брату, отец сыну. Они едят всех животных. Распутство у них явно; один заходит в дом другого и спит с его женой, а тот смотрит на него, не страдая от этого и не осуждая. Они весьма привлекательны, большинство мужчин их изнежены и пьют кровь. Посреди их города находится полноводное озеро, куда они бросают умерших.

Из их городов также и город Рай¹¹⁴. Жители его не любят воевать, и платят дань каждому, чья десница повергнет их, и они совокупаются со всеми, кто им попадает: женщинами, рабами, животными. [173 б]

Одним из их городов является город Сур,¹¹⁵ жители которого воюют с жителями Шаша и Самарканда. Они очень отважны и очень злопамятны. В бою они бросают арканы почти без промаха. И женщины и мужчины их некрасивы лицом. Они осуждают прелюбодейание и убивают мужчину и женщину, совершивших это. Они

делают из каких-то известных им трав вино, один багдадский ратл¹¹⁶

которого вызывает полное опьянение.

К числу их городов относится также и город Хорей-сам,¹¹⁷ население которого часто совершает набеги на город Сур. И если им удастся взять в плен кого-либо из жителей этого города, то они убивают его, варят и съедают. Они люди пришлые и некоторые из них не понимают речи и ничего не знают. Если сильный из них остается наедине со слабым, то совокупляется с ним. Они также очень бесстрашны.

Другим тюркским городом является город, носящий название Аграс.¹¹⁶ Его жители отличаются от всех остальных тюрков уравновешенностью характера и здравостью суждений. Они едят мясо большинства животных после того, как зарежут. Они поклоняются идолам, которые являются для них знаменем религии их. Они не одобряют прелюбодеяние и избегают непристойных поступков. У них есть храм непомерной длины, ширины и высоты. И как они утверждают, он спустился к ним с небес в том виде, каком он есть сейчас. Они говорят: «Мы поклоняемся идолам, чтобы они приблизили нас к Аллаху и заступились за нас перед ним, так как они безгрешны». У них свой король.

Следующим из тюркских городов является город Кар-шим.¹¹⁹ Жители его едят все, что ползает по земле, без каких-либо исключений. Они отважны и сильны, а ходят они нагими, как животные. Мужчина, встретив на дороге женщину, может тут же совокупиться с нею. Они нападают ночью и сражаются чаще всего отравленными стрелами. И никому они не подчиняются.

Еще одним тюркским городом является город Дакс.¹²⁰ Жители его отважны и презирают смерть. Они очень привязаны друг к другу, богатый всегда поможет бедному. У них ощущается видимый достаток в скоте, лошадях и другом. Их купцы ходят в страну ислама, Они, если дадут обещание, всегда выполняют. Низкородные из них при встрече с соседями или знакомыми из других мест целуются. Вместе с тем, большая часть их вовсе не находится на положении презираемых. Город их [174a] богат,; в нем много воды и садов. У них произрастают много чудесных фруктов, неизвестных в исламских странах.

Одним из тюркских городов является так же и город Кейсах,¹²¹ расположенный по соседству с хазарами, жители

его совершают набеги на хазаров. Они наихудшие из" творений Аллаха. Если

войдет к ним в город чужестранец, то они совокупаются с ним. Если застанут мужчину с мальчиком, то навсегда закрепляют они этого мальчика за ним. В их стране встречается зверь, который пожирает людей, он бывает размером с собаку, однако, он очень жаден до человеческой крови. Редко кто может совладать с ним, если он, догнав тренированного скакуна, бросится на него. Они приготавливают белое вино приятного запаха и вида. Они едят мертвечину и пьют кровь, как звери. Они безжалостны, скупы, безобразны, с короткими туловищами.

Следующим из городов является город Дани.¹²⁵ Мужчины этого города высоки ростом, а женщины низкорослы. Их город расположен между хазарами и византийцами, и они воюют с теми и с другими. Они имеют силу над хазарами, но не справляются с византийцами. Они всех животных употребляют в пищу, а раны свои зализывают. Сражаются они мечами и не выносят стрел. Мужчины у них женятся на ста женщинах. Бывает, что мужчина убивает одну из своих жен и своего ребенка по наущению какой-либо другой жены, ее матери и братьев, и они вместе съедают ее. На их земле находится гора, где водится особый вид змеи, которая жалит опасно, как ни одна змея. В домах у них водятся огромной величины скорпионы, которых они не трогают, возможно, они их едят. У них встречается летучая мышь размером с крупного голубя, а то и больше.

Другим тюркским городом является город Сукуб.¹²³ Жители его говорят на асарманийя. Они очень отважны и смелы, и женщины их хорошо сражаются вместе с ними. Распутство среди их женщин — явление обычное. Заприметив понравившегося мужчину, женщина завладевает им, сама от себя ему ничего не дарит, а ведет его к горе неподалеку от города, где много гротов и пещер, и насилует его. Уйти ему бывает нелегко, все необходимое она приносит ему туда. И никто не может Удержать ее от этого, ни муж, ни брат, ни сын. И мужу нет спасения от нее, если даже и есть другая [174 б] женщина или ребенок, или кто-либо еще. Когда же он порывает с нею, она убивает его. И если ей в этом кто-либо помешает, она обращается за помощью к другим женщинам, которые с ней заодно, и они действуют всегда вместе и хоронят друг друга, если кто погибнет. Если же

он разгневает ее или надоест ей, или же она пожелает кого-либо еще, то

отсылает она его домой, а потом никто не может его взять к себе, ибо будет она препятствовать этому, будь он с нею или нет.. У этого города есть чудесный горячий источник. Благодать его исходит из грота на высокой горе. Человек не может добраться до грота, откуда берет начало этот источник. Вода источника подходит к десяти каменным домам, семью из которых пользуются мужчины,, тремя — женщины. Зимой вода источника очень горяча, а летом теплота ее уменьшается. На той же горе водятся черно-бурые и рыжие лисицы.

Абу Усман Амр ибн Бахр ал-Джахиз
ПОСЛАНИЕ АЛ-ФАТХУ Б. ХАКАНУ¹
«О ДОСТОИНСТВАХ ТЮРКОВ И ОСТАЛЬНОГО
ХАЛИФСКОГО ВОЙСКА»

Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Алла Он дарует всякое благополучие.

Да ниспошлет Аллах тебе удачу за твою праведность и поддержит за твою благодарность, и да обратит тебя к благим делам в назидание другим, и заставит нас и тебя говорить истину, действовать в соответствии ней, отдавать ей предпочтение и преодолевать трудности, отвращающие нас от нее, чтобы участью нашей было не только ее описание и познание, но и побуждение к ней, посвящение ей себя, выявление и доведение ее до приверженцев, непреклонное стремление оградить ее от противников и утвердить ее в среде сторонников.

Аллах Всевышний дарует людям знания не для того, чтобы они были знающие и бездействовали, но учит их, как действовать, и откровения свои ниспослал им, чтобы были они богобоязненны. Из страха перед бедствиями и смертельной опасностью люди просят наставлений. Желая избежать гибели и стремясь к благоденствию, они берут на себя тяжесть познания и устремляются навстречу тяжким лишениям. О малочисленности работающих и многочисленности описывающих древние говорили: «Знающих больше, чем описывающих, описывающих больше, чем работающих»,² — вот и стало больше общих описаний, чем вещей, о которых следовало бы писать, потому что воздаяние за работу приходит только со временем, а трудности возникают сразу [2].

Мне нравится, что ты с радостью проявляешь повинование своему имаму³, заботишься о делах своего халифа,

близко воспринимаешь любой ущерб его государству, даже если оскудеет,

ослабеет или умалится сила его" власти, и что поступаешь так в каждом деле, противном его интересу, и как бы сокрыт он (ущерб) ни был и вопреки ли халифа удовольствию и сколь ни незначителен от него вред; нравится твоя предусмотрительность против посягательств его соперников и беспокойства, причиняемого его врагами.

А власть не может существовать без мстительных претендентов и негодующих осужденных, без отстраненных от власти, бранящихся и стоящих в стороне, пристрастно наблюдающих, а также самодовольных, болтающих вздор, побуждающих к искажению истины и выступающих против принимаемых мер, будто бы они предводители всего народа и выразители воли всего населения, становящиеся в позу компетентных блюстителей и надзирателей за халифами и вазирами, никогда, даже если это возможно, не прощающие, не премирующие усомниться там, где для этого есть хоть малейшая возможность, не признавшие факта, что очевидец видит то, чего отсутствующий видеть не может, что кто не видел самостоятельного суждения⁴, не знает и его источников, а кто не знает сфер его применения, не ведает о его достижениях - как не может существовать без обездоленных, кого постигла нужда, без подлых, кого испортили благодеяния других, без назойливых требователей, кто уже получил вдвойне, но по незнанию истинной цены своих заслуг и по нетерпению и неблагодарности своей полагающих, что недополученное им больше полученного и что право его предпочтительнее, без требующих большего, хотя достойных и заслуживающих того, чтобы султан лишил их и прежних своих щедрот и милостей, развращенных пресыщенностью, избалованных постоянным достатком и испорченных длительным бездельем, не может существовать без праздных смутьянов, попадающихся среди людей, стоящих во главе определенной группы и

возбужденно каркающих, [3] кого обошла милость султана, корявость натуры которых едва выровнял тесак образованности и кого справедливо унизил приговор, кто своей назойливостью не вызывает ничего, кроме отвращения, вымещает свою злобу распространением ложных слухов и отводит душу несбыточными мечтаниями, кто ни с кем не дружен, кроме как со злыми

клеветниками, подозрительными смутьянами, непригодными

вымогателями и неспособными недоумками кто хочет равняться с достойными мужами и подняться выше своих покровителей за своих покровителей за свои прежние заслуги и за счет благодеяний других кто не умножает старого новым, не внимает урокам чести и не делает разницы между добрыми делами людей, безропотно переносящих утрату, уповая на небеса, и заботой о детях благодетелей. Как может тот, кто не различает степеней правды и кривды, разграничить полноту обязательств и Достаточное исполнение.

Ты сообщил мне, что сам начал возвеличивать свое го имама и восхвалять достоинства сторонников халифа. Ты окружил своей заботой его сторонников, чтобы замолвить слово за его родственников и оказать им поддержку. Ты, как того желает Аллах, постоянно проявляешь покорность, способствуешь благу и помогаешь истинно верующим. Видя, как ты заботлив и внимателен, как изучаешь опыт врагов и изыскиваешь достоинства ближних, я сделал вывод о том, что твои наставления продиктованы твоей верностью. Аллах послал тебя на радость халифу и даровал нам и тебе свою любовь. Он предостерег нас поддаваться обману и касаться лжи. Он всещедр, всеславен и всемогущ, когда пожелает.

Ты, да хранит тебя Аллах, говоришь, что совещался с разными воинами халифского войска, потомками сторонников призыва⁵, старейшими из именитых сторонников Аббасидов, [4] достигшими зрелости детьми государственных мужей, отличающимися покорностью, и искренне, а не по расчету или из страха внимающими религиозным наставлениям. И вот один из этих людей, один из этой группы, стал говорить произвольные и самодовольные речи. Он не прислушивался к своим руководителям, не внимал своим ораторам, самоуверенно отстаивал свое мнение и придирался к словам. Он утверждал, что на сегодняшний день халифское войско состоит из пяти подразделений: хорасанцев⁶, тюрков, *мавали*⁷, арабов и *абна*⁸. Он благодарил Аллаха за его милость и благодеяния, за ниспосланное благоденствие, за проявленное могущество и щедрость, когда создал Он в покорности столь различные средства, различные души и разнообразные устремления. Ты стал возражать этому ревущему произвольные речи, этому самозванно-

оратору, который указал на эти составные частей на их принципиальное расхождение, установил различия в их происхождении и расовой принадлежности и развел их генеалогии. Ты возразил против сказанного им полностью отрицал его правоту и всячески поносил его. Ты стал утверждать, что они не нарушали свое взаимное согласие, или нечто вроде этого согласия. Ты стал отрицать расхождение их генеалогий и различие их связей. Ты сказал: «Хорасанцы и тюрки — братья. Страна (у них) одна, Приговор (свыше) для (этой) части Востока и судьба этого региона едины, а не различны, совпадают, а не расходятся, изначальные их корни, если и не едины, то взаимосвязаны, пределы их обитания, если и не совпадают, то примерно соответствуют друг другу, и все они в общем хорасанцы, даже если и имеют какие-то отличительные свойства и признаки».

Ты утверждаешь, [5] что различия между тюрками и хорасанцами вовсе не такие, как между неарабами и арабами, византийцами и славянами, зинджами и абиссинцами, которые более существенны и непреодолимы⁹. Эти различия подобны различиям между мекканцами и мединцами¹⁰, кочевниками и оседлыми, жителями равнин и горами, или же между тайитами-горцами и равнинными тайитами¹¹, ведь говорят же, что хузайл¹² — это курды арабов. Эти различия напоминают таковые между жителями низменности и холмистой местности, плоскогорий и котловин.

Ты утверждаешь, что они, если и отличаются по языку и по внешности, то такие же языковые различия наблюдаются между верхними тамимитами¹³ и кайсита-ми¹⁴, населяющими низменности, невежественными ха-вазин¹⁵ и грамотными хиджазцами¹⁶, язык большей части которых (в свою очередь) отличается от языка хим-йаритов¹⁷ и населения михлафов¹⁸ Йемена, это же относится и к особенностям их внешности, природных качеств и поведения. Но все они чистокровные арабы без единой капли примеси, без тени сомнения или колебания. Между ними нет различий, подобных установленным самим Аллахом природным отличиям между адна-нитами¹⁹ и кахтанитами²⁰, а также подобных тем видовым, природным, нравственным и языковым отличиям, которыми Аллах Всевышний наделил население отдельных регионов. А если ты спросишь, как же их (Аднана и Кахтана) потомки в целом считаются араба-

ми, несмотря на такое различие между их прародителями, то мы ответим, что

арабы первоначально не бы единым [народом], но потом стала у них единая страна, единый язык, общие свойства и темперамент; у ни одинаковые носы, они одинаково вспыльчивы, у них общие нравы и характеры. Они были одной плавки, отлиты единым способом [6] и в единой форме — и стали похожи их черты и качества. И эта близость в общем и особенном, в сходстве и расхождении оказалась сильнее, чем кровное родство²¹. И было им предопределено быть равными по знатности, и стали эти связи их вторым рождением, что позволяет им вступать в родство друг другом посредством браков. Аднаниты отказались о браков с родом Исхака²², брата Исмаила²³ и, наоборот часто заключали браки с родом Кахтана, сына Абира Согласно этих двух ветвей [арабов] на браки и отказ от таковых с другими народами, по указанию Кисры²⁴ тех кто был после него, само по себе доказательство того, что их родство было достигнуто согласием и он у них занимало место родства по рождению, прямоткровного родства²⁵.

Ты утверждаешь, что он стремится к раздорам фракционизму, а ты желаешь согласия и сближения Ты сказал также, что банави есть хорасанец, что сыновья имеют такое же происхождение, что и отцы, что достоинства сотворенного отцами и совершенного прошлом дедами составляют славу сыновей, что мавал подобны арабам, близки к ним и крепко связаны с ними потому, что закон относит их к арабам по многим признакам: они арабы по собственному утверждению сознанию и по [праву] наследования. Вот в чем суть его (Мухаммада) высказывания: «Мауля племени — и них», и «мауля племени—из них самих». «Родство маула есть такое же родство, как и кровное, и исходя из этого он велел считать союзника племени одним из них и распространять на него их закон. Именно таким образом Ал-Ахнас б. Шариф²⁶ из племени сакиф,²⁷ Йа'ла б. Мунийя²⁸ из племени бану ал-Адавийя²⁹ и Халид б. Ар-фата³⁰ из племени узра³⁰ стали курейшитами³². [7].

В связи с этим запрещается давать садаку мавал рода Хашим³³. Пророк, да благословит его Аллах приветствует, сделал их мавали с целью очищения их просветления. Вот почему Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, отдал предпочтение роду Аб

ал-Мутталиба³⁴ над родом Абд Шамса³⁵, хотя по происхождению и знатности

они равны, и было это за то, что они первыми присягнули ему и оказали поддержку. Сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует: «Лучший всадник среди арабов Уккаша б. Мухсин»³⁶. Дирар б. ал-Азвар ал-Асади³⁷ спросил: «Значит этот достойный муж один из нас, о посланник Аллаха?» Он ответил: «Он один из вас в силу союза с ним». И велел он, чтобы союзник племени становился одним из них подобно тому, как сын сестры считался членом ее племени.

Потом ты считаешь, что тюрки уподобились этим людям в их генеалогических связях, и потому стали арабами, сохранив свои отличительные особенности и дарованные им благородные качества. Положение тюрков как мавали избранных курайшитов, достойнейших потомков Абд Манафа и наилучших из рода Хашима³⁸ все равно, что скулы на морде скакуна, что ожерелье на шее полногрудой девушки, что душа для тела. Они как выступающий мыс, большой верблюжий горб, белая глина, сверкающая жемчужина, зеленый луг, чистопробное золото.

И стали они знатного арабского происхождения, уподобившись мавали в своих связях. И было отдано им предпочтение именно за это качество, с которым не сравнится никакая другая заслуга, какой бы она ни была, не превзойдет никакое достоинство, каким бы великим оно ни было, и на какая слава, какой бы давней она ни являлась.

Ты утверждаешь, что все они очень близки, а не далеки по происхождению и за счет именно этой близости достигается содействие, помощь, повиновение, сочувствие и любовь к халифам и имамам.

Ты сообщаешь, что он указал на ряд достоинств и преимуществ каждой расы, каждой категории, [8] и что все это он собрал, подробно описал, сделал выводы и дал пояснения, но не упомянул о тюрках, не уделил им внимания, обошел молчанием и ничего не сообщил о них, тогда как охарактеризовал каждую расу и указал на достоинства каждой категории.

Он указал на слова хорасанцев: «Мы—накибы³⁹ и сыновья накибов, мы знатного рода, мы выступали с проповедями еще до того, как появились накибы и стали говорить о знатности, когда было далеко до победно-

го конца и когда еще не пришла пора сбросить маски и презреть такую⁴⁰.

Благодаря нам было уничтожено царство наших врагов и утвердилось царство наших покровителей. А между тем мы не были истреблены, не были изгнаны, не пали под ударами, не были порублены острыми мечами и сломлены различными пытками. С на шей помощью исцелил Аллах сердца и вызвал пробуждение. Из нас были двенадцать накибов⁴¹ и семьдесят избранных⁴². Мы участники «войны во рве» и сыновья их⁴³, мы «равные» из воинов и потомки «равных»⁴⁴, мы первыми откликнулись на призыв⁴⁵ и дали тамимитам места для выпаса⁴⁶. Мы завершили завоевание Харрана и были сторонниками Чубина⁴⁷. Наш клич звучит подобно звериному рыку⁴⁸, и мы свободное военное сословие⁴⁹. Мы завоевывали страны, истребляли население и уничтожали врагов по всем долинам. Мы верноподданные этого государства, глашатаи его призыва и основание его ствола — это мы подняли такой ураган. Ансары⁵⁰ были двух видов: аус и хазрадж⁵¹, которые в те давние времена помогали пророку, да благословит его Аллах и приветствует, и хорасанцы, которые помогали его потомкам в более позднее время⁵². На этом вскормили пас отцы, и чтим мы растим своих детей. Так получили мы свою генеалогию, по которой только и знают нас, [9] и обрели религию, которой только и остаемся верны. Мы все на один манер, но у нас разные пути. Мы известны как шииты⁵³, но проповедуем послушание, во имя чего мы убиваем и погибаем. Приметы наши описаны, одеяния наши известны. Мы приверженцы черных знамен⁵⁴, достоверных преданий и передаваемых хадисов. Мы разрушали города тиранов и вырывали страну из рук деспотии⁵⁵. Это о нас предвещалось в известиях, предсказывалось в преданиях и говорилось в хадисах, когда описывались те, кто захватит Аморий⁵⁶ и покорит его, перебьет воинов противника и пленит его детей. Ведь сказано было о них: «Волосы у них женские, одежда напоминает одеяния монахов». И осуществилось сказанное, и стало предсказание явью. О нас и об испытаниях, выпавших на нашу долю, говорил имам всех имамов и отец десяти халифов Мухаммад б. Али,⁵⁷ когда захотел послать проповедников в дальние страны и занять сторонников в каждой стороне. Он сказал: «В Басре и прилегающих районах преобладал Усман⁵⁷ и его последователи, наших там немного: в Куфе

и ее областях преобладает влияние Али⁵⁷ б. Аби Талиба и его сторонников,

наших же там очень мало; в аш-Шаме⁵⁸ — сторонники Марвана⁵⁹ и семьи Абу Суфйана⁶⁰; что же касается ал-Джазиры⁶¹, то она находится под контролем харуритов⁶², шарритов⁶³ и поражена мятежами и вероотступничеством, но вы должны обратиться к этой восточной провинции: там есть здоровые души и храбрые сердца, не испорченные нездоровыми страстями, не пораженные недугом и не последовавшие ереси. Но они разгневаны и затаили злобу. Их много, они в готовности, хорошо снаряжены и отважны в бою». Потом он сказал: «Я с надеждой обращаю свое лицо к восходу!».

Мы были добрыми воинами имама, и он верил нам, проявил к нам благосклонность и на нас обратил свое взыскательное внимание. И сказал он в другой раз [10]: «Успех нашего дела решается на востоке, а не на западе, и будет распространяться вперед, а не отступать назад. И как восходит солнце и неумолимо клонится к горизонту в течение дня, так и он распространится так далеко, как могут довести ноги и добраться копыта».

Мы убивали Сахсахийа⁶⁴ и Даликийа⁶⁵, Закванийа⁶⁶ и Рашидийа⁶⁷. Мы сражались во рвах во времена Насра б. Сайяра⁶⁸, Ибн Джудай'а ал-Кермани⁶⁹ и Шайбана б. Сальмы ал-Хариджи⁷⁰. Мы сторонники Нубаты б. Ханзалы⁷¹, Амира б. Даббары⁷² и Ибн Хубайры⁷³. И в этом мы были зачинателями и продолжателями, были первыми и последними. И Марвана убили мы⁷⁴. Мы крупного телосложения, широкоплечие, с длинными и жесткими волосами, крупными головами, широкими лбами, длинными руками; ни у кого не рождается так много детей мужского пола, как у нас, и ничьи семьи не бывают так многодетны, как наши. Среди нас, как ни у кого, редко встречаются худые, слабые и вдовы. Никто не имеет такого древнего происхождения и не гордится своей родословной, как мы. Мы крепки костью и плотью, без усталости носим оружие, и вид наших ног радует глаз⁷⁵. Мы многочисленны, хорошо снаряжены и подготовлены. И сколь ни многочисленны будут Йаджудж и Мад-жудж⁷⁶, когда появятся из-за реки, нас все равно окажется больше. Что касается силы наших рук и крепости нашей хватки, то после Ада⁷⁷, Самуда⁷⁸, Амалика⁷⁹ и Кан'анитов⁸⁰, крепче не найдешь.

Если всех лошадей и всадников собрать на одно ристалище, мы окажемся самыми многочисленными и самыми

неустрасимыми. И когда увидишь ты наших мчащихся всадников с развевающимися знаменами нести которые под силу только нам, ты поймешь, что созданы мы только для сильнейшего из государств, для повиновения халифу и для поддержки султана. Если бы население Тибета, воины аз-Забиджа⁸¹, [11] всадники Индии, конники Византии собрались вместе против Хашима б. Истаханджа⁸², то не выстояли бы они против него, побросали оружие и побежали.

У нас Длинные бороды. Мы благоразумны и рассудительны, наши суждения обоснованы, и далеки от безрассудства. Мы не уподобляемся воинам аш-Шама: не посягаем на честь женщин и не оскверняем каждое святилище.

Мы сама верность и добродетель. В нас сочетаются неподкупность и невзыскательность, терпеливость в службе и умение быстро Собраться В далекий путь Гром наших барабанов устрашающ, наши боевые знамена огромны. Мы закованы в латы, носим бубенцы и эполеты, у нас длинные волосы, изогнутые ножны, подкрученные усы и шапки из шашии⁸³. Мы гарцуем на шах-рийских⁸⁴ скакунах с дубинами и боевыми топорами в руках и кинжалами на поясе. Наши сабли мелькают молниями, мы же в седле сидим как влитые. И от криков наших раньше времени разрешаются женщины от бремени.

Из областей адаба, философии, счета, инженерного дела, Музыка, ремесла, фикха, преданий нет таких, которыми бы не занимались хорасанцы, и где бы у них не полысели головы и не появились выдающиеся ученые Мы сами изготавливаем оружие, используя войлок, и делаем стремена и доспехи. Чтобы побеждать в войне быть неутомимыми в дальних походах и уметь наступать после отступления, мы изготавливаем и тренируем себя во (владении) тем оружием, что изготавливаем, сызмальства занимаясь ловлей птиц и устраивая скачки на лошадях, ходя за лошадьми и играя в конное поло в зрелом возрасте, а также стреляя по скопи шам птиц, мишеням [12] и летящим ласточкам.

Мы имеем право так восхвалять себя и более достойны занимать высокое положение.»

Затем ты сказал: «Он утверждает, что сказал араб: «Близость к халифам достигается прочными связями и взаимосвязанной генеалогией, предпочтением и повиновением

отцам и своему роду, должной благодарностью, достаточным восхвалением и четким ритмом стихов, живущих в веках, сверкающих, как блеск звезд, читаемых, пока люди совершают паломничество, пока существует любовь и пока выжимают из маслин масло, а также прозаическим словом и передаваемыми сказаниями о том, как было основано государство, обоснован призыв и запечатлены героические события, что неприсущие неарабам, и о чем не заботится никто, кроме арабов. Мы слагаем об этом рифмованные стихи и фиксируем, это в памяти неграмотных, не питающих доверия к написанным книгам и исписанным страницам.

Мы гордимся своей знатностью, соперничаем и состязаемся в ней друг с другом и обращаемся за решением к каждому вызывающему доверие арбитру и искусному прорицателю. Мы хорошо знаем свои недостатки и умеем восхвалять свои достоинства. Мы ярые блюстители своей генеалогии и своих прав, и фиксируем это, помимо совершенных и выверенных стихов, нерифмованной прозой, языком острее лезвия ножа и разящего меча, чтобы напомнить о вещах, память о которых утрачена и следы которых давно стерты.

Есть разница между тем, кто сражается из страха и боязни, и тем, кто сражается с желанием. Тот, кто корнями своими уходит в наше прошлое, вовсе не похож на того, кто только что примкнул к нам. Таково соотношение между людьми старой наследственности и недавно пришедшими. А власти ищут и сиджистанцы⁸⁵, и арабы-бедуины. Но разве большинство *накибов* происходят не из истинных арабов и имеет не такое бесспорное происхождение: например, Абд-ал-Хамид Кахтаба б. Шабиб ал-Таи,⁸⁶ Абу Мухаммад Сулайман б. Касир ал-Хузаи⁸⁷, [13] Абу'Наср Малик б. ал-Хайсам ал-Ху-зай⁸⁸, Абу Давуд Халид б. Ибрахим аз-Зухли⁸⁹, а также Абу Амр Лахиз б. Тариз ал-Мазани⁹⁰, Абу Айина Муса б. Ка'б ал-Маррани⁹¹, Абу Сахл ал-Касим б. Муджаши ал-Мазани⁹². А те, кто пошел за *накибами*, но не был причислен к ним, как например Малик б. ат-Тавваф⁹³ ал-Мазани и другие? Кто, как не откликнувшиеся на призыв чистокровные арабы, составляющие стержень государства, уничтожили Марвана⁹⁴, нанесли поражение Ибн Хубайре⁹⁵ и убили Ибн Даббару⁹⁶ и Нубату тб. Ханзалу⁹⁷ Кто завоевал Ал-Синд⁹⁸, как не Муса

302-5

б. Ка'б⁹⁹, кто завоевал Ифрикийю,¹⁰⁰ как не Мухаммад б. ал-Аш'ас¹⁰¹.

Ты утверждаешь, что он сказал: «*Мавали* говорят: «Мы даем искренние советы, отличаемся преданностью — на нас можно положиться в трудную пору. Мотивы действий *мауля* являются ответом на любовь патрона сверху, потому что честь патрона умножает его (*мауля*) честь, благородство прилагается к его собственному, а праздность уменьшает его возможности. Потому он и желает, чтобы все благородные черты были совмещены в нем, т. к. чем почтеннее, знатнее и влиятельнее патрон, тем почтеннее и благороднее он сам. И будет твой *мауля* искренне покорным тебе, совестливым и незлобивым».

И сказали они потом: «Нет прочнее родства, чем то, что зиждется на генеалогическом единстве. Теперь мы приобрели генеалогию, которой блещут арабы, кроме того, у нас корни, которыми гордятся неарабы».

Терпение бывает разного вида. Самое благородное— это умение терпеливо хранить тайну, и в этой благодетели никто не может сравниться с *мауля*. К нам нужен особый подход, и тогда мы самые преданные в службе.

Помимо смиренности, добросовестности, преданности и благонамеренности, мы отличаемся почитательностью сыновей перед отцами и отцов перед дедами. Они же, со своей стороны, были приветливы со своими *мавали*, доверяли им, радовались их способностям. Ал-Ман-сур¹⁰², Мухаммад б. Али¹⁰³ и Али б. Абдаллах¹⁰⁴ обращались со своими *мавали* с полным доверием, простотой [14] и сердечностью, не притесняя черных за черноту, некрасивых за уродство, безыскусного ремесленника за неловкость. Своих старших сыновей они наставляли оберегать их. Часто они произносили молитвы над их покойниками в присутствии своих детей, двоюродных и родных братьев и вспоминали честь, оказанную пророком, да благословит его Аллах и приветствует, своему *мауля* Зайду б. Харисе¹⁰⁵, когда тот в день битвы при-; Муте¹⁰⁶ был поставлен во главе воинов рода Хашим и назначен правителем всех городов, какие ему удастся покорить. Они вспоминали его любовь к Усаме б. Зам ду¹⁰⁷, возлюбленному и сыну возлюбленного, когда наш начал он его над самыми знаменитыми мухаджирами¹⁰⁸ и самыми великими ансарами¹⁰⁹. Вспоминают его благодеяния

по отношению к другим его *мавали*: Абу Унсе¹¹⁰, Шакрану¹¹¹ и

многим, многим другим.

Сказали они: «Из нас был основатель государства Абу Муслим Абд ар-Рахман б. Муслим¹¹² и Абу Сала-ма Хафс б. Сулайман¹¹³ (Абу Муслим был мауля имама)¹¹⁴, заложившие начало государства, завершившие его образование и укрепившие его строй. Из нас вышли такие наикибы, как Абу Мансур—мауля бану хуза'а¹¹⁶, Абу ал-Хакам Иса б. А'ин—мауля бану хуза'а¹¹⁶, Абу Хамза Амр б. А'ин—мауля хуза'а¹¹⁷, Абу Наджм Умран б. Исмаил — мауля рода Абу Му'ита. Нам присущи все заслуги хорасанцев и мавали в этом призыве. Мы приходим из них, относимся к ним, мы есть из них. Этого не отрицают мусульмане, в этом нам не отказывают верующие. Мы служили им взрослым и растили их сызмальства, имея право кормить их грудью¹¹⁸ и выдавать за них дочерей, имея возможность быть секретарями и занимать такие посты при дворе, какие доступны лишь отдельным счастливым и тем немногим, кто имеет влияние на владык. Мы имеем и от гордости араба, и от славы хорасанца и от заслуг банава. Но у нас есть и такие качества, каких не имеет и не имел никто. Мы имеем добрые отношения с населением и близки к простолюдинам, они же очень дружелюбно относятся к нам, спокойны и приветливы с нами. Мы также снисходительны и благосклонны к ним и [15] отвечаем им тем же.

Кто же как не те, кто обладает этими качествами и отличается этими способностями, имеет право на уважение и высокое положение!»

Ты говоришь, что он отметил следующее: «Сказал банава: «Происходим мы из Хорасана, откуда и пошло наше государство, где впервые был брошен призыв, откуда вырос этот могучий рог, прорезался этот мощный бивень, забил этот прозрачный родник и разлилось это широкое море, чтобы грудью пробить дорогу к правде, затмить сиянием горизонт, излечить от застарелой болезни, исцелить неизлечимый недуг, избавить от бедности и принести прозрение после слепоты.

Ветвь моя в Багдаде, столице халифата, пристанище после долгих скитаний, здесь же и остальные люди, откликнувшиеся на призыв, а также потомки сторонников¹²⁰. Это иракский Хорасан, это резиденция халифа и хранилище ресурсов».

Сказал он: «И в этом корни мои глубже, чем у отца, проявлял я себя чаще,

чем мой дед, и заслуг имею больше, чем *мауля* и араб. Нам не отказать в выдержке под тенью коротких мечей и длинных копий. Не сдобровать врагу в наших объятиях, если вдруг расщеплены окажутся наши копыя и сломаются наши клинки. Мы не отступим перед выставленными ножами и обнаженными кинжалами. Мы любители жарких схваток и дети опасностей. На нас можно положиться в пути, к нам прислушиваются, если ищут знаний. Одежда наша окрашена в два цвета¹²¹, с воинскими отличиями и украшениями. Мы те, кто ходит по древку копья и гарцует верхом меж двух рядов. Мы берем силой и бесстрашием, умеем взбираться на крепостные стены и делать подкопы. Мы бесстрашно бросаемся на острия мечей и наконечники копий, разбиваем скалы и колонны. Мы терпеливо переносим страдания от ран и не выпускаем оружия из рук даже в тех случаях, когда замирает в страхе, сердце араба и пробуждаются плохие мысли у хорасанца. Мы стойко переносим наказания и умеем аргументировать свои ответы, сосредоточиться и принять верное решение. У нас крепкие ноги, которые выдерживают натяжение веревки между двумя палками для пыток¹²². [16] Мы независимы и непокорны судьбе, однако покорно предупредительны с докучливыми посетителями и черствыми родственниками и братьями. Мы умеем сражаться прижатými ко рвам и на самой середине моста. Мы сама смерть в бою у пролома, умело сражаемся на узких улочках, обладаем терпением, усмиряя узников. Спроси об этом у ал-Хулайдийя, ал-Ка-тафийя, ал-Билалийя и ал-Харбийя¹²³. Мы отличаемся упрямством и хорошо знаем искусство ночных нападений, убийств на рыночных площадях и улицах средь бела дня. Мы умелые организаторы скрытых диверсий и знатоки открытых военных действий. Наши пешие воины вооружены длинными копьями, а всадники короткими дротиками. В засаде мы становимся подобны неминуемой смерти и смертоносному яду для врага. В авангарде каждый из нас может занять место командующего войском. Мы одинаково хорошо сражаемся ночью и днем, на воде и на твердой почве, в сельской местности и городских кварталах. Мы неотвратимы, как смерть, тверды, как дерево. Не страшны нам долгие

переходы, и не занимать нам бдительности при охране границ.

У нас тонкая талия, крепкое телосложение, длинные бороды, красивые тюрбаны и горячее дыхание. Мы озорные молодцы и рыцари. Мы сильны в каллиграфии и письме, богословии и преданиях. Весь Багдад принадлежит нам: молчит, когда молчим мы, и приходит в движение, когда нам это нужно. Весь мир, в свою очередь, зависит от него и подчиняется его интересам. И если бы была на то судьба, то весь мир покорился ему; и все население мира подчинилось его жителям: [все] разбойники — его разбойникам, [все] распутники — его распутникам, все вожди — его вождям, все праведники — его праведникам.

Мы воспитатели при халифах и живем вместе с везирами. Мы родились во дворцах наших царей, под покровительством наших халифов, восприняли их воспитание и следовали их примеру; никого кроме них мы не знаем, и ни при ком другом о нас не знают. Никто не смог толкнуть нас против них: ни те, кто домогался их власти, ни те, кто оспаривал ее. [17].

Кто же, как не те, кто обладает этими качествами и свойствами, достойны восхваления и высокого положения. I

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Если, да хранит тебя Аллах, вслед за этими аргументами и после этих доводов, мы заведем речь о достоинствах тюрок в сравнении с качествами каждого из вышеохарактеризованных подразделений, то мы последуем примеру тех спорщиков, которые в своих книгах разжигают страсти вокруг имеющихся между ними различий. Мы же взяли написать эту книгу, чтобы соединить их сердца, если раздраются они противоречиями, и укрепить взаимное согласие, если оно уже дало свои ростки; а также, чтобы рассказать о близости их связей, Дабы говорили они согласные речи и примирились их Души и чтобы каждый, кто не знал раньше, понял суть различий в их происхождении и насколько они различаются по знатности с тем чтобы никто не подменил некоторых сторон вопроса, а враг не опорочил его замаскированной ложью и необоснованным подозрением. Сведущий лицемер или замысливший козни враг могут представить несведущему ложь в облики правды и обрядить губительное в одежды благоразумия,

если только мы немедленно не приведем несколько известных и запомнившихся нам случаев, не расскажем о том, очевидцами чего мы были сами, и не передадим несколько рассказов, услышанных из уст достойных мужей.

Мы возьмем орудия и инструменты, которыми пользуются все вышеуказанные подразделения, и посмотрим, кто из них владеет ими лучше и свободнее и кто наиболее проникновен, дальновиден, умен, глубокомыслен, [18] всеобъемлющ в делах, всеохватывающих в мыслях, в ком больше достойного удивления, кто следует по более новому пути, приносит большую пользу в войнах, а кто вред, кто более тренирован, а кто чинит большие козни, кто более осторожен, а кто способен на большие ухищрения — так, чтобы человек, прочитавший эту книгу, уделивший внимание ее содержанию, изучивший все ее страницы, размышляющий над ее категориями, и сравнивающий ее начало с концом, мог сделать правильный выбор сам, и не получилось так, будто мы одно выдаем за другое, или одним отдаем предпочтение перед другими, а, напротив, постараемся не высказывать свое частное мнение определенно. И если составим мы нашу книгу именно таким образом и такого содержания, то избежем споров, сомнений и пристрастности.

Люди думают, что различные категории воинов, отличаясь по виду, написанию и произношению своих названий, должны соответственно отличаться и по своей сущности и значению. Но дело обстоит не так, как они воображают.

Обратите внимание, что название *аш-шакирийя*, хотя и отличается по виду, написанию и произношению от слова *джунд*, по значению недалеко отстоит от него, так как все они имеют одну и ту же сущность, предназначенную для одного и того же дела — повиновения халифу и поддержки султану.

Если *мавали* принято во многом считать арабами, или восходящими к ним своим происхождением, то в этом нет ничего более удивительного, чем в том, что дядя со стороны матери считается отцом, союзник считается своим соплеменником, сын сестры — членом племени. Так, отвергнутый отцом после развода сын, будучи рожденным на супружеском ложе, относится к роду своей матери¹²⁴.

Йсмаил, будучи сыном неарабов, стал арабом, Потому что Всевышний приспособил язычок его гортани к правильной арабской речи без всякой подготовки и обучения, а затем даровал ему талант [19] удивительного красноречия без постепенного развития и совершенствования, далее лишил его природных качеств неарабов и перенес на его тело необходимые части, которые Он искусно приладил нужным образом, отрегулировал и придал необходимую форму. Затем Он наделил его их природными особенностями, даровал ему их образ и свойства, одарил его их благородством, гордостью и свойственным им стремлением быть еще благороднее, еще величественнее, еще знатнее и еще выше. И сделал Он это в доказательство его особой миссии пророческого бытия. Он более всех имел право на такое происхождение и оказался самым достойным такой знатности. Так же, как и сделал Он Ибрахима отцом того, кого Он и не зачал.¹²⁵

Абна есть хорасанцы по рождению, а *мавали* — арабы по их положению и самосознанию. Если бы узнали, что Зейд не более, чем плод развратных связей Амра, мы отказали бы ему в сыновних правах, хотя бы и были убеждены, что он его кровь и плоть¹²⁶. Точно так же и пророк, — да благословит его Аллах и приветствует,— сделал своих жен матерями правоверных, тогда как они их не рожали и не кормили грудью. В некоторых чтениях Корана жены его названы их матерями, а сам он их отцом¹²⁷. Вот как сказал он: «Народ отца вашего Ибрахима»¹²⁸. Женщину, вскормившую ребенка грудью, он считал матерью¹²⁹, жену супруга — матерью ребенка своего супруга от другой женщины¹³⁰, воспитавшего ребенка он считал его отцом, точно так же отцом он считал Дядю по отцу¹³¹. И все они его рабы, поступающие как велит Он. По желанию, Он может кого сделать арабом, а кого неарабом, кого курейшитом, а кого зинджем. Точно так же, по своему желанию, Он может сделать мужчиной, или женщиной, или же гермафродитом, а кого вообще выделить и сделать ни мужчиной, [20] ни женщиной и не гермафродитом. Ведь создал он таким образом ангелов, и они самые благородные из сотворенных им. Создал Он Адама, не даровав ему ни отца, ни матери, — материалом для этого ему послужила глина, от которой Адам и ведет свое происхождение¹³².

Из ребра Адамова Он сотворил Еву и сделал ее женою Адама, и жили они вместе. Он создал Иисуса без вмешательства мужчины и возвел его генеалогию к матери, от которой он и был рожден¹³³. Он сотворил демонов из жаркого дыхания самума¹³⁴, Адама из глины, Иисуса без мужского семени, небо из дыма, землю из воды; Исаака Он создал от бесплодной¹³⁵, Иисуса Он наделил даром речи в колыбели,¹³⁶ Иоанна— мудростью в детстве.¹³⁷ Он научил Сулаймана¹³⁸ языку птиц и муравьев, а ангелов-хранителей обучил всем языкам, чтобы они могли писать на любой письменности и говорить на любом наречии. Он же заставил говорить волка Ухбана б. Ауса¹³⁹. Все правоверные, в том числе дети и лишённые рассудка, войдя в рай, тотчас начинают говорить на языке обитателей рая, без предварительной перестройки и подготовки, без длительного обучения и без наставлений. Как же невежды могут удивляться тому, что Исмаил заговорил по-арабски без отцовских наставлений и без кормилиц и мамок. Такой вопрос может какой-нибудь несведущий кахтанит задать аднаниту, ибо он труден именно для кахтанитов, а аднаниты легко находят удовлетворительный и правдоподобный ответ, в то время, как кахтаниты не претендуют на то, что Кахтан был пророком, да ниспошлет ему Аллах такое чудо. Каким же образом Аллах, да прославится Его имя, разделил людей, как не подобно, тому, как из земной грязи Он частью сотворил яхонты, частью золото, медь или свинец, а частью [21] бронзу или железо, частью пыль, а частью глину или купорос, охру, мышьяк, окись свинца, серу, битум, цинк, аммиак или же магнит. Кто может подсчитать количество драгоценных камней и минералов на земле?

Если дело обстоит именно так, как мы описали, то банави есть хорасанец, если же хорасанец есть *мауля*, а *мауля* — араб, то хорасанец, *банави*, *мауля* и араб составляют одно целое. Это означает, что качества, которые их сближают, преобладают над теми качествами, которые их отличают, и по существу, и по генеалогическому стволу они тесно связаны. Короче говоря, тюрков можно считать хорасанцами и *мавали* халифов. Таким образом, достоинства тюрков распространяются на всех, их честь умножает честь других. Если остальное войско знало бы это, то царил бы дух снисходительности, исчезли бы сложности, умерла вражда, оборвались

причины тягот, и остались только зависть и соперничество, обычные в отношениях между родственниками, коллегами по ремеслу и соседями, но при этом взаимопомощь и мир царили бы между близкими и их потомками, и не оставалось бы места равнодушию и вражде.

Испытывая необходимость во взаимопомощи и сотрудничестве, некоторые кочующие вместе племена в пустыне стали объединяться. Кто бросил своих соратников, — стал слабеть, а кто помогал своим родичам, — стал крепнуть. Вкусивших благ этого союза, стремящихся сохранить его и укрепить — больше, [22] чем тех, кто покушается на его существование и требует его прекратить и уничтожить. Но это не может не ослабить его из-за взаимного соперничества и пренебрежения, однако и этого малого—много. Мир не очистить от грязи и не избавить от всего порочного и отвратительного, чтобы устранить всякие различия, сделать людей равными и предоставить им то, чего они хотят и желают, ибо это есть наказание (свыше) и не является следствием деятельности (людей).

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Эта книга была написана мною в дни ал-Мутасима би-л-лаха, да останется Аллах доволен им и да освятит его лицо, но она не дошла до него по причинам, которые долго было бы объяснять, почему я и не вдаюсь в разъяснения.

Я хотел, чтобы эта книга была благонамеренной и справедливой, а не являющей крайность в восхвалении одного народа и поношении другого. А если бы книга была написана именно таким образом, то к ней примешалась бы ложь и преувеличение, основой ее явилась бы неискренность, содержание ее диктовалось бы неприязнью или зависимостью.

Похвала, самая необходимая для восхваляющего и самая полезная для восхваляемого, самая действенная и самая уместная, — должна быть правдивой, должна отвечать истинному облику восхваляемого, должна быть достойной его с тем, чтобы высказывающий и описывающей ее привлек к ней внимание одним лишь намеком.

Я считаю, что, если невозможно упомянуть о достоинствах тюрок без поношения других воинов, то лучше вообще отказаться от повествования и от всякой мысли о книге. Однако восхваление большей части этих

подразделений не позволяет [23] поносить, пусть немного, одно из них, потому что расхваливание большинства необоснованно и идет от послушания, а принижение достоинств меньшинства — есть ослушание и забвение долга, для нас же немного рассуждений лучше, чем чрезмерное послушание.

Все люди имеют определенные недостатки и пороки, и одни имеют предпочтение перед другими по тому, насколько больше у них хороших качеств и меньше плохих. Никто не может обладать всеми положительными, качествами и быть избавленным от всех отрицательных, как незначительных, так и основных, как явных, так и скрытых.

Сказал Набига.¹⁴⁰

Ужель остался пред тобой непогрешим какой собрат, Кого коснуться бы не смел критический провидца взгляд.

Сказал Хариш ас-Саади.¹⁴¹

Есть у меня собрат, с которым дружба Подобна жизни будничной, превратностями полной, Когда ругать и бросить за одно его готов я, Тянусь к нему потом, достоинства его припомни.

Сказал Башшар.¹⁴²

И если будешь всюду друга порицать,
Достойного твоих похвал нигде ты не найдешь
Тогда живи один, иль поспеши понять,
Что впав во грех однажды, другой раз не впадешь.
Когда же мутною водой
не стал ты жажду утолять, Знай, не найдешь себе другой —
все пьют такую всласть.

Сказал Мути б. Аяяс ал-Лейси.¹⁴³

Когда ты будешь друга подбирать, Чтоб в жизни он ни разу не споткнулся, Тебе такого не найти, как ни искать, Никто еще с подобным не столкнулся. Мне другом будет тот, кто всю вину собрату. Простит, не требуя за то столь многого в уплату [24];

Сказал Мухаммад б. Сайд, один из военачальников.¹⁴⁴

Судьбе благодарен¹¹⁵ тогда лишь я буду, Как в смерти отсрочку мне даст,
Как в старости слабыми руки не будут, Как юноше славу такому воздаст,

Кто богатство от друга сокрыть не решит. Указать на ошибку скорей не спешит. Кто за мною заметив сокрытый порок, Закрывает глаза, пока он не пройдет.

Если выдающиеся из массы людей и пользующиеся авторитетом в народе личности считают это обязательным в поведении и неизбежным в жизни и заранее обусловленным во взаимоотношениях, поскольку у них самих ошибки перемежаются с правильными поступками и слабые качества совмещаются с сильными, то мы не можем сомневаться в том, что великий имам и великий предводитель с его знатным происхождением, утонченным поведением, совершеннейшим благоразумием и осведомленностью, безграничной решимостью и энергией, всесилием, всемогуществом и добродетелью с его врожденными чертами предводителя и повелителя и теми качествами, которые обеспечивают успех, непогрешимость, поддержку и помощь, не был бы вознесен Аллахом, да будет возвеличено Его имя, до управления халифатом, не был бы коронован короной имамата и одарен величайшим и совершеннейшим благоденствием, беспримерным и несравненным благородством, и не сделал бы Аллах так, чтобы повинование Ему означало повинование Аллаху, послушание же противоборство Его воле, если бы Он доброту свою не проявлял там, где необходимо, миловал только там, где это возможно, проявлял пренебрежение там, где без этого не обойтись, — чего не достичь самому заслуженному и самому добродетельному человеку. Относительно же тех сведений, которые дошли до нас о тюрках мы говорим, что Аллах, всевышний и всемогущий, и только Он всемогущ и всемогущ.

Мухаммад б. Джахм¹⁴⁶, Сумама б. Ашрас¹⁴⁷ и Касим б. Сайяр¹⁴⁸ были в числе тех, кто посещал дар ал-хилафа, то есть дар ал-амма¹⁴⁹, и рассказали следующее: (25) «Сидел там Хумайд б. Абд ал-Хамид¹⁵⁰ и с ним Ихшид ас-Согди,¹⁵¹ Абу Шуджа Шабиб б. Бухархудад ал-Балхи¹⁵² и Йахья б. Муаз¹⁵³, и самые передовые люди военной науки, имеющие опыт и практику, привыкшие принимать решения и прошедшие через многочисленные испытания на военном поприще. Тут вошел посланник ал-Мамуна¹⁵⁴ и сказал им: «Всем собравшимся

здесь велено написать каждому в отдельности свое обоснованное мнение как военачальника, имеющего под своим началом преданных воинов, — с кем он предпочел бы встретиться в бою: с сотней тюрков или сотней хариджитов? Все сказали: «Мы предпочли бы сразиться с сотней тюрков, чем с сотней хариджитов». Хумайд молчал. И когда высказались все присутствующие, посланник обратился к Хумайду: «Люди сказали свое слово, выскажи и ты свое истинное мнение, во вред ли тебе оно будет или на пользу».

И сказал он: «По мне лучше сразиться с сотней хариджитов, ибо те качества, которые дают хариджитами преимущества над другими воинами, я считаю в них неполными, в тюрках же они доходят до совершенства.

Тюрки же настолько превосходят хариджитов, насколько последние превосходят остальных воинов. Кроме того тюрки имеют целый ряд качеств, на которые хариджиты вообще не претендуют, не говоря уже о том, что черты, отличающие тюрка от хариджита более значительны и более ценны, чем те, которые являются общими как для тюрка, так и для хариджита».

Затем Хумайд добавил: «Качествами, дающими хариджитами преимущество над другими [26] являются неукротимый натиск в самом начале — это порыв, которым они добиваются чего хотят и получают то, что надеялись получить. Во-вторых, они проявляют большую выносливость в седле/ совершая долгие ночные переходы, чтобы утром неожиданно напасть на противника, беспомощного перед их ударами, как мясо на доске у мясника, а затем скрыться, избежав ответных действий, после такой скачки и такого перехода, совершить который в столь короткое время и на такое длинное расстояние, казалось, никому не под силу. В-третьих, о хариджитах говорят, что если они будут преследовать, обязательно настигнут, а если преследовать их, то не настигнуть никогда. В-четвертых, у них легкое снаряжение, и берут они с собой немного провизии. Лошадей они ведут рядом, а скачут на мулах, по необходимости они могут провести вечер на одном месте, а утро встретить на другом. Когда они выступают в поход, не оставляют за собой больших ценностей, густые сады, добротные дома, деревни, поля или прекрасных невольниц. С собой у них тоже не бывает ни награбленного добра, ни ценностей, могущих пробудить алчность у противника. Они, совсем как птицы, не

заготавливают ничего впрок и не заботятся о завтрашнем дне. В каждой стране они могут себе найти воду и пищу. И если в какой-либо стране они не найдут этого, у них как бы вырастают крылья, которые сокращают для них расстояния и облегчают переходы по труднопроходимой местности. Вот таковы хариджиты. Им никогда не отказывают в угощении и пропитании, а если отказывают, то их выносливые верблюды, сильные мулы, быстрые кони, легкое снаряжение и выносливость в седлах облегчают добычу пропитания и позволяют запастись провизией. В-пятых, если правители высылают им навстречу своих воинов, снарядив Их по подобию хариджитов, [27] чтобы они могли соперничать с ними в легкости передвижения, то они не выдерживают, ибо сотня воинов не выстоит перед сотней хариджитов, если же они увеличат свое войско, добьются двойного превосходства в численности, то они отяжелеют для погони или для того, чтобы уйти от погони, если противник пустится за ними. Если хариджиты хотят подойти к противнику, чтобы напасть, пользуясь его небрежностью, и захватить у них трофеи, то делают это только будучи уверенными, что смогут поживиться, воспользовавшись случаем и найдя слабое место, и успеют скрыться при опасности. И если найдут нужным, совершают неожиданные нападения для того, чтобы внести беспорядок в их строй или уничтожить часть их войска». Сказал Хумайд: «Вот черты, составляющие предмет их гордости и заставляющие военачальников избегать встреч с ними».

Сказал Касим б. Сайяр: «Есть и другое, что заставляет сердца биться в страхе и рваться вон из груди, отнимает решимость и заставляет трепетать в ужасе. Это те пословицы о хариджитах, которых слышаны простые воины и солдаты. Вот что сказал, к примеру, поэт:

Скупец, над угощением дрожащий,
Глядит на гостя, как смотрит ярый азракит¹⁵⁵.

Или:

И в сердце друга измена путь находит,
И меч к руке шаррита¹⁵⁶ иногда не подходит.

Или еще:

И со львом безопаснее встреча чем с тем, Кому суд третейский¹⁵⁷
спать не даст по ночам

Вот что добавил Касим б. Сайяр. Хумаид же сказал далее: «По силе первого удара тюрки производят большой эффект: они более собраны и целеустремленны вследствие того, что ради утверждения своего преимущества, навязывания своей воли и для того, чтобы не расплыть свою решимость и не теряться, тюрк приучает своего коня не поворачивать назад, а если он, чтобы заполнить промежуток и поворачивает его, [28] то только после однократного или двукратного понукания, в противном случае лошадь не изменяет своей привычке и не останавливает бега. Воистину, тюрк стремится избежать неожиданных капризов и отчаяния и не позволит решимости уступить место растерянности в страхе перед столкновением и из любви к жизни; ибо даже зная, что его лошадь обучена до такой степени, что никогда не повернет назад и ответит на понукание только тогда, когда в строю случится нечто, таящее в себе гибель, он не бросится в атаку, если не закрепил предварительно эти навыки и не высмотрел слабое место. Он старается поставить себя на место человека, который в безвыходном положении избирает бой, и потому не жалеет ни усилий, ни смекалки, и гонит из своего сердца всякую мысль о бегстве и всякие помыслы об отступлении».

Сказал он: «Хариджит в трудную минуту полагается на свое умение владеть копьём — тюрк не' уступает ему в этом. Если тысяча тюркских всадников натянут тетиву и выстрелят одним разом — тысяча всадников будут сражены, и после такого натиска от войска ничего не останется. Ни хариджиты, ни бедуины не могут так стрелять на скаку, тюрк же одинаково метко стреляет и зверя, и птицу, и мишени во время соревнований, и людей, и неподвижные чучела, и установленные изображения, и хищных птиц. Стеляя, он заставляет лошадь скакать вперед и назад, вправо и влево, вверх и вниз. Он успевает пустить десять стрел прежде, чем хариджит успеет пустить одну. Его конь взлетает на склоны гор и опускается на дно ущелий с легкостью, недоступной хариджиту даже на ровной местности] У тюрка четыре глаза: два спереди и два на затылке.

Хариджиты слабы в завершающей стадии войны, а хорасанцы в начале. Слабость хорасанцев заключается, в том, что завидев противника, они сразу набрасываются на него, [29] и если зайти им в тыл, их поражения

неминуемо, часто, когда они возвращаются, над [их] лагерем нависает опасность, и противник уже предвкушает победу. А хариджиты, если отступили, то уж отступили, и, отступив, не смогут перейти в атаку, если только это не задумано заранее. Тюроч же не бросается вперед, как хорасанец. Если он вынужден отступить, становится как смертоносный яд, как неминуемая гибель, потому что умеет поражать своими стрелами как отступая, так и наступаая.

Никто не может чувствовать себя в безопасности от их арканов, или быть гарантирован, что его лошадь не будет поймана, а сам он захвачен в плен при такой погоне. И никто за всю историю не может похвастать тем, что ушел от тюрского аркана, за исключением Мухал-лаба б. Абу Суфры¹⁵⁸, ал-Хариша б. Хилала¹⁵⁹ и Аббада б. ал-Хассина¹⁶⁰. Тюроч может бросить аркан из каких-то особых соображений, и если не возьмет с собой заарканенного, невежда вообразит, что это было следствием нерасторопности тюрка, либо ловкости заарканенного воина».

Сказал он: «Их всадники обучены носить два, а то и три лука и соответствующее количество тетив». Сказал он: «Тюроч, оказавшись в тяжелом положении, имеет под рукой все необходимое для себя и своей лошади, и своего оружия, а также нужное снаряжение для коня. Что же касается выносливости в движении рысью во время длительных переходов, изнуряющих ночных вылазок и долгих походов, то чрезвычайно удивительно, что лошадь хариджита никак не может сравниться в этом с тюрским скакуном. Хариджит смыслит в лечении своего коня не больше, чем любой всадник, а тюроч искуснее любого ветеринара, и может добиться от своего коня исполнения таких трюков, какие только захочет. Он растил его еще жеребенком, который откликался на каждый зов и повсюду следовал за ним. Обучает он своего коня так, чтобы тот понимал его, как любая лошадь понимает окрик «Адждам!», верблюдица — «Халь», дромадер — «Джах», мул — «Адас», [30] осел — «Саса»; как слабоумный знает свое прозвище, или мальчик свое имя. Если выйдет срок жизни тюрка и будут подсчитаны все его дни, то окажется, что в седле он провел больше времени, чем сидя на земле. Когда тюроч садится на жеребца или кобылу и выступает в поход, либо отправляется в путешествие, на охоту или куда-

либо еще, его сопровождает кобыла с жеребьями. Если он не намеревался убивать людей, то бьет зверей; и как окажется охота Неудачной, а у него истощится запас провизии, он забивает одно из своих животных, если же он будет испытывать жажду, то может надоить молока у одной из своих кобыл, если захочет дать передохнуть лошади, то может сесть на другую, даже не слезая на землю. Кроме него, нет на свете человека, чей организм не отвергал бы питание исключительно Мясом. Точно так же его лошадь довольствуется одной травой и ветками деревьев и неприхотлива под лучами солнца и в стужу.

Сказал он: «Что касается их выносливости в седле, то если силы жителей пограничных районов, почтовых служащих¹⁶¹, скопцов¹⁶² и хариджитов воплотятся в одном лице, то и такой не сможет сравниться с тюрком. До конца с тюрком остается только самая чистопородная лошадь, с той же, от которой он избавляется, как от обузы, и отказывается во время похода в выносливости не может сравниться лошадь хариджита, как и не каждая тохарская лошадь, но если бы она сопровождала в пути хариджита, то выдохлась бы прежде, чем сам хариджит потеряет свои [31] силы¹⁶³, ведь тюрк сам и столько он пасет ее, ходит за ней, объезжает, продает, лечит и скачет на ней верхом.

Один тюрк в своем рвении стоит целого войска. Когда тюрк находится в походе вместе с другими воинами, нетюрками, то на десять миль, пройденных войском, приходится двадцать миль, пройденных тюрком, потому что тюрк удаляется от войска в поисках дичи и вправо, и влево, поднимается на вершины гор и спускается на дно ущелий, и бьет все, что ползает, скачет, летит или лежит неподвижно».

Сказал он: «Тюрк никогда в походе не идет, как остальные—прямо вперед».

Сказал он: «Если затянется переход, станет трудно идти и до привала будет еще далеко, наступит полдень и одолеет усталость и томление, замолкнут люди и не будут разговаривать, и не останется у них сил на беседы, будет разлагаться все от жары или замерзать от стужи, и каждый будет стараться собрать свои силы, чтобы скорее пройти оставшийся путь, и радоваться каждому всаднику, каждому знамени, полагая, что он достиг привала, и если, наконец, доберется всадник до

него, то спешится и пойдет, широко расставляя ноги и стелая, как мальчик, больной расстройством желудка, и станет зевать, потягиваться и ляжет спать, чтобы прийти в себя. Посмотрите на тюрка в подобной ситуации: он прошел вдвое больше других, его плечи ноют от постоянного напряжения при стрельбе, и вдруг он видит дикую козу, антилопу, лисицу или зайца, — он бежит как ни в чем не бывало, как будто бы это не он совершил такой переход и не его сразила эта усталость. А когда люди добираются до речной долины и толпятся на узкой дороге или на мосту через нее, [32] он сжимает ногами бока лошади и отважно бросается вперед, потом, как звезда, восходит на той стороне. Когда же они подходят к крутому подъему, оставляет он обычный путь и мигом взбирается на гору и затем бросается вниз с такого места, откуда не решился бы спуститься и горный козел. Увидев, как он взбирается на гору, ты подумаешь, что он подвергает себя риску, но если бы это было для него так опасно, то не кончалось бы так благополучно каждый раз.

Сказал он: «Хариджит гордится тем, что если он преследует, то всегда настигает, если же преследуют его, то не догонят никогда. Тюрки же не стремятся ускользнуть, потому что за ним никто не гонится и встреч с ним никто не ищет. Кто же ищет того, с кем не желает встречаться? Кроме того, мы знаем, что причиной примечательной доблести хариджитов является равенство их положений в религии и убежденность, что сражение и есть вера¹⁶⁴. Видя, что в их рядах сиджистанец¹⁶⁵ и алжирец, йеменец и магрибинец, оманец и азракит¹⁶⁶, неджец¹⁶⁷ и ибадит¹⁶⁸, суфрит¹⁶⁹ и *мауля*, араб и неараб, бедуин и раб, женщины, ткачи и крестьяне — все, независимо от различий в происхождении и мест обитания, сражаются одинаково доблестно, мы понимаем, что именно религия делает их равными и приносит им удачу. Это подобно тому, как все цирюльники на земле, какой бы народности и из какой бы страны они ни были, — любят вино; или старьевщики, барышники, торгующие скотом и рыбой, и ткачи у всех народов и во всех странах являются самыми ненадежными в сделках и деловых отношениях созданиями Аллаха. Таким образом, мы приходим к тому, что причиной, так выделяющей одних людей

среди остальных является особенность их ремесел и природа их занятий.

Сказал он: «Мы можем заметить, что тюрк в своей стране сражается не во имя религии или тех или иных толкований священного писания, [33] не во имя своего царя и не за харадж, не во имя племенного единства или за обладание женщиной, не по причине своей заносчивости или непримиримой вражды не защищая родину и свой дом и не за деньги, а единственно для того, чтобы добыть боевые трофеи. Он предоставлен сам себе и не боится угроз, если вынужден бежать с поля боя, и не требует никаких посулов, если сражался храбро. Точно так же они ведут себя в своей стране, в походах и войнах: они преследуют кого хотят, их же все избегают. Кто так силен, тот полагается на себя и никогда не лезет из кожи вон. Ничто не может противостоять ему, и никто не посягнет на него. Что ты скажешь о таком человеке, если он окажется в затруднительном положении или же его охватит ревностный пыл, ярость, набожность, или проникнется он некоторыми мотивами и убеждениями, характерными для идейного борца-защитника?».

Сказал он: «Копье хариджита длинное и разит далеко, а копье тюрка короткое и полое. Короткие и полые копья более опасны и удобнее для ношения. Персы вооружают длинными копьями пеших воинов, таковы, например, копья *ал-абна*, которыми они сражаются во рвах и узких горных проходах, и в этом они не знают себе равных ни среди тюрков, ни среди хорасанцев, потому что в основном они сражаются у рвов и в горных теснинах.

Эти же сражаются в конном строю, а конница — ударная сила войска, она может быстро переходить в наступление и не менее быстро отходить. Конница может охватить неприятельское войско, как ведра окружают водоподъемное колесо, или разметать их, как волосы на голове. Силы, находящиеся в засаде, в авангарде или арьергарде, только тогда составляются из конницы, когда они достаточно для этого велики. Конница знает за собой славные дни, большие войны и великие завоевания. Из кого формируются ударные отряды и колонны, как не из нее? Это они несут с собой знамена, стяги и барабаны, носят латы и бубенцы. [34]

Их жизнь — это ржание коней, темные ночи, окрики лошадей, хлопанье одежды и звон оружия на ветру, это топот копыт, это вечная погоня за врагом и стремление уйти от нее. Сам Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, выделяя две доли всаднику против одной доли пешего война¹⁷⁰, исходил из его двойного превосходства в бою, походах, грабеже и захвате добычи.

Сказал он: «Конечно, *ал-абна* не знают себе равных в бою на узких тропах, в горных теснинах и проходах. Однако пешие воины хороши только тогда, когда их направляют, или командуют и указывают, и во главе их всегда стоит всадник. С другой стороны, во главе конницы никогда не может стоять пеший воин. Кто привык колоть, рубить и стрелять верхом и был принужден колоть, рубить и стрелять в пешем строю, может больше полагаться на себя и принести большую пользу товарищам, чем пеший воин, вынужденный сражаться верхом, независимо от того, сколь часто им случалось спешиваться и сражаться. Сказал поэт:

Вы пешими сражаться не смогли, Мы спешились, и
тем сильны, Что перенесли такую перемену.

Сказал ад-Дабби:^{170a}

Зачем садиться на коня,
Когда сойти с него не можешь?

Сказал другой поэт:

И спешившись,
Бывает всадник непреклонен.

И сказал далее Хумайд: «На свете, кроме тюрок, нет такого народа, которому объединение и общее командование войсками не принесло вреда в войнах. Однако турки не стремятся объединять усилия, не совещаются вместе, потому что отрицательной стороной в такой взаимопомощи и участии является расхождение мнений, разглашение военной тайны, колебания в выборе верного варианта, перекладывание ответственности с одних плеч на другие.

Если турки сколотились в войско, то слабое место противника в бою видит каждый, если же такого места не будет, и ничто не будет их [35] прельщать, и явится мнение отойти, то к такому выводу придут

все, и все поймут его правоту. У них одинаковые мысли, мотивы их поступков тоже одинаковы и им на ум они приходят одновременно. Среди них не бытуют различные толкования и состязания в самовосхвалении и самовоспевании. Основопологающим для них является дело, и разногласий у них почти не бывает. Персы насмеялись над арабами, выступавшими на войну единым войском, они говорили: «Совместность управления в бою — все равно, что совместность обладания женой или женщиной».

Сказал Хумайд: «Что ты скажешь о людях, если они, сражаясь совместно, не приносят вреда делу? А что же, если среди них разгорится соперничество?» Когда все это дошло до ал-Мамуна, он сказал: «Никто не может судить о тюрках более справедливо, чем Хумайд. Хумайд имел дело с обеими партиями, он и хорасанец, и араб одновременно, и нет никаких оснований для сомнения в его правоте».

Прослышал об этом Тахир б. ал-Хусейн Зу-л-Йа-минейн¹⁷¹ и сказал: «В том, что сказал Хумайд, нет ни преувеличений, ни преуменьшений». Таковы слова халифа ал-Мамуна, рассуждения Хумайда и подтверждение Тахира.

Сообщил мне кто-то из хорасанцев или из племени бану садус¹⁷², будто бы Абу-л-Батт¹⁷³ как-то сказал, потрясая кулаком: «Что я могу сделать со всадником, слетающим на своем коне вниз, взлетающим вверх по пыльным кручам каменоломен и выдेलывающим на спине своего скакуна то, что не под силу танцору из Убуллы¹⁷⁴ и на ровной земле».

Сказал Саид б. Укба б. Салм ал-Хунаи¹⁷⁵, считавшийся, как и его отец, большим авторитетом в военном деле: «Разница между нами и тюрками заключается в том, что тюрки никогда не выступают против своих врагов всем народом, не формируют войска и не выступают против них, будь то арабы или неарабы, а выставляют равное количество воинов, чтобы достойно встретить их. Их единственным намерением бывает поддаться, чтобы быть с ними равными по силе и недостаткам, а затем разрушать (36) их злые помыслы. Если они отвергают подчинение по мирному договору и решаются на войну, то единственной задачей и целью должны быть самозащита, укрепление лагеря и оборона. Если же загорятся они пылом и решат

прибегнуть к какой-либо хитрости или станут подстерегать противника на малейшей оплошности, то кто бы ни противостоял им, не сможет об этом догадаться.

Затем сказал он: «Вы уже могли убедиться в их способности проникать в города через толстые крепостные стены и в их сметливости при форсировании реки Балх»¹⁷⁶. Это тот самый Саид, который сказал; что если вы идете на войну и вас трое, то одного оставьте в резерве, а другого в запасе. У него о войне есть еще много других высказываний.

Саид сказал следующее: «Сказал мне как-то отец: «Слышал я как Абу-л-Хаттаб Йазид б. Катада б. Диамат¹⁷⁷, богослов, повторял слова Умара б. ал-Хат-таба¹⁷⁸, да будет доволен им Аллах, о тюрках: «Это враг, за которым не угнаться и у которого нечем поживиться»¹⁷⁹.

Сказал один горец: «Умар запретил Абу-Зубейду ат-Таи¹⁸⁰ описывать льва, потому что это усугубляет страх в сердце трусливого и вселяет ужас в душу и убавляет храбрости у смелого. Тюрки же описываются в еще более устрашающем виде, чем лев в описании Абу Зубейда».

Тогда же сказал Саид: «Как-то тюркский отряд с какой-то целью пересек удел Абу Хузаймы (он имел в виду Хамзу б. Адрака, хариджита¹⁸¹) и те хорасанские земли, которые были тогда ему подвластны. У Хамзы было больше людей, однако он сказал: «Пусть их идут, они не трогают вас. Не мешайте им, ведь сказано же: «Будьте с ними в мире, пока они не трогают вас»¹⁸².

Так сказал Саид б. Укба, араб из Хорасана, таково его мнение и таковы факты, рассказанные им, и был он хорасанским арабом.

Йазид б. Мазйад¹⁸³, вспомнив битву, в которой тюрк Тулийа¹⁸⁴ убил ал-Валида б. Тарифа — [37] хариджита¹⁸⁵, сказал, высказывая свое мнение о тюрках: «Тело тюрка совсем не тяготит спину лошади, ноги его не оставляют следов на земле. Он за спиной видит то, чего наш всадник не видит и перед собой. Завидев нашего всадника, он смотрит на него, как гепард на добычу, или как гончая на антилопу. Клянусь Аллахом, если его бросят связанным на дно колодца, то и тогда он не утратит своей смекалки. Если

бы жизнь их не становилась короче по эту сторону Хулванских гор, то они доставили бы нам большие неприятности. Один из его сподвижников сказал: Представь, что без усилий мир тебе подвластен стал, Не это ль значит, что конец всему настал.

Сказал он: «Тюрок предпочитает довольствоваться тем малым, что достается ему силой, чем получить целое царство из милости. Тюрку кусок не идет в горло, если пища добыта не на охоте или в набеге. Преследует ли он кого, или подвергается преследованию, тюрк верхом на коне никогда не теряет бдительности».

Сказал Сумама б. Ашрас, который, как и Мухаммед б. Джахм, известен своими многочисленными рассказами о тюрках¹⁸⁶. Сказал Сумама: «Тюрок боится только того, что действительно внушает страх, и не стремится к недостижимому. Он отказывается от преследования только в самом безнадежном положении, он не бросает малого в погоне за большим, и если можно добыть и то и другое, не упускает ничего. За дело, которое он не может сделать хорошо, он не берется вовсе, то же, за что он берется, он делает до конца, имея полное представление о деле и разбираясь во всех неуловимых деталях так же, как и в явных. Он не связывает себя с бесполезными мероприятиями и никогда не дрожит за свою жизнь. Если бы для восстановления сил не было необходимости во сне, он не спал бы. Вместе с тем его сон перемежается с бодрствованием, а его бодрствование не прерывается дремотой. Если бы в их стране были [38] пророки и на земле их жили мудрецы, если бы эти мысли запали им в душу и они вняли бы им, то заставили бы они забыть образованность басрийцев, мудрость греков и ремесла китайцев».

Сказал далее Сумама: «По дороге в Хорасан встретился нам тюрк, а с нами был один военачальник, рвущийся со своими людьми в бой. Между нами и тюрком пролегалo сухое русло реки. Тюрк попросил выставить одного из всадников -для единоборства с ним. Против него выступил воин, совершеннее и красивее которого по сложению и стати я не видел. Тюрк хитростью вынудил противника переправиться на его сторону. Около часа они кружились друг вокруг

друга, и мы считали, что наш соратник вдвое сильнее, а он между тем все более удалялся от нас. Так было некоторое время, как вдруг тюрк обратился в бегство и сделал это так, что у нас появилась убежденность в окончательной победе нашего спутника. Всадник бросился за ним, и у нас не было сомнений, что он вернется с его головой или ведя его за своей лошастью. Не успели мы так подумать как наш соратник соскользнул с лошади и упал. Тюрк, спешившись, подошел к нему, снял с него трофеи и убил его, затем изловил его лошадь и увел с собой».

Сказал далее Сумама: «Потом я видел, как этого тюрка ввели пленным в дом ал-Фадля б. Сахля, и спросил его: «Что случилось в тот день, когда произошло ваше единоборство? Как случилось, что сначала преимущество было у него и ты бежал от него, а затем ты же его и убил?» Ответил он: «Если бы я хотел убить его, то мог сделать это запросто, когда он пересекал речное русло, но я пустился на хитрость, чтобы удалить его от спутников, захватить его, беспрепятственно завладеть его лошастью и снять с него трофеи.» Сказал Сумама: «Вот так он отделил всадника от других и сделал с ним все, что хотел».

Сказал Сумама далее: «Я долгое время находился у них в плену, и почтительнее, щедрее и любезнее людей я не видел». Вот так сказал Сумама б. Ашрас — араб, чьи известия о них не могут быть подвергнуты сомнению. Хочу сообщить тебе, что я был свидетелем удивительного [39] и странного явления, имевшего место с ними. В одном из походов ал-Мамуна я видел, как по обеим сторонам дороги, недалеко от места квартирования, стояли два порядка конницы: справа сто тюркских всадников и слева сто других всадников. Они были построены в ожидании прибытия ал-Мамуна. Наступил полдень, стало жарко, и, наконец, он прибыл. Почти все тюрки, кроме троих или четверых, находились верхом на своих лошадях, а весь этот сброд воинства валялся на земле, исключая только троих или четверых. И сказал я своему спутнику: «Погляди, что мы имеем. Я свидетельствую, что ал-Му'та-сим знал их лучше, когда собрал их и стал использовать на военной службе».

Как-то раз направлялся я к *ал-Катулу*, чтобы добраться до ал-Мубараки¹⁸⁷. Выехав из Багдада, я уви-

Дел несколько всадников: хорасанцев, *ал-абна* и других воинов. Они верхом на чистопородных конях пытались изловить убежавшую от них лошадь и никак не могли. Мимо проезжал тюрок, он не был такого внушительного вида, как они, и не казался таким сильным, да и лошадь под ним была невзрачная, тогда как они сидели на превосходных скакунах. Неожиданно эта беглая лошадь оказалась на его пути, он преградил ей дорогу, мгновенно успокоил ее, и она подошла к нему, слышав его окрик. Все это происходило на глазах у тех воинов, и сказал один из тех, кто насмеялся над этим тюрком: «Клянусь твоим отцом, противоестественно и постыдно, что эти державные львы ничего не могут поделать с какой-то лошадей, а появляется этот низкорослый на плохонькой лошадке и хочет ее забрать». Не успел он закончить свою речь, как тот привел им лошадь, вручил ее им и ускакал по своим делам, не ожидая ни благодарности, ни благословения и не показывая своим видом, что сделал для них нечто заслуживающее одобрения.

Тюрки не знают ни лести, ни обмана, ни лицемерия, ни наущничества, ни притворства, ни клеветы, ни двуличия, [40] ни высокомерия с близкими, ни притеснения сотоварищей, они не подвержены пороку ереси, не дают прихотям овладеть ими и не позволяют себе брать деньги за толкование [закона]. Их недостаток и причина их страданий—тоска по родине, стремление к странствиям, страсть к набегам, влечение к грабегам и сильная привязанность к своим обычаям. Кроме того, они любят вспоминать радость и плоды побед, ценность и многочисленность трофеев, подвиги в пустынных степях и странствия по тем пастбищам, чтобы от долгого бездействия не ушла в небытие их доблесть и не притупилось их разящее оружие. У них кто преуспел в чем-либо, не бросает этого, а кто не любит какое-либо занятие, не берется за него.

Чувство тоски так отличает их от остальных неарабов потому, что на их натурах и природных качествах сказались особенности их рек и озер, их братские взаимоотношения, какие не встречаются ни у кого кроме них. Разве, видя перед собой басрийца, мы можем определить, басриец он или куйфец, видя мекканца, понять, мекканец он или мединец, встретив

джибальца¹⁸⁸, разобрать, джибалец он или хорасанец, завидев джазирца, отличить, джазирец он или сириец. А для того, чтобы признать тюрка, нет необходимости ни в пристальном внимании, ни в особой проницательности, ни в прямом вопросе об этом. Их женщины скроены по образцу и подобию их мужчин, а их лошади приспособлены исключительно для них¹⁸⁹.

Вот такую создал Аллах эту страну, таков ее удел от него. Аллах собрал все людское племя и расселил их тем далее, чем сильнее и жизнеспособнее они были, в соответствии с их недостатками, родственными связями и темическими, которыми Аллах всевышний наградил и отличил одних от других. И когда предстанут они перед судом, то будет так, как и говорил Аллах: «Таковыми мы их и создали!» А теперь посмотрим на потомков арабов и бедуинов, осевших в Хорасане: нет разницы между тем, чей отец осел в свое время в Фергане, и потомственными ферганцами, у них одинаковые [41] рыжеватые усы, загрубелая кожа, массивные затылки, ферганское одеяние. Также и все люди: осевшие позднее не отличаются от коренных жителей.

Любовь к родине присуща всем людям и сильнее всяких брачных уз. Но это чувство у тюрков более обостренное и более сильное, вследствие отличающей их общности (характера), происхождения, справедливых обычаев и целостности натур. Вспомни слова ал-Абди:¹⁹⁰

«Аллах дарует процветание тем странам, где сильна любовь к родине».

А вот что сказал Ибн аз-Зубайр:¹⁹¹ «Никаким из Достояний не дорожат люди более, чем своею родиной».

Сказал Умар б. ал-Хаттаб, да будет доволен им Аллах: «Если бы не различались натуры рабов божьих, Аллах не населил бы страны света».

Сказала Джум'а ал-Айядийя:¹⁹² «Если бы Аллах не завешал своим рабам странствовать из страны в страну, то не уместились бы они ни в одной долине и не хватило бы им пищи».

Вот что сказал о тюрках Кутайба б. Муслим:¹⁹³ «Любовь к родине у них сильнее, чем привязанность верблюда к родным местам». Верблюд тоскует по родному дому еще в Омане, к югу от Басры. Он исходит все тропы, опустится в каждую долину, чтобы дорогой,

которой он ходил лишь однажды, добраться до родных мест. Он, не переставая, напрягает свой нюх и чутье и свойственную ему способность ориентироваться в природе, пока не придет к своему привычному месту отдыха на пути между Оманом и Басрой¹⁹⁴ Вот почему Кутайба привел это сравнение.

Привязанность к родине, тоска по ней и любовь к ней упомянуты в Коране¹⁹⁵ и записаны на его страницах для всех людей. Однако тюрки по мотивам, указанным нами, тоскуют и страдают больше всех. Другой причиной, влекущей их обратно домой, прежде чем они обретут решимость (остаться) и утратят свои первоначальные качества, является то, [42] что тюркам в тягость оседлая и размеренная жизнь, долговременное пребывание на одном месте, малоподвижный и безынициативный образ жизни. Они устроены так, чтобы быть в движении, а не находиться в покое, - таково их предназначение. Их духовные силы преобладают над их физическими возможностями, они вспыльчивы, горячи, энергичны, понятливы и сообразительны. Довольствие малым они считают слабостью, длительное пребывание на одном месте — глупостью, покой — путями, удовлетворенность — недостатком энергии. Отказ от набегов, считают они, влечет за собой позор. Арабы этому приводят следующие примеры.

Сказал Абдаллах б. Вахб ар-Расибн:^{195a} «Спокойная жизнь вызывает болезнь».

Арабы говорят: «У кого летом мозг кипит заботами, у того зимой кипит котелок».

Сказал Аксам б. ал-Сайфи:¹⁹⁶ «Я не хотел бы всем довольным в этом мире быть». Его спросили: «Почему?». Он ответил: «Опасаясь привычки к немощи».

Вот каковы причины, побуждающие тюрков к возвращению и вызывающие у них тоску по родине.

И более всего побуждает их к бегству, влечет назад и вызывает у них отвращение к длительному пребыванию на месте — незнание ими судьбы, predetermined им, неведение своих достоинств, и пренебрежение благоприятными моментами их использования и применения.

И когда их уподобили другим воинам, они не захотели быть в последних рядах, и в числе всяких других, и раствориться в общей массе войска. Они сочли это недостойным себя и указали, что им нужно. Они

видят, что им не пристало терпеть притеснения и пребывать в безвестности. К тому, кто не знает об их правах, они относятся хуже, чем к тому, кто пытается сознательно лишить их этих прав. И когда случится им иметь над собою терпеливого владыку, сведущего в судьбах людей, не потакающего дурным обычаям, не попустительствующего низменным страстям, не отдающего предпочтение одной стране перед другой, управляющего со знанием дела всюду, где бы ни управлял, следующего истине во всем, что бы ни [43] делал,— останутся тогда те из них, кто понял удачу, стал исповедовать истину, отказался от дурных обычаев, избрал для себя истинный путь, оторвался душою от своей родины, отдал предпочтение имамату¹⁹⁷ перед тиранией и поставил правду выше дружеской привязанности.

После всего этого ты должен знать, что каждый народ, каждое колено, каждое поколение, каждый род, преуспевая в ремеслах, превосходя других в красноречии и литературном деле или организации государства, доказывая свое превосходство в войнах, не достиг бы такого совершенства и предела, если бы его не побуждал к этому Аллах Всевышний и не ограничил теми качествами, которые соответствовали бы этим занятиям и отвечали бы их значению: ибо у кого различные устремления, кто пытается объять умом чрезмерно многое, и у кого душа раздирается множеством помыслов, и кто не имеет для этого ничего и не подготовлен к этому изначально, — не сможет преуспеть в этих делах нисколько и не достигнет в этом вершин совершенства, как это удалось китайцам в ремеслах, грекам в философии (*хукми*) и литературе, арабам в том, о чем мы упоминали в надлежащем месте, Сасанидам в государственном устройстве или тюркам в войнах. Разве ты не видишь, что греки, которые искали во всем причинные связи, сами не были ни купцами, ни ремесленниками, ни землепашцами, ни земледельцами, ни строителями, ни садоводами; они не отличались ни непреклонностью, ни накопительством, ни бережливостью, ни работоспособностью. Их правители предоставляли им свободное время и необходимые средства для жизни, и они, когда принимались за свои исследования, были сосредоточены, преисполнены сил и не отягощены ненужными мыслями. Так они Дали различные механизмы, орудия и музыкальные

инструменты, которые дают полное отдохновение и покой после тяжелого труда и радость, снимающую бремя [44] забот. Они создали такие полезные и нужные вещи, как архимедовы весы, безмены, астролябии, часовые механизмы, малку, медиатор, циркуль, а также различные виды флейт и арф. Им принадлежит честь создания таких наук, как медицина, арифметика, инженерное дело и музыкальная композиция, изобретение таких военных машин, как камнемет (манджаник), баллиста (аррада), паук (ругайл), черепаха (даббаба), нефтемет (алат аннаффат) и еще много, что долго было бы перечислять. Они были преисполнены мудрости, но не деятельности, делали чертеж приспособления, создавали первые его образцы, но сами хорошо пользоваться ими не могли; они указывали, но сами за них не брались; они питали страсть к науке, но отвращение к работе.

Что же касается китайцев, то они знают толк в литье, ювелирном деле, отливке, плавке, чудесных красках, не имеют себе равных в искусстве вытачивания, камнетесном деле, изобразительном искусстве, ткацком ремесле, каллиграфии — словом, имеют высокую культуру прикладного искусства во всем, за что бы они ни брались, независимо от тонкостей ремесла, разнообразия изделий и различной их ценности. Если греки, зная во всем причинные связи, к делу не приступают, то китайцы, не зная первопричины, приступают к работе, потому что первые—мудрецы, а вторые—искусные исполнители.

Точно так же арабы не были ни хорошими купца-ми, ни ремесленниками, ни врачами, ни счетоводами; они не отличались умением ни в земледелии, ни в земледелии, из опасения выплачивать какую бы то ни было джизью¹⁹⁸. Они не склонны ни к накопительству, ни к составлению богатства. Они не могут извлекать пользу из монопольного владения, как не могут доставать что-либо у других. Они не добывают себе на жизнь, оттягивая стрелки весов [45] и обрезая концы мерок, как не имели представления о даниках¹⁹⁹ и каратах²⁰⁰. Они не жили в крайней нужде, которая мешает познанию, не имели ни богатства, которое порождает тупость, ни сокровищ, которые ослепляют разум, и не терпели унижений, что убивает сердца и роняет их в собственных

глазах. Они жили в пустыне и выросли под открытым небом. Чрезмерная влажность, жидкая грязь, вредные испарения, тучность, гниение, несварение желудка — неведомы им. Они обладатели пронизательного ума и непомерной гордыни. Приложив свои способности и направив свои усилия на декламацию стихов, красноречие (балага), отчетливое произношение (ташкик ал-луга), разработку категорий склонения и спряжения в речи (тасариф ал-калам), воздавая человеку за его внешний вид лишь после признания его влиятельности, заботясь о своей генеалогии, отыскивая путь по звездам, ориентируясь по едва заметным следам, изучая стихийные явления в природе, проявляя внимание к лошадям, оружию и военным механизмам, храня в памяти все услышанное, усваивая все доступное познанию и учитывая все положительные и отрицательные стороны — они достигли в этом высокого предела и превзошли всякие ожидания. И по этим нескольким причинам возвеличился их разум и возросла их энергия. Они более других народов любят похвалиться и вспоминать свои деяния. Тюрки также являются кочевниками: они живут в пустынных землях и разводят скот. Они своего рода бедуины неарабов, так же, как и бану хузайл²⁰¹ своего рода курды среди арабов. Отказываясь от занятия ремеслами, торговлей, медициной, земледелием, инженерным делом, выращиванием деревьев, строительством зданий, орошением земель и сбором урожая, направляя свои усилия лишь только на завоевания, набеги, искусство верховой езды, единоборство богатырей, добычу трофеев и покорение земель, растрачивая свой пыл [46] только на это, посвящая себя лишь этому, ограничиваясь и будучи органически связанными с этим — они прониклись этим делом полностью и совершенствуясь, шли до конца, и именно это стало их ремеслом, их торговлей, их услугой, их гордостью, предметом их разговоров и ночных бесед. А когда стали они такими, сделались знатоками военного дела, как греки — мудрости, китайцы — ремесел, арабы — в том, о чем мы уже уйоминали и что уже приводили, и как сасаниды в государственном устройстве и политике. В подтверждение того, что они глубоко изучили это дело, полностью отдались ему, познали и достигли в нем высокой степени совершенства, можно привести такой пример. Сабля

перед тем, как окажется на поясе у воина или в руке, замахнувшейся для удара, проходит через многочисленные руки и через, разных ремесленников, каждый из которых не выполняет работу другого, не умеет ее делать, не претендует на нее и ни за что за нее не берется, потому что тот, кто металл для сабли плавит, льет, очищает от примесей и удаляет окалину—не умеет оттягивать и ковать его, кто оттягивает и кует — не умеет придать окончательную форму, устранить неровности и отполировать, кто придает форму и полирует не умеет саблю закалить отточить, кто оттачивает, не может насадить головку эфеса и убедиться в его прочности, кто делает крепления эфеса и изогнутых концов перекрестья и крепит клинок — не вытачивает деревянных ножен и не выделывает для них кожи, кто выделывает кожу — не занимается ее украшением, кто делает украшения и крепит к ножнам подковообразный наконечник—не [47] берется крепить перевязь. Также обстоит дело с седлом, различными видами стрел, колчанов, копий и другого оружия, наступательного и оборонительного. А тюрк делает это своими собственными руками от начала до конца, не прося помощи у товарища, не спрашивая мнения у друга, не бранясь с ремесленником, не беспокоясь по поводу задержек, оттяжек, отложенных сроков, оплаты услуг. Когда Аус б. Хаджар²⁰², описывая охотника, захотел подчеркнуть в нем сочетание всех необходимых качеств, он сказал:

Ночевать далеко не страшится лишь тот, Кто охотою
пищу себе достает, Стрелы клеит и сам заостряет, И
своими руками колчан набивает.

Конечно, не каждый тюрк таков, какими мы их описывали; точно так же не каждый грек — мудрец, не каждый китаец так искусен, и не каждый бедуин — поэт, или превосходный следопыт. Однако эти качества именно у них получили наибольшее развитие и совершенство и наиболее характерны и распространены среди них.

Мы уже говорили о причинах, обусловивших свойственную тюркам, в отличие от других народов, отвагу и ловкость верховой езды, а также о мотивах, побудивших их совершенствоваться в качествах, необходимых для войны. Эти качества, требующие необычного

образа действия и особых способностей, и они приносят своим обладателям славу благородных, энергичных и целеустремленных людей — ревнителей учтвого обращения, твердого мнения, острой пронциательности и здравого смысла.

Разве ты не видишь, что избравшему войну своим ремеслом необходимо благоразумие, знание, рассудительность, решительность, терпение, умение хранить тайну, а также образованность, отсутствие всякой обеспеченности и большой опыт. Он должен знать толк в лошадях и оружии, разбираться в людях и различать страны, иметь познания [48] о пространстве и времени, о кознях врагов и обо всем, что может быть полезным в этих делах.

Государство нуждается в крепких узах и прочных связях, а что может быть надежнее и полезнее того, кого прочно связать с самою основой, поселить в своем жилище, дать ему широкие возможности и роскошную жизнь, устранить всякую возможность для соблазнов, не допускать, чтобы рука тирана хоть сколько-нибудь простиралась над ним, — не лучше ли это, чем наказывать его.

Сказал он: «А затем тюрки привели следующую аргументировку и сравнение, они сказали: «Вы утверждаете, что близость к халифу воздается за заслуги, тогда мы первыми проявили повинование и заслужили любовь и благожелательные наставления, а если она воздается по происхождению, то у нас более близкие родственные связи. Арабы делятся на две части, кахтанитов и аднанитов. Что касается кахтанитов, то мы по происхождению и родству ближе к халифам, чем они, потому, что халиф ведет свой род от Исмаила сына Ибрахима, к которому Кахтан и Абир²⁰³ не имеют отношения. Ибрахим, да будет над ним мир, родил Исмаила от Хаджар, которая происходила от коптов, Исхака от Сарры, которая происходила от арамеев²⁰⁴ и шестерых других от Кантуры, дочери Мафтуна, происходившей от истинных арабов. Таким образом, относительно кахтанитов наша мать более высокородна, потому что она арабка, ведь четверо из шести ее сыновей были теми, кто впоследствии оказался в Хорасане и положил начало хорасанским тюркам²⁰⁵. Вот, что хотели мы ответить кахтанитам.

Что же до аднанитов, то им мы скажем: «Ибрахим — отец наш, Исмаил — дядя, значит, родство наше от Исмаила такое же, как и ваше».

Сказ, ал-Хайсам б. Ади²⁰⁶: «Мубараку ат-Турки²⁰⁷ в присутствии Хаммада ат-Турки²⁰⁸ было сказано: «Вы происходите от мазхидж»²⁰⁹. Он спросил: «А кто он такой?» Мы знаем только Ибрахима, друга Аллаха и эмира верующих». Сказал ал-Хайсам: «Один из мазхиджитов пришел когда-то на земли тюрков, и пошло от него многочисленное потомство. Вот что сказал в своей длинной касыде шуубитский поэт арабам по этому поводу: [49]

Потомками мазхидж вы тюрков считаете,

Однако вам родичи *только* цыплята.

Те есть потомки Басила ибн Даббы,²¹⁰

А потомки Суфана²¹¹ повинны во многих грехах.

А вот что сказал другой поэт:

Когда это тюрки мазхидж потомками стали, Есть чему удивляться на свете Тому, кто способен еще удивляться.

Вы, наверное, слышали о стене потомков Кантуры и о том, что их конница нахлынет на ас-Савад.²¹² Хадис этот был создан с целью устрашить и запугать ими людей, они же стали для ислама опорой и многочисленным войском, а для халифов — защитой и пристанищем, надежным щитом и натальной рубашкой, заменяющей верхнее платье.

В передаваемых известиях сказано: «Будьте в мире с тюрками, пока они в мире с вами.» Таков завет всем арабам. И только при таком мнении мы сохраним покой и мир.

Что ты скажешь о народе, с которым не совладал даже Зу-л-Карнайн¹²³, ведь именно с его слов: «Не трогайте их», — они получили свое название «тюрки»²¹⁴, и это после того, как он огнем и мечом, силой и принуждением покорил все земли.

Умар б. ал-Хаттаб, да будет Аллах доволен им, сказал: «Это чрезвычайно свирепый враг, с которого к тому же не взять хорошей добычи». И лучшим образом он не мог дать знать, что запрещает столкновения с ними. Арабы, когда хотят привести пример непримиримой вражды, говорят: «Они не иначе как тюрки или дейлемцы»²¹⁵.

Сказал Амаллас б. Акил б. Уллафа²¹⁶.

На мою седую голову получил я от него
С тюрками вражду и к Абу Хислю отвращение.

Абу Хисл — это ящерица, арабы говорят, что он более отвратителен, чем ящерица, потому что ест своих детенышей.

Ни перед кем не испытывали страха сердца арабских воинов, как перед тюрками. Сказал Халаф ал-Ах-мар.²¹⁷

Отдавая в заложники им своих сыновей, Я будто толкаю
их к этим рыжеусым.

Именно их имел в виду Аус б. Хаджар, когда сказал: [50]

Повернули мы от их колодцев,
Как рыжеусых увидели с охотничьими соколами.²¹⁸

Рассказывал Мне Ибрахим б. Синди²¹⁹, мауля эмира верующих, большой знаток государственных дел, страстный приверженец сторонников аббасидского призыва, который, заботясь о своих покровителях и напоминая их славные деяния, призывал людей к повинению им и проповедовал их достоинства. И был он так возвышен в своих мыслях и так красноречив, что если бы я сказал, что язык его для этого государства, был полезнее, чем десять тысяч мечей и острых клинков, то было бы это правдой, достойной веры в лее. Он сказал: «Рассказал мне Абд ал-Малик б. Салих со слов своего отца Салиха б. Али²²⁰, что хакан, тюркский царь²²¹, выступил против Джунайда б. Абд ар-Рах-мана²²², правителя Хорасана. И был Джунайд напуган его силой и потрясен его могуществом, войско его показалось Джунайду очень многочисленным и внушительным, и устранился он и потерял самообладание, Хакан оказался пронизательным и понял, в каком он находится состоянии, и послал к нему со словами: «Я бы не стоял на этом месте и не держал тебя такой хваткой, если бы желал причинить тебе зло или горе. Если бы действительно желал тебе зла и огорчений, то уничтожил бы твое войско так, что ты и опомниться бы не успел. Я вижу все слабые места, и если бы не то, что приобретаю этот опыт, ты обернешь его против других тюрков, я бы показал тебе участки расположений, слабые места и ошибки твоего войска и твоей

диспозиции. Мне стало известно, что ты человек трезвого ума, пользующийся уважением в своей стране и считающийся достойным и сведущим в своей религии. И вот пожелал я спросить о некоторых из ваших догм, чтобы иметь представление о вашем вероучении. Выходи ко мне со своей ближайшей свитой. И я выйду к тебе один и сам спрошу о том, что хотел бы знать, а ты не устраивай торжественной встречи и ничего не остерегайся: такие, как я, никогда не отличались вероломством и никогда, дав гарантии своей благосклонности и благонамеренности, не нарушают своего слова. Наш народ никогда не обманывает, а к хитрости прибегает только на войне, и если бы война обходилась без [51] хитростей, то мы себе и этого не позволяли». И Джунайд отказался выйти к нему иначе, как один. Отделились они, каждый от своих рядов, и сказал она: «Спрашивай, о чем хотел. Если смогу я дать удовлетворительный ответ, — отвечу, если же нет, то укажу на того, кто в этом более сведущ, чем я.»

Спросил он: «Какое наказание вы полагаете прелюбодею?» Ответил Джунайд: «Прелюбодей у нас бывают двоякого рода: те, кому мы предоставили женщину, чтобы избавить от искушения перед женами соседей и других людей, и те, кому мы не предоставили и не позволили распорядиться на этот счет самому. Что, касается того, у кого нет жены, то такого мы наказываем ста ударами плетью в присутствии всего народа, чтобы все видели его, чтобы предостеречь его на будущее и чтобы его знали везде и позор его стал известен всем и служил ему наказанием, а другим предостережением от подобного рода поступков. Что же до того, кому мы предоставили ранее такое благо, то этого мы забиваем камнями до смерти»²²³.

Сказал он: «Хорошо, правильно, верная мера. А что вы делаете с тем, кто обвиняет в прелюбодеянии невинного?» Ответил он: «Мы даем ему восемьдесят ударов плетью, никогда не зовем его в свидетели и никогда не верим его словам»²²⁴.

Сказал он: «Верное решение и справедливая мера. А какое наказание вы полагаете вору?» Он ответил: «Воровство у нас бывает двоякого рода: во-первых, когда человек посягает на имущество других, пуская в ход хитрость, для чего он пробивает стены или взбирается на крышу дома— такому мы отрубаем руку которой Он 'крал, пробивал отверстие или на которую

он опирался²²⁵, во-вторых, когда человек наводит страх на путников; занимается грабительством на дорогах и забирает имущество; угрожая оружием, а если владелец попытается помешать ему, то не останавливается перед убийством—такого мы убиваем и распинаем на " дорогах и караванных путях».

Сказал он: «Верное решение и справедливая мера. А что полагается у вас за: действия: и захват добычи силой?» Он.)ответил! «Во всем, где появляются сомнения и возможны ошибки и различные мнения, как то: применение силы, насильственный отбор, -преступление или воровство с целью захвата пищи: или питья, мы не беремся судить категорично в том случае, когда подозрения действительно возникают и: имеет, место предположение, [52] что эти поступки могут, быть определены иначе, чем кража».

Сказал он: «Верное, решение и справедливая мера. А как вы наказываете убийцу и жестокосердных, отрезающих уши и нос?». Он ответил: «Жизнь за жизнь, око за око и нос за нос. Если одного убили десятеро, мы убиваем десятерых. Мы убиваем сильного за слабого. Точно так же обстоит дело и в случаях с рукой и ногой».

Сказал он: «Хорошо, правильно, справедливая мера.

А что вы делаете со лжецом, клеветником и ветроиспускателем?» Он ответил: «Мы их удаляем, изгоняем и презираем, никогда не зовем в свидетели и не принимаем на веру их суждения».

Сказал он: «И это все?» Он ответил: «Такой ответ Дает наша религия». И сказал он ему: «Клеветником я называю того, кто сеет смуту среди людей, такого я держу в темнице, там, где его не видит никто. Ветроиспускателю я ставлю тавро, на ягодице и велю наказать по этому месту. А лжецу я отрезаю ту часть тела, которой он эту ложь распространял, точно так же, как вы отрубаете крадущую руку. Что же касается того, кто занимается шутовством и прививает людям легкомыслие, его я изгоняю из. числа подвластных мне и тем самым исцеляю разум моих подданных».

И сказал Джунайд б. Абд ар-Рахман: «Вы в своих решениях руководствуетесь умозаключениями и выводами из рассуждений, мы же следуем учению пророков и считаем, что мы не вправе распоряжаться рабами божьими и единственно Аллах: Всевышний не-

дает о скрытых интересах, тайных сторонах дела, его подробностях, результатах и последствиях. Людям же подвластно познание и доступно решение лишь внешней стороны дела. Сколько легкомысленных здравствует и сколько предусмотрительных погибает!" И молвил он: «Более благородных слов ты не говорил, — заставил ты меня призадуматься».

Сказал Ибрахим со слов Абд ал-Малика, со слов Салиха: ;Сказал Джунаид: «Человека совершеннее, справедливее, понятливее и мудрее, чем он, я не видел. Стоял он передо мной три часа в самый разгар дня без движений и только двигал языком, чтобы вести разговор, и точно так же стоял и я». Вот такими [53] описывают тюркских царей.

Говорят, что Сасан и Великий Хакан²²⁶ встретились на одном из мостов. Выступили они вперед из своих рядов и была меж ними беседа с глазу на глаз. А когда разошлись они, сказали люди: «Хакан был более тверд и учтив, зато скакун под Хосровом был более тверд и обучен. Хакан не шевельнул и пальцем, только двигал языком, а лошадь его то становилась на дыбы, то била копытом. Конь под Хосровом стоял как вкопанный, сам же Хосров шевелил головой и жестикулировал».

Удивительно, что бану Харис б. Ка'б²²⁷ не выдерживают против бану Хазм²²⁸, последние не могут противостоят бану Кинда²²⁹, а бану Кинда не выдерживают против бану Харис б. Ка'б. Этому удивительному явлению в войнах находят параллель в том, что арабы не выдерживают против тюрков, тюрки не могут совладать с византийцами, а византийцы не могут одолеть арабов.

Сказал Джахм б. Сафван ал-Тирмизи²³⁰: «Мы знаем, что между персами и тюрками была война, и что в результате Хосров Абарвиз²³¹ взял в жены Хатун, дочь Хакана²³², и этим браком склонил его на свою сторону и оградил себя от его могущества. Знаем мы о войнах между персами и византийцами, знаем, как изменчивы были победы и почему были посажены оливы в Мадаине²³³ и Сусе²³⁴, как возник юрод ал-Ру-мийя²³⁵ и почему он был так назван, что заставило Хосрова на другом берегу, как раз напротив Конмтантин тинополя, построить гробницы и храмы поклонения огню²³⁶. Когда византийцы одержали подряд несколь-

побед над тюрками Хорасана, сложили об этом пословицу: «До последнего дома преследовали его»²³⁷. 4 собрались там сторонники этой династии и все, кто связан был с ней²³⁸.

Хатун, дочь Хакана, родила Абарвизу Шируйе. Шируйе²³⁹ наследовал своему отцу, а в жены взял се-бе Марйам, дочь кайсара²⁴⁰. Она родила ему Фируз-шахи²⁴¹, мать Йазиды [54] ан-Накиса б. ал-Валида²⁴², который говорил: «Моими предками были четыре царя; Хосров, Хакан, Кайсар и Марван»²⁴³. В военных походах, когда он убил ал-Валида б. Йазиды б. Атику²⁴⁴, он декламировал:

Я сын Хосрова, отец мой Хакан,
Дед мой Кайсар, и дед мой Марван.

А когда хотел он похвастать своей храбростью и военным искусством, вспоминал только Хакана:

Когда я стреляю, наступая и отступая,
И с кручи скользкой на жеребенке поднимаюсь,
Хакана дедом считаю — помни и знай,
Что ему предпочтенье мое на равнине
И в горах недоступных.

Словом «поднимаюсь» он хотел сказать «спускаюсь». Это на языке жителей Шама, перенявших его у арабских поселенцев в раннюю эпоху. А свою лошадь он назвал жеребенком, желая подчеркнуть опасность и трудность предприятия.»

Рассказывал Фадл б. ал-Аббас б. Разин²⁴⁵: «Однажды к нам пожаловали тюркские всадники. Все укрылись в своих крепостях и закрыли двери. Тюрки окружили одно из этих укреплений, и один из них Увидел старца, наблюдавшего за ними сверху, и сказал ему: «Если ты не спустишься ко мне, я убью тебя такой смертью, какой не умирал никто». И тот спустился к нему и открыл дверь. Потом подвел он его к Укреплению, где находился я, и сказал: "Купите его у меня". «Нам в этом нет нужды»,— ответили мы. Сказал он. «Я уступлю его -за один дирхам». Бросили мы ему один дирхам, и он отпустил того на все четыре стороны, а затем и сам отошел со своими спутниками, но вскоре вернулся и стал так, чтобы мы могли слышать его, что удивило нас. Он вынул дирхам изо рта и переломил его пополам, и сказал: «Он не стоит целого дирхема, это непомерно [55] высокая цена, возьмите эту половину, он во всяком случае не стоит и

другой». Вот каким остроумным он оказался. А того человека мы. знали как труса. Он, конечно, слышал об уловках тюрок при взятии, городов и переправах через реки и подумал, что он не стал бы грозиться открыть дверь, если бы не имел наготове одну из них.

Сказал Сумама: "С тюрками можно сравнить муравьев, потому что каждый муравей сознает необходимость запастись пищей, постоянно выискивать, вынюхивать и обходить опасные места, чтобы только заночевать в своем муравейнике. И потом люди своими хитростями которые они проявляют при закупорке, готовке, хранении и подвешивании пищи на кольях, охлаждении ее в сосудах, напоминают муравьев и им подобных». Сказал Абу Муса ал-Аш'ари²⁴⁶: «Все создания нуждаются в предводителе, начальнике и руководителе, даже муравьи.»

Рассказывал Абу Амр ал-Дарир²⁴⁷: «Предводитель муравьев — это разведчик, который первым пробирается к чему-ли, один только из всех сумевший учуять, благодаря качествам, которыми наградила его Аллах, всевышний, и чудесному чутью. И когда попробует он поднять добычу и понести ее, но, сделав все, что в его силах, обнаружит, что не способен на это, только тогда отправляется сообщить соплеменникам о своей находке и возвращается обратно. За ним выходят длинной черной лентой другие муравьи. И ни один муравей не пройдет мимо другого, не сообщив о чем-то по секрету и только потом продолжает путь. Точно так же и тюрки: каждый из них способен справиться со своим делом сам, однако среди всякого вида вещей, растений или предметов бывают более или менее *совершенные экземпляры, драгоценные* камни могут отличаться по ценности, но все они будут благородными. Породистые лошади не бывают одинаково хороши, но все они превосходные скакуны.

Мы сказали о достоинствах всех подразделений насколько позволяли дошедшие до нас известия и наши познания. И если мы заслужили одобрение, то с помощью Аллаха и по его повелению, если же (56) нет, то по нашему незнанию, неведению и неосведомленности. Что касается благих намерений, стремления и усердия в делах, достойных божьего благословения, то здесь мы не можем упрекнуть себя ни в чем.

Провинность в упущении или приукрашивании совсем иного рода, чем провинность в неспособности и нерешительности: Если бы эта книга была сборником противоречивых мнений или же книгой вопросов и ответов и каждая из групп стремилась к тенденциозному изучению своего ближнего и старалась возвеличить себя, выпячивая недостатки своего собрата и его потомков то это была бы большая и толстая книга со многими страницами, и, несомненно, число восхваляющих автора за его знания и широту взглядов было бы, больше. Но мы считаем, что то малое, что служит согласию, ценнее того большого, что порождает разногласие. Боже, упаси нас от последнего, помоги нам и направь На путь истинный! Воистину Он всеведущ, вседесущ и творит по своей воле!

На этом и кончается книга. Благодарение Аллаху, всемогущему и всесильному и дарующему успех за благоразумие!

Абу ал-Ала Ибн Хассул

КНИГА О ПРЕВОСХОДСТВЕ ТЮРКОВ НАД ДРУГИМИ ВОИНАМИ
И О ДОСТОИНСТВАХ ВЫСОКОГО СУЛТАНСКОГО ПРИСУТСТВИЯ,
ДА ХРАНИТ АЛЛАХ ЕГО ВЫСОЧАЙШЕЕ И ПОЖИЗНЕННОЕ
ЦАРСКОЕ ВЕЛИЧИЕ И ДА ХРАНИТ ЕГО ГОСУДАРСТВО

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!

Хвала Аллаху, повелителю миров. До благословит Аллах господина нашего Мухаммада и весь его род! Боже! Упаси меня от сеющих смуту слов и дел, от ошибок в речи и суждениях, избавь от падений и промахов, от несчастья обмана и лжи, раздражения и гнева, убереги от мерзости сомнения и лицемерия, отсутствия осмотрительности и стыда. Упаси нас, господи от язвы прихоти и ее последствий, от власти пристрастия и его могущества, не дай мне возвестить то, о чем у меня нет сведений и глубоких знаний, чего я не знаю наверняка и не понимаю полностью. Боже, не дай мне ступить на то, от чего нет спасения то, чему всегда сопутствует несчастье, не позволяй мне упасть так низко, чтобы потерять веру и

мужество, и братья за то, что заслуживает осмеяния и требует осуждения. О Боже, прошу твоего покровительства в том, что высказываю и повторяю, успеха в том, что строю и воздвигаю, подтверждения того, что рассказываю и привожу, одобрения в том, что утаиваю и раскрываю, и наставлений в том, что передаю с чужих слов и рассказываю сам, чтобы, имея целью справедливость, не смотрел я незрячим оком, чтобы, стремясь к беспристрастию, не мерил мерой крайности и чтобы не оказался я в положении человека, променявшего благополучие на том свете на (благополучие) на этом, отказавшегося от своего имени ради удовлетворения своей прихоти, лицемерящего- перед людьми, умаляющими достоинство других, поносящего отсутствующих и восхваляющего присутствующих, насмехающегося над те ми, кого унесла смерть, чтобы возродить надежды (живых).

Все это для природы (человека) предосудительно, причисляется к недостаткам, считается позорным успехом, перетягиванием (весов) и вмешательством в predeterminedенные (свыше) решения. Однако такое состояние пристало только вероотступнику, лишившемуся благоразумия, упорствующему в своем заблуждении, нарушившему нормы поведения и презревшему свою судьбу.

Ты, да продлит Аллах твою жизнь, упомянув о книге Ибрахима ибн Хилала ас-Саби,¹ известной под названием «ат-Таджи», с восхищением отозвался о красоте ее языка и восторгался совершенством ее слога. Из предложенного им вниманию читателя тебе понравились известия о Дейлеме² и его генеалогии и о возникновении и корнях дейлемского государства; и упомянул он о сражениях в войнах, которые вели дейлемцы, о достоинствах, составляющих их гордость, их многочисленности, способствовавшей осуществлению их намерений, о секретах достижения полного счастья, которыми они владели, об обычаях их действий в сражениях, в преодолении несчастий, ведении войн, при встрече с соперником и в опережении времени.

Наконец, он (ас-Саби) приступает к объяснению того к чему стремился и вокруг чего вел речь величиванию так называемого Адуд ад-Даули³, его восхвалению и превознесению всего, чтобы он знал или

не знал, и доходит до того, что приписывает ему совершенство, свойственное лишь Аллаху, превеликому, а также то недостижимое для простых смертных, чем Аллах наделил своих пророков и посланников, да будет над ними мир, и в особенности Мухаммада, да благословит Аллах его самого и всех его потомков. Он заменил истину обманом, правду ложью, твердость мягкотелостью, снисходительность придиричивостью. Он сделал свою книгу такой длинной, чтобы никто не мог возразить против его слов и никто не мог оспаривать его выводы. Клянусь жизнью, его нельзя судить строго за такой выбор и намерения. В лице Адуд ад-Даули судьба послала ему человека, заставившего его убоиться за свою жизнь, угрожавшего его благополучию, возненавидевшего его за написанное им выражение в письме от имени ат-Таи, да смилуется над ним Аллах, к Адуд ад-Дауле в Фарс, когда он собирался идти на Багдад, чтобы вытеснить оттуда своего двоюродного брата по отцу Бахтнйара, прозванного Изз ад-Даулей, сына Муизз ад-Даули, и оспаривать у него столицу халифата.⁴ И став полновластным правителем в Багдаде, он стал преследовать ас-Саби за то, что вспыхнуло и происходило между ними со времени Рукн ад-Даули. Вот это выражение⁵: «Мы дали Изз ад-Дауле титул шахиншаха и не ставь себя с ним равным в законе»⁶. Это выражение Адуд ат-Даула стерпеть не мог, он преисполнился негодованием за такое оскорбление и затаил против ас-Саби злобу и ненависть. Он знал, что именно ас-Саби подобрал это выражение и требовал включить его в письмо и что ат-Таи ли-л-лах и Изз ад-Даула не имели касательства к выбору этого оборота и не считали правильным, причинить через него боль и позор. И когда Адуд ал-Даула удалось одержать победу над Изз ад-Даула, убить его и утолить жажду его крови, ас-Саби пришлось позаботиться о себе, его стал мучить страх, и он составил эту книгу, пытаясь Умилостивить Адуд ад-Дауля, после того, как он утолил чувство мести, погубив Изз ад-Даулу и стараясь, в свою очередь, избежать его клыков и когтей. Избавившись от страха и смерти и получив возможность выслужиться, он не стал сдерживать свои длинные речи и начал произвольно добавлять и опускать, приукрашать и сокращать, высмеивать и восхвалять, недоговаривать и излишествовать, возносить к небесам и низвергать, то затенять, а то высвечивать.

Адуд ад-Даула следовало бы отстраниться от превознесения того, чего он в себе не видел и плодами чего не обладал. Он не должен был ронять достоинство своего ума, позволяя грубо исказить свою генеалогию и давая волю воображению и фантазии ас-Саби, который приписал ему верность слову, тогда как он был вероломен; богобоязненность, тогда как он был грешен, кротость, тогда как он выходил из себя; воздержанность, тогда как он обнажал тело.

Я, с позволения Аллаха, также рассмотрю этот вопрос, проявляя про этом справедливость в суждении и правдивость в изложении. Я буду приводить несомненную истину, неопровержимые доказательства и привлекать свидетельства людей, посвященных в существо 'дела в мельчайших подробностях.

Каждый из передающих известия и рассказывающих о прошлых событиях знает, что Дейлем и Джил⁷ два разных народа, каждый из которых имеет свою страну, определенную землю и отдельную родословную. Джил бывают разного вида и состоят из различных племен. Каждый из этих народов, имеет свои ветви, отличающиеся одна от другой. А дейлемцы состоят из двух частей: ал-Астаниййа и ал-Лаиджиййа⁸.

Ал-Астаниййа живут в труднодоступных местах, укрепленных городах и горах Дейлема, и до последнего правили ими ал-Вахсуданиййа. Что касается ал-Лаиджиййа, то они живут в пустынных и равнинных областях страны, и продолжают править ими до сих пор ал-Джустаниййа⁹. И были они безбожниками, пока алидские шерифы не стали посредниками между ними (и Аллахом), поселившись среди них и распространив ислам в их среде,¹⁰ пока не призвали их к религии Ал-лаха и сунне его посланника Мухаммада,¹¹ да благословит его Аллах и приветствует, и не вселили в них веру в имамате Али б. Аби Талиба, да будет над ним мир, обходя сподвижников, (Мухаммада) и давая ему предпочтение перед всеми¹². Вот почему большинство их шииты и лишь немногие являются суннитами¹³ то ли ханбалитского, то ли шафиитского толка, как не могут определить мусульманские богословы¹⁴.

А большинство Джил—сунниты. Они приняли ислам раньше. В Дейлеме же, распространен шиизм, и приняли они ислам от ан-Насириййа¹⁵.

Суннитские и шиитские богословы должны были бы объяснить им их связь с арабской родословной посланника

Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, их благородное происхождение и знатность; они гордились бы этим в стихах и...боевых призывах, когда шли на войну и сражались со своими врагами и противниками, лишенными этой чести. Но этого от них никто не слышал, в голову им это не приходило и не воспевалось ими ни всерьез, ни в шутку, ни в стихах, ни в речах. Здравомыслящие дейдемы никогда не возмущались осмеиванием даббитов¹⁶ в стихах, не перечисляли того, что считалось их достоинствами и не печалились при упоминании их недостатков¹⁷

Ни при исламе, ни в ал-джахилийу¹⁸ не встречается (указаний) на переселение хотя бы одного даббита и поселения на их землях в, соседстве с ними как не упоминается также о каком-либо бедствии, заставившем бану дабба покинуть родные места в Ираке, аш-Шаме¹⁹ и ад-Джазире²⁰ в поисках убежища на Западе, поскольку они поддержали Му'авию б. Аби Суфьяна²¹, выступили с ним, требуя крови Османа²², да будет доволен им Аллах, и вели войну против Али, да будет над ним мир.

Указанием на то служат следующие слова одного из них.

Мы бану дабба, восседающие на верблюдах Будем оплакивать Усмана б. Аффана лезвиями своих клинков. Верните нам нашего шейха, чтобы был он нами восславлен.

Приписывая этому роду такое вот происхождение, ас-Саби делает их худродными, так как генеалогия бану дабба самая слабая. Они подозрительно многочисленными и не могут сравниться с бану курайш,²³ тамим,²⁴ тай,²⁵ кайс,²⁶ или же хандаф,²⁷ или укайл,²⁸ которые составляют цвел арабских племен и занимают самое высокое место по знатности и происхождению. Если бы ас-Саби нашел возможность для обоснования их претензий на происхождение от курайш, то он это сделал бы, и было бы доказано право Адуд ад-Даула на имамат и обоснованы его претензии на халифат. И был бы тогда Адуд ад-Даула достоин примериться к этому величию, тогда как в действительности был его лишен, и похваляться им, хотя и не был этой славой наделен. Первая несправедливость, допущенная ас-Саби в этой книге, заключается в том, что он относит этого

правителя к неизвестной генеалогии, и ставит его в положение обманутого и безвестного. Затем он отбрасывает арабское происхождение, которым сам его наделил, и приписывает его к персидской генеалогии от Бахрама Гура²⁹. Однако расхождение родословных арабов и персов очевидно: генеалоги считают, что они сходятся только на Ибрахиме,³⁰ да будет над ним мир. Персы, как принято считать, являются потомками Исаака,³¹ а посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, происходит от Исмаила³². Вот что сказал он, да будет над ним мир: «Я 'сын двух жертв». Он имел в виду Исмаила, да будет над ним мир, и Абдал-лаха,³³ своего отца, которого Абд ал-Мутталиб³⁴ хотел принести в жертву, но выкупил за большое количество верблюдиц, когда стрелы должны были показать, заклать его или оставить, принести его в жертву, или выкупить³⁵.

Если бы дейлемцы, как утверждает ас-Сабн, действительно были арабами, то они происходили бы от Исамаилова колена. Тогда мы хотели бы знать, кто был их прародитель, на котором они отвечают от генеалогического дерева посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и через которого он (Адуд ад-Даула) восходит к этому дереву и имеет честь иметь к нему отношение. Чем ближе к нему, да благословит его Аллах, тем больше знатность, яснее родство, обоснованнее гордость и благороднее происхождение.

Родословная благословенного посланника Аллаха через курайш с его родами восходит к ан-Надру б. Кинане,³⁶ и потому курайшиты имеют право на имя мат",³⁷ согласно следующим его (Мухаммада) словом, да благословит его Аллах: «Имамы должны быть из курайш». А Абд Манаф,³⁸ Хашим,³⁹ и Абд ал-Мутталиб самые близкие из родственников и родичей. И говорил благословенный Аллахом с гордостью: «Я происхожу от Атики и Фатимы»⁴⁰. Атика — это дочь Абд ал-Мутталиба, а Фатима — дочь Абд Манафа⁴¹. О, если бы мне знать, когда дейлемцы могли похвастать таким родством, когда они имели подобные родственные узы. Да и слышал ли кто и когда о дейлемцах? Разве что в касыде Антары ал-Абси,⁴² где он говорит: И косая верблюдица отворачивается от колодцев Дейлема.

фируз,⁴³ когда начал войну с арабами и выступил в поход против них, взял с собой дейлемцев, как прилипают к рукам при всеобщем сборе паршивое воронье, то бы сплотиться, упрочиться и обезопасить себя от их скрытых ударов и нападений.

В соответствии с утверждением сведущих людей, генеалогов и летописей, ветви различных правителей разошлись в эпоху Афридуна,⁴⁴ когда ад-Даххак захватил его царство⁴⁵. Ад-Даххак — это по-персидски Байурасиф. У персов в связи с этим есть много легенд, в которые они верят, и обычаев, которых они придерживаются. У него на плече будто бы были две змеи, склонившиеся над ним и готовые его ужалить. Если чувствовали они голод, то одновременно обе, и питались они только человеческими мозгами. Он ежедневно умерщвлял двух юношей из числа своих подданных в жертву этой постигшей его напасти. Разумные люди сочтут эту легенду достойной презрения, а ее подтверждение вызовет осуждение. Однако этот человек был несправедливым деспотом и жестокосердым тираном, и подданные, охваченные страхом перед ним, и враги, стремившиеся к победе над ним, приписывали ему соответствующие (вызывающие отвращение) качества.

История до ад-Даххака недостоверна и неточна, она была оставлена без, присмотра и не сохранилась⁴⁶. Достоверная история начинается с эпохи Афридуна, завоевавшего весь мир. Каждому из своих сыновей: Туру, Саламу и Ираджу⁴⁷ он выделил надел из земель, завоеваны на востоке и западе, из своих владений на море и на суше. И достался Саламу Рум и подвластные ему страны — до земель арабов. Ираджу по причинам, о которых, чтобы не отвлечься от цели этой книги, я распространяться не буду, досталась середина четвертого пояса, земли самые ухоженные и благородные. Туру были выделены северо-восточные земли, на *самом* краю обжитых земель. Салам и Тур выступили против Ираджа, одолели его убили. Но тут появился Мануджахр⁴⁸ и потребовал мести за его кровь. Он отомстил своему врагу, отвоевал земли, составлявшие его наследство, стал распоряжаться и править ими. И возникла вражда между потомками Тура и Ираджа, которая продолжается и в наши дни и в которой брала верх то одна, то

другая партия, припоминая забытые обиды. Особенно (обострилась вражда) со времени похода Фарасийа ба-царя⁴⁰ на эти земли, которые он опустошил, потряс, обобрал и разорил. Царствовал он над ними двадцать лет, пока Кей-Хосров⁵⁰ и Рустам⁵¹ не сломили его твердыни и не положили конец его царствованию. С тех пор вражда между двумя этими расами не затихает. Победы в битвах одерживал как одни, так и другие, но войны продолжались. Об этом рассказам а книгах на арабском языке и персидском, стихами и прозой.

Одной из задач этой книги было указать происхождение тюрков. Они потомки великого и властолюбивого царя. Это из страха перед ним и его потомками возвышались в Ираншахре⁵² эти крепости, пока не перешли к ним через несколько веков⁵³.

Из румийцев, потомков Салама, был Искандар, известный как Зу-л-карнайн⁵⁴ который совершил поход на Ираншахр. И правили румийцы около двухсот лет благодаря управлению, установленному вазиром Ис-кандара Арастуталисом. Это мнение ошибочно, принимая во внимание исповедовавшуюся им веру и прусущий ему здравый ум, запрещающий пролитие невинной крови и допускающий убийство лишь в расплату за убийство⁵⁵. Как может в стране, где появляются такие люди, поспеть урожай, который поднялся бы быстро и в короткое время принес од ачу? Правильным было мнение разделить страну и уравнять положение людей, чтобы они завидовали друг другу, соперничали каждый в своих границах и воевали между собой⁵⁶. И перешло управление государством Искандара к его прямым потомкам и родственникам. Румийцы владели Ираншахром таким вот образом более двухсот лет и были прозваны удельными царями, пока не появился Ардашир б. Бабак⁵⁷ и не уничтожил эту основу и устранил эту хитроумную (систему).

Этот Ардашир не имел себе равных по храбрости силе, благородию, выдержке, уму, осмотрительности предприимчивости и здравомыслию в политике. Он не происходил от какого-либо известного царя или знатного вельможи и потому говорил: «Мой род начинается с меня, а род моего врага на нем пресекается», Специально изданными законами он запретил почитать людей только за их, знатность, если они не заслужива-

почитания благородными поступками и образован носью⁵⁸.

И был он первым из сасанидских царей, которые затем правили миром до тех пор, пока не появился ислам и не уничтожил их следы, не покончил с их государством и не подверг их унижению, исключая только тех, кто принял веру⁵⁹. Он был первым, кто правил по справедливости и творил праведный суд, мягко обращался с простыми людьми и не тиранил страну. Он поступил благоразумно заключив мир с тюркскими царями, уступив им многие пределы своего царства и завещав наследникам о своего государства придерживаться с ним такой политики⁶⁰.

Рассмотрим сейчас состояние этого народа, я имею в виду тюрков, с их качествами, свойствами и характерами, их путями, областями и дорогами, не, приписывая им то, чего они не заслуживают, и не умаляя того, что они имеют, не проявляя крайности, ни за, ни против них и не имея целью, сблизиться с ними и польстить им. Эта книга представляется, на суд критиков, обращающих внимание на значения и выражения, и даже незаметные взгляды и знаки, и прошу я у Алла ха защиты от двуличия, осуждаемого всеми законами и традициями во все времена и эпохи.

Начнем с их отважности, которая считается самой благородной силой человеческой души, ибо движет (человеком), когда он защищает женщин и детей, сражается с врагом, добивается победы оберегает (свои) права, защищает близких и свой род и проявляет похвальное усердие и оправданное высокомерие. На этом держатся государства и обеспечивается безопасность дорог.

В мире нет людей более стойких и более настойчивых в достижении целей. Аллах сотворил их подобным львам, с широкими лицами, приплюснутыми носа-ми, огромными руками, озорным характером⁶¹. Однако редко, но бывает у них изящный стан, узкое лицо и большие красивые глаза. Они силой добывают себе пищу, но отказываются от предосудительных дел. В войске, состоящем из различного воинства, наказание одного воина сдерживает остальных и усмиряет всех. Их же не оставит отдельный окрик, если не окрикнуть всех, и не удержит наказание одного, если не наказать остальных. Их основную пищу составляет мясо, которое

им ничто не может заменить, и которое они никогда не моют в чистой воде. Они наслаждаются им, только если оно добыто силой, и не получают от него удовольствия, если оно не досталось им в качестве до-бычи⁶².

Это обычай хищных зверей и свирепых львов. Вот почему они привычны к жизни в пустыне и голой степи и терпеливо переносят бедность и лишения, вот почему они обеспечивают себе безбедную жизнь, совершая набеги и применяя силу, вот почему они так неутомимы в погоне за пугливой антилопой и диким ослом. Даже если покажется, что усталость овладела ими, они будут так же, как и в начале, гнать свою лошадь, взбираться на гору, рисковать жизнью, пробираясь через крутые скалы и опасные места.

(Несмотря) на благородство их характера и силу, ислам обязал совершать походы против неверных из них, подобно тому как считает обязательным (вести войну) против остальных языческих народов и племен в других странах⁶³. Если кто из них попадает в плен, то не успокаивается, пока его хозяин не будет делить с ним еду, питье, одежду и верховое животное. В своей службе он никогда не падет так низко, как другие невольники, принужденные в плену подметать дом, ходить за лошадьми и выполнять другую подобную работу, на которой используются остальные невольники, которых постиг позор неверия и настигла карающая рука. В отличие от того, какими мы находим индийцев, румийцев, армян или других рабов, невольничье положение тюрок всегда имело ограниченную силу и определенные пределы⁶⁴.

Избавившись от оков, тюрок не будет чувствовать себя удовлетворенным, пока не станет во главе войска, или удостоится быть хаджибом,⁶⁵ либо командиром

крупного отряда и влиятельным военачальником в войске. Это не свойственно Хорасану,⁶⁶ хотя эта область граничит с их страной; их землями, но это наблюдается, например, в Египте,⁶⁷ который является страной наиболее отдаленной (от их родины, а также наиболее чуждой им по речи и языку. Можно, если хотите, назвать Ирак, где присутствуют воины различного рода: дейлемцы, арабы, курды. Владетьствуют там дейлемцы, которые издавна требуют мести от них (тюрок?) и питают к ним сильную вражду. На

протяжении столетий халифы и дейлемские правители вынуждены были мериться с ними силой, отражать их нападения, отстаивать свое государство и оспаривать господство над другими. Но у них не нашлось сил укротить их, одержать над ними победу, одолеть их и пересилить. В подтверждение их всеислия, величия, гордыни и неиссякающей мощи достаточно вспомнить слова благословенного посланника Аллаха: «Не трогайте тюрок, пока они не трогают вас»⁶⁸. Сопоставьте это со словами благословенного посланника Аллаха: «Я был послан к черным и красным», — что означает к арабам и неарабам⁶⁹. И было ему наказано сражаться с другими народами за то, чтобы произнесли они слова исповедания ислама и объединились в единой вере. Самое удивительное, что никто не видел, чтобы настоящий тюроч был изнежен как женщина, тогда как этому пороку и этому недугу подвержены все виденные нами народы и, особенно, ал-джил. А если кто-либо из них проявит женственность в речи, манерах, одежде или украшениях, то он верно нечистокровный тюроч, который вырос в их стране, но в котором говорит его происхождение от соседнего народа.

Коль скоро мы указали на некоторые их достоинства, от которых не может уберечься противник и которым он не может противостоять, то упомянем владык, происходивших из рода или из стран сопредельных с ними, таких, как Саманиды,⁷⁰ владетели Хорасана, и другие; а также Себук-тегин⁷¹ и его дети и внуки Махмуд, Мухаммад и Масуд,⁷² да будет доволен ими Аллах. Вспомним, как они укрепили свое положение, своими руками и собственными силами одолели соперников, как их усилиями были приближены и в их лице достигнуты их (тюрок) цели. И благодаря им, пришли к ним славные победы и вознеслись их знамена. А потом наступило время, когда объединились они по призыву нашего повелителя, властителя мира, мусульманского государя, великого шахиншаха, столпа религии, спасения мусульман и блеска веры Ал-лаха, повелителя подвластных Аллаху стран и покровителя его рабов - Тогрул-бека Абу Талиба Мухаммада б. Микаила,⁷³ десницы наместника Аллаха на земле, эмира верующих, да укрепит Аллах его могущество и покровительствует его государству, и да сметет его врагов и вознесет его победное знамя. В его лице

они предали себя человеку, чья справедливость обошла всю землю и чья слава распространилась далеко на запад, человеку, которому была дарована держава какой не будет после него удостоен никто, и который был наделен таким величием, какое не случалось иметь ни одному владыке.

Каждому мусульманину надлежит повиноваться ему и пребывать под сенью его могущества, оказывать ему содействие явными и тайными помыслами своими, днем и ночью молить Аллаха о ниспослании победы его знаменам и явлении ему своих знамений. Упомянем некоторое из того, что мы видели воочию и что слышали из лучших рассказов о нем, повествующих о его добродетельности, о его стремлении заслужить благосклонность Аллаха, Всевышнего, справедливостью, благодеянием и состраданием к его (Аллаха) рабам, как в благосклонности, так и во гневе, о его презрении к деньгам и богатству, к чему всегда стремились владыки до него. Мы приведем этому объяснения, не проникнутые лестью, не подверженные пристрастию, не разбавленные ложью и не подпорченные двуличием и измышлениями. Зовет нас к этому не страх и не корысть, и движет нами не лесть и не сочувствие. У нас нет иной цели, чем желание высказать требуемую правду о нем и искомую истину о его сущности. Мы желаем только воздать должное за его благодеяния, благодаря которым мы обрели безопасность в его правление и благоденствовал под сенью его власти.

Главной причиной, побудившей меня составить и написать эту книгу, было согласие уважаемого и почитаемого старейшины, господину и попечителя нашего Имад ад-Дина Абу Насра Мансура б. Мухаммада,⁷⁴ да хранит Аллах его превосходство, критически рассмотреть содержание книги и ее слов, определить ее значение и цели, обратить внимание на ее вероятные ошибки и быть снисходительным тому вздору, который я, возможно, допущу в суждениях, а затем прокомментировать ее на тюркском языке для султана, наибольшим достижением правления которого было украшение тюрков его (Тогрул-бека) положением, их возвышение его возвышением, повышение их культуры в результате его деяний и его языка.

Добродетели распределены между людьми, и каждому досталась своя доля, отличающая его от другого. Совершенство как убеждает в этом разум, всегда косит на один глаз, оно обязательно имеет изъян. Науки

делятся на те, что изыскивают пути к спасению в загородном мире, и те, что (изучают) жизнь и достойное упоминания в этом мире.

Что касается того, что может помочь человеку при обращении к Его (Аллаха) милосердию и снисходительности, так это учение о единобожии, которое дает истинное знание Аллаха и приписывает Ему только те качества, которые возвеличивают его имя, и закрепляет формулы Его славословия, указывает на его бытие и единственность, не подлежащие сомнению и оспариванию⁷⁵. Кроме того, это указание на пророческую миссию его пророков и их способность творить чудеса, и особенно пророка, на котором прекращается ниспослание закона и на учении которого пресекаются все верования; это Мухаммад, да благословит его Аллах⁷⁶. Затем это глубокое постижение его веры, предпочтение, отдаваемое его сунне,⁷⁷ доказательство чудесности ниспосланного ему господом и занявшего его душу Корана,⁷⁸ знание его (Корана) заимствованных и арабских (слов), позволений и запретов, понимание ясных его стихов и тайного смысла неясных,⁷⁹ разграничение отменяющих стихов и отмененных,⁸⁰ знание обстоятельств, при которых были ниспосланы эти откровения, открытые и намекающие, с тайным и явным смыслом,⁸¹ как религиозное предписание, или как закон⁸². Потом нужно заботиться, чтобы выраженное и написанное, будь то стихи или проза, краткое изложение или обширное, постановка вопроса или пространное рассуждение - соответствовали требованиям арабского языка, самого благородного из языков, языка, носителям которого было отдано предпочтение перед Другими народами. Вот что я хотел сказать о науках, изучающих религиозное право и религию.

Затем следуют науки, изучающие сущность вещей, сотворенных Аллахом: небесный свод и планеты, инстинкты и характеры, вредное и полезное. И по каждому разделу есть классифицирующие книги и упорядочивающие законы, есть свои ученые, которым подражают, у которых учатся и к которым обращаются.

Трудно встретить человека, способного сделать значительный шаг вперед и поведать истинное в одной из этих наук. Но если такой найдется, то это будет выдающийся имам, достойнейший и знаменитейший,

признанный ученый, широкий и проницательный ум. А о таком, чтобы мог все это охватить умом, объять своим знанием, преуспеть (в познании) как общего, так и частного, как трудного, так и легкого, мы не слыхивали и такого не видывали, никто нам о таком не рассказывал, а самим встречать не приходилось. Но таков великий и почтеннейший шейх Амид ал-Мулк, да хранит Аллах его государство. Он настолько преуспел во всем, что кажется, будто никто, кроме него, ничего не читал и никто не был так умудрен прожитой жизнью; и это несмотря на его молодость, загруженность делами, его занятость управлением востока и запада, политикой персов и арабов. Это было бы невозможно, если не благословение Аллаха, всевышнего и вездесущего, даровавшего удачу и удивительную судьбу, которой нет подобия в величии и знатности.

Я не утверждал бы этого, если не перебирал и не испытывал, не изучал, не подвергал сомнению и не ознакомился с мнением каждой группы сведущих в этих науках, пользующихся славой и признанием и оставивших в них заметный след.

Воистину справедливыми оказались слова благословенного Аллахом пророка: «Если Аллах пожелает человеку добра, то дает ему вазира, говорящего правду, чтобы тот напоминал ему, если он забудет, и помогал, когда он вспомнит»⁸³.

Подтверждением моих слов является то, что пери-од его (Тогрул-бека) правления, да ниспошлет Аллах победу его знамени, известный своими прекрасными достижениями, справедливыми принципами и похвальными устоями, будь то в мягкости по отношению к преступникам, или щедрости к помилованным, в воздании способным людям или благоволи к представителям знатных домов, или пренебрежении ложными подозрениями — пришелся на время, когда этот покровительствуемый Аллахом шейх (Амид ал-Мулк) имел честь служить ему и связать себя с ним, и стали выполняться в государстве Тогрул-бека его приказы и приниматься во внимание его советы. Примером тому его (Тогрул-бека) обращение с ал-амнром ал-исфах-саларом Сейф ад-Даула Абу Исхаком Ибрахимом б. Йусифом,⁸⁴ который был доставлен к нему пленным с трясущими поджилками, охваченный и подавленный страхом. Все ожидали, что султан, да будет угодна Аллаху его победа, выпарит кровь из его жил и ут

лит жажду мести, убив его. Однако он встал, обнял его и принял его извинения, не разбирая прав он или нет. Совсем иначе поступил Адуд ад-Даула с Изз ад-Даула Бахтийаром, который был его двоюродным братом по отцу: когда он одержал над ним победу, только его смерть смогла утолить жажду его мести, и велел он отрубить голову Изз ад-Дауле и преподнести ему на блюде, чтобы отплатить ему сполна и даже больше. Куда ас-Саби до такой высшей справедливости и великодушия!

Еще более удивительны его действия, да хранит Аллах его величие, в случае с жителями Исфахана,⁸⁵ которые проявили открытое неповиновение ему, сражаясь, неверные и неблагодарные, против него, заслужили его гнев за свою измену и злословие и принудили его нести большие расходы по осаде города и подавлению мятежа и недовольства его населения. Однако он, захватив город силой и одолев в сражении его жителей, пощадил их, что изумило выдавших много людей и посрамило предшествующих правителей. И хотя доброта характера и благородство устремлений и души и склоняли и направляли его к этому качеству (милосердию), именно великий и почтеннейший шейх Амид ал-Мулк, да хранит Аллах его государство, пробуждал в нем это, рассказывая истории о правителях, и незаметно подталкивал добродетельными поучениями и укреплял его решимость.

Совсем иначе повел себя Адуд ад-Даула, когда, победив жителей Багдада, он убил Бахтийара, нарушил благоденствие багдадцев, выместил на них злобу и предал их огню, не взирая на то, что Багдад — столица халифата и его оплот.

Что касается родословной этого султана, да упрочит Аллах его победу, достаточным подтверждением ее благородства является уже только то, что она не восходит, как родословная некоторых, к несвободному рабу, неизвестному и безродному⁸⁶. Одним из его предков был Сарджук, он (как-то) ударил хазарского царя⁸⁸ мечом и сильно побил его палкой, которая была в его руке, таю что упала его лошадь и сам он был повергнут перед ним. . На такое способен только свободный человек, чья отвага выше неба. С него (Тогрул-бека) началось государство (Сельджукидов) и был основан призыв. В благочестии этого султана, да упрочит Аллах достигнутые им победы, и

в том, что государство его вечно, основы его незыблемы и устои непорочны, я убедился, когда был на его высшем совете и составлял приказ о назначении амира Зурайфа б. Ала ад-Даула⁸⁹. Было поставлено условие чтобы не ослабела его рука и не ущемлялись его полномочия. И сказал он, да продлит Аллах его благополучие: «Если только он не будет притеснять людей и силой отбирать имущество». И никому из присутствующих судей, законовевов, вазиров и катибов не пришла в голову такая оговорка и никто не высказал этого прекрасного мнения.

Аллах свидетель, что с тех пор, как я имел счастье поступить к нему на службу и связать свою судьбу с его государством, я ни разу не видел, чтобы он разочаровал идущего к нему с надеждой, накричал на ученого, проявил несправедливость или позволил (себе иной) проступок. Что же можно сказать о правителе, если описанное выше составляет самые незначительные его деяния и самые неприметные его достоинства.

В дальнейшем о его завоеваниях, совершенных с помощью Аллаха, свидетелем которых я был с тех пор, как имел счастье пребывать под сенью его правления, я расскажу, оградив свою совесть от щедрот и жалований, и буду обращается к почтеннейшему Амиду ал-Мулку, да уничтожит Аллах его врагов, в тех случаях, когда я не был свидетелем его (Тогрул-бека) благородных дел по причине непричастности к высокой сфере его деятельности.

От Аллаха успех, на него уповаем и к нему вер-немся. Он нам отпускает жизнь и определяет судьбу. Да благословит Аллах господина нашего Мухаммада и его род, и да приветствует

Рукопись завершена 14-го зу-л-ка'да 649 г. по лунному календарю (27 января 1252 г.н.э.).

(В конце книги на /полях имеется пометка):

Сверено с оригиналом, с которого и сделан настоящий список...* переписал вызывающий о защите к Аллаху всевышнему (ал-Хасан) Мухаммад б. ал-Хасан ас-Сагани,⁹¹ да сохранит; Аллах его покой и не заставит его покинуть свое место, кроме как...** в месяце зу-л-хиджа 649 г. (14 февраля - 13 марта 1252 г.) пребывая неустанно в молитвах

* Слово не разборчиво. ** Слово не разборчиво

П Р И М Е Ч А Н И Я

Введение

1. Книга пророка Йезекииля, гл. 38. стих 15. Мрачный сюжет пророчества Йезекииля нашел свой отклик и в раннехристианской литературе: Откровение Иоанна, гл. 20, стих 8. Чтобы не утомлять читателей длинным перечнем источников, укажем в качестве примера только на оказавшуюся под рукой книгу средневекового армянского историка Ластивертци (Ластивертци, 87). У арабского автора XIII в. ал-Идриси, находившегося на службе у норманнского властителя Сицилии Роджера II, предубеждение против кочевых тюркских народов, можно сказать, не претерпело никаких изменений, несмотря на то, что тюрки стали одним из основных элементов социально-политической структуры мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока: «Их князья воинственны, предусмотрительны, тверды, справедливы и отличаются превосходными качествами; народ жесток, груб, дик и невежествен». (См. Бартольд, Туркестан, 963):
2. С сожалением отметим, что этим недостаткам порой страдают и исследования советских историков. Много копий было сломано по поводу того, сыграли ли кочевники только отрицательную роль в истории Древнерусского государства, или нет. (См. Мавродина, 1978, сс. 210—222).
3. Казн, 1981, 112—113.
4. Эволюция восточных обществ, 55.
5. Ал-Марвази, 17, 18. См. также: Мешхедская рукопись, л. 168б.
6. МИГТ, 309—312; Агаджанов, 1969, 95-97.
7. Бартольд. Соч., II, ч. 1, 244.
8. Балазури. Каир 412—413; Кудама, 261.
9. Табари, I, 2658.
10. Табари, I, 2839.
11. Балазури, Каир, 412; Крепость Сула названа ал-Бухайра, что в переводе означает «озеро». Видимо, такое несоответствующее название вызвало у недостаточно компетентных передатчиков желание объяснить его: в одной из сохранившихся У ат-Табари версий о событиях войны с Судом указано, видимо, как замечание передатчика, что ал-Бухайра—это остров в море на удалении пяти фарсахов от Джурджана (Табари, II, 1322). Однако описание осады крепости, не включающее при всей своей подробности упоминаний об использовании каких-либо плавучих средств, а, напротив, указывающее на неожиданные ночные вылазки Сула (Табари, II, 1320—1322), заставляет усомниться в том, что крепость находилась на островке в море, да еще на таком большом удалении. Йакут сообщает нам, что слово бухайра является уменьшительным не от бахр (море),

а бахарат (местность, укрепленное поселение). (Йакут, Булдан, 1, 513). Таким образом, крепость Сула находилась на материке, тем более, что это следует из всех вариантов сообщений ат-Табари, за исключением одного, разобранный выше.

12. Табари, II, 1411.
13. Китабчи, 1985, 375; Иилдиз, 1976, 46—47, 51
14. Табари, III, 1194.
15. Табари, III, 1313.
16. Бартольд, Туркестан, 60.
17. См. Ахбар ар-Ради ва-л-Муттаки мин Китаб ал-Ауракли-Аби Бакр Мухаммад б.
18. Джахиз, Манакиб, 25.
19. Первое упоминание о тюрке на военной службе в халифате относят к 54/674 г.
20. Табари, III, 1017; Уйун ва-л-хадаик, 254,
21. Табари, III, 1179—1180; Уйун ва-л-хадаик, 281-282 Фахри, 1947, 231.
22. Исмаил, 1968, 8—9.
23. Йакуби, Булдан, 258—259.
24. Табари III, 1302.
25. Йакуби, Тарих, II, 479; Буниятов, 1969, 58.
26. Табари III, 1337, 1414—1416; Буниятов, 1965, 191, 194
27. Пайпс, 1981, 99.
28. Гибб, 1974, 3.
29. Рахматуллах, 1976, 16; Зейдан, 1907, 8—9; Хитти, 1947, 466 ад-Дури, 1945, 288.
30. Умар, 1974, 31.
31. Пайпс, 1981, XVIII, XIX, 46, 50.
32. Долс, 1983, 633—634.
33. Толлнер, 1971, 21, 25—27.
34. Кеннеди, 1981, 167.
35. Бартольд, Туркестан, 266.
36. Табари, III, 1328.
37. Шидфар, 1962, 6—7.
38. Босворт, 1960, 42—43.
39. Йакуби, Булдан, 258.
40. Асадов, 1987, 55—65.
41. Табари, III, 1539.
42. Надирадзе, 1975, 66—67.
43. Джахиз, Манакиб, 39-40, 42.
44. Йакуби, Булдан, 255-256
45. Табари, II, 1543, 1598; Куббель, 1959, 118.
46. Ибн Кутейба, I, 132.
47. Джахиз, Манакиб, 39.
48. Новосельцев, 1980, 144.
49. Пайпс, 1981, 18.
50. Саби, Вузара, 12.
51. Табари, III, 1370.
52. Йакуби, Булдан, 255; Табари, III, 1383.
53. Буниятов, 1969, 52.
54. Хатиб ал-Багдади, II, 73, 185; Иакут, Ирригад, I, 37, Низами ул-Мулк, 51.
55. Агани, X, 205.
56. Пайпс, 1981, 148

57. ЕІ, I 58; Башир, 1978, 45
58. Леви, 1957, 421.
59. Омар, 1974, 14,
60. Табари, III, 1595, 1686.
61. Табари, III, 1510.
62. Фахри, 241.
63. Табари, III, 1384, 1512, 1537.
64. Там же, 1537.
65. Там же, 1542, 1550.
66. Там же, 1370.
67. Йакуби, Булдан, 261; Исмаил, 1966, 14.
68. Табари, III, 1555.
69. Там же, 1562, 1564.
70. Там же, 1589, 1596.
71. Асадов, 1988, 136—137.
72. Табари, III, 1582, 1588.
73. Асадов, 1987, 14.
74. Асадов, 1986, 83..
75. По нашим подсчетам, конница насчитывала 5 тыс, всадников или около 1/4 всего
76. Табари, III, 1685.
77. Там же, 1658.
78. Там же, 1820, 1832
79. Там же, 1832—1833, 1821.
80. Там же, 1640.
81. Там же, 1715.
82. Саби, Вузара, 11—22.
83. Асадов, 1988,
84. Асадов, 1987, 55—65.
85. Большаков, 1984, 150, 152.
86. Табари, I, 1468, 2444—2445.
87. Пигулевская 1946, 104, ПО.
88. Исмаил, 1966, 1.
89. Ибн ал-Ибри, 3.
90. См., например: Ибн ал-Факих, Мешхедская рукопись, л. 168а
91. Ибн ал-Факих, Мешхедская рукопись, л.168 а
92. Там же.
93. Арабский, текст см.: Шешен, 1969, 19. В данном хадисе,
94. Ибн ал-Факих, Мешхедская рукопись, Д. 168а.
95. Абдаллах б. Амр б. ал-Ас — сын известного арабского
96. Арабский текст см.: Шешен, .1,969,.22,
97. Ибн ал-Факих, Мешхедская рукопись, л. .68а.
98. Впоследствии его прямо называли Турк
99. Табари, I, 218.
100 Там же; Джахиз, Манакиб, 48.
101 Бытие, гл. 25, ст. 1,2.

102 г. 1706 Табари, I, 248; Ибн ал-Факих, Мешхедская рукопись,
103. Аргамонов, 1962, 170—171.
104 Табари, I, 248.
105 Ибн ал-Ибри, 14.
106 Диджла — река Тигр.
107 Табари, I, 248. Ибн ал-Ибри, 14. Диджла — река Тигр. Арабский текст см. Шешен,
108 Арабский текст см.: Шешен, 1969, 22.
109 Сын Аббаса, дяди Мухаммеда, по имени которого была названа династия халифов —
110 Ибн ал-Факих, Мешхедская рукопись, л. 168а,
111 Арабский текст см.: Шешен, 1969, 27.
112 Коран, 21: 95—96.
113 Арабский текст см.: Шешен, 1969, 28.
114 Иакут, Булдан, II,
115. Коран, 18: 92—101.
116. Джахиз, Манакиб, 49. Здесь игра слов: «Тюрю» - тюрки, «гарака» — оставлять (в
117 Зайончковский, 1966, 199.
118. Ибн Касир, II, 110.
119 Рассказ о путешествии Салмана Тарджумана приводится у Ибн Хордадбега
120. Хенниг, 1961, II, 194—195,
121. Ле Стрендж, Багдад, 123.
122. Джахиз, Манакиб, 49. О недостоверности этих хадисов говорил и известный
123 Ибн Хордадбех — Велиханова, 43—44.
124. Ибн Хордадбех, 170.
125. Буниатов, 1969, 57.
126. Татиммат сиван ал-хикма, 134.
127. Крачковский, Соч., IV, 156.
128. МИТТ, 20.
129. См.: Ибн ал-Факих, Мухтасар.
130. Крачковский, соч. IV, 124.
131. Ал-Мукаддаси, 5. Русский перевод И. Ю. Крачковского (Крачковский, соч., IV, 156,
132. Ибн ал-Факих—Жамкочян, 7—8; Цкитишвили, 1968, 11—12.
133. Валидов, 1924, 237—251.
134. Григорьев,—1872, 1-45. Булгаков—Халидов 1960; Ковалевский 1956
135 См.: Ибн ал-Факих—Жамкочян Цкитишвили, 1968.
136. Тоган, 1948, 11—16.
137. Минорский, 1948.
138. МИТТ, 153—155.
139. Там же, 20.
140. Иакут, Иршад, VI, 56.
141. Крачковский, соч. IV, 123, 125.
142. Иакут, Иршад, VI, 56.
143. Там же, 69—70.
144. Джахиз, Хайаван, 2—5.
145. Там же, 3.
146 Джахиз, Манакиб, I.

147. Там же, 56.
148. Мец, 1966, 198
149. Уолкер, 1915, 41.
150. См.: Джахиз, Манакиб.
151. Джахиз, Манакиб, 22.
152. Там же.
153. Йакуби, Булдан, 256—257; Уйун ва-л-хадаик, 381
154. Табари, III, 1398; Васильев 1907, 169.
155. Джахиз, Манакиб, 4.
156. Иакут, Иршад, VI 57,
157. Ибн Хассул, 26—51; Турецкий перевод: Там же, 250—266
158. Ибн Хассул 3-25

**ГЛАВЫ «О ТЮРКАХ» И «О НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ
ГОРОДАХ И ИХ ДИКОВАННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
МЕШХЕДСКОГО СПИСКА КНИГИ ИБН АЛ-ФАКИХА
АЛ-ХАМАДАНИ «ИЗВЕСТИЯ О СТРАНАХ»**

1. Хузайфа — Хузайфа ибн ал-Йаман. Сподвижник Мухаммада. Хузайфа был личным секретарем и доверенным лицом Мухаммеда (*сахиб ас-сипп*). Халиф Умар назначил его наместником в Мадаин. Скончался Хузайфа в 36 .656) г. через 40 дней после гибели халифа Усмана. Хузайфа был известен как сказитель хадисов о Мухаммеде и халифе Умаре (аз-Захаби Таджрид, № 1286; Ал-Аскалани. Тахзиб II, 220).
2. Куфа. Военное поселение, а затем и город, одна из двух основных баз арабского войска в Ираке.
3. Ал-Джазира. Северный Ирак. (см. с. 150., прим. 61).
4. Аш-Шам. Историческая область, включала нынешнюю Сирию, Иорданию, Палестину и Ливан.
5. Это и приводимые ниже пророчества о том, что тюрки и другие немусульманские народы Севера изгонят арабов с их земель и возвестят о конце света, вероятно, создавались по первым впечатлениям арабов о воинственных тюркских племенах. Значительная часть хадисов подобного содержания собрана в книге Нуайма б. Наммада (умер 228/843 г.) «Китаб ан-фитан» (Шешен 1968, 16). По духу и даже слогу этих хадисов явствует, что они навеяны кораническими преданиями о Гоге и Магоге (Коран, XXI, 95—96; XVIII, 92—101). Многие из этих хадисов были впоследствии признаны богословами недостоверными.
6. *Ланухриджанна*. Следует читать: *латухриджанна*.
7. Умар ибн ал-Хаттаб. Сподвижник Мухаммада, пользовавшийся большим влиянием в племени курайш до принятия ислама, а после и среди принявших веру Мухаммада. Второй из «праведных» (*рашидун*) халифов (634—644). В его правление была совершена значительная часть завоеваний и учрежден государственно-налоговый аппарат. Именно при Умаре арабы входят в непосредственное соприкосновение с тюрками. Как сказитель, Умар известен хадисами о Пророке, Абу Бакре (Ал-Аскалани, Тахзиб, с. 438—441). Был убит в возрасте 63 лет рабом-персом и похоронен рядом с Пророком.
8. Факт знакомства Мухаммада, даже по слухам с тюрками, подвергается сомнению многими востоковедами, в частности, В. В. Бартольдом

(Бартольд, соч. II (1), с. 244), хотя ат-Табари и упоминает о каком-то тюркском шатре, в котором якобы отдыхал Мухаммад накануне «копной войны» (Табари 1/1468).

9. Вероятно, имеется в виду сын Аббаса, дяди Мухаммада, чьим именем впоследствии была названа халифская династия, сменившая у власти Омейядов (750 г.).

10. Абу Хурайра ад-Дауси ал-Йамани. Сподвижник Мухаммада. Принял ислам в 7/628 г. Настоящее имя (какое именно, точно неизвестно: наиболее вероятное—Абд Шамс) было заменено на Абдаллаха или Абд ар-Рахмана. Прозвище свое Абу Хурайра получил за то, что всегда играл с котенком. Халиф Умар назначил его наместником Бахрейна, однако вскоре снял с должности. Повторное назначение Абу Хурайра отклонил. Скончался в возрасте 78 лет в 57/677 г., по другим сообщениям, в 58 либо 59 г. х. Абу Хурайра известен как наиболее значительный сказитель хадисов, число которых доходит до 3500. Более 800 человек указываются как передатчики его хадисов. Согласно преданию, он пожаловался Мухаммеду, что стал забывать увиденное и услышанное, Мухаммад посоветовал ему слушать, распахнув плащ, а затем сразу запахнуть, потому-то Абу Хурайра и запомнил так много высказываний Мухаммада и эпизодов ранней истории ислама (ал-Аскалани Тахзиб, XII, с. 263—267).

11. Му'авия б. Аби Суфиан. Сын известного курайшитского лидера времен возникновения ислама Абу Суфиана. После победы над сторонниками Али б. Аби Талиба стал халифом, пока жив начало старшей, суфианидской, ветви династии Омейядов. О нем рассказывают также, что, получив от наместника Армии известие об успешном отражении набега тюрков, он приказал ему ничем не раздражать тюрков из страха перед их грядущим нашествием (Шешен, 1968, 19).

12. Сопоставление тюрков и абиссинцев как противников, вызывающих особый ужас у арабов, очевидно, связано с памятью о столкновениях с абиссинцами в доисламскую эпоху. Чувство страха перед могущественными эфиопами послужило основой для создания многочисленных преданий и стихов, некоторые отрывки из которых собраны Джахизом в его трактате «Фахр ас-Судан ала ал-Байдан» (См.: Джахиз. Фахр ас-Судан; с. 70—71)

13. Это известное выражение, будто бы сказанное Мухаммедом, встречается и в несколько другом виде: «живите с тюрками в мире, пока они не трогают вас» (Джахиз. Манакиб, 49; Ку-дама, 362).

14. Тюркские овцы, как видно, очень ценились. О том, что за ними к огузам приезжали из Хорезма, свидетельствует эпизод, рассказанный Ибн Фадланом (Ковалевский, 1956, с. 127). Полностью удовлетворяя свои потребности, тюрки (огузы и карлуки) обеспечивали мясо и Мавераннахр (Истахри, Каир, 161)

15. Этот отрывок с перечнем тюркских народов, очевидно, заимствован, у Ибн Хордадбега. Первая редакция «Китаб ал-Масалик ва-л-мамалик» Ибн Хордадбега относится к концу сороковых годов, IX в., однако сведения о тюркских племенах, несомненно, характеризуют еще более ранний период, вторую половину VIII в.

16. Тугузгузы (токуз-огузы). Тюркская народность. Места обитания тугузгузов арабских источников (или токуз—огузов па

мятников древнетюркской письменности) совпадают с китайскими известиями об уйгурах (хойху). По мнению В. В. Бартольда, под тугузгузами следует понимать тюрков—шато (В. В. Бартольд, соч. V, с. 568—569; Л, с. 35), проживавших в Восточном Туркестане, по соседству с карлуками до начала IX в., уйгурам же, появившимся здесь в сороковых годах IX в. после разгрома, учиненного киргизами на Халхе, название тугузгуз досталось по наследству от шато. Здесь, однако, могли подразумеваться то-куз—огуз (девять родов), составлявшие основной компонент уйгурской коалиции и территориально вошедшие в соприкосновение с карлуками уже в 742—744 гг. после разгрома державы кок—тюрков (Гумилев, 1967, с. 365—366, 373).

17. Карлуки. Тюркская народность. Л. П. Гумилев считает, что они откололись от древних тюрков (тюркютов) после разгрома Великого каганата в 631 г. (Гумилев, 1967, с. 266). Часть карлуков во второй половине VIII в. вошла в состав уйгурской коалиции (восточные карлуки), другая к 766 г. вытеснив тюрге-шей, овладела долиной реки Чу (Бартольд, соч. II, с. 243; V, с. 547-548).

18. Кимаки. Тюркский народ, населявший среднее течение Иртыша. По мнению Л. Н. Гумилева, кимаки те же чумугунь китайских источников, которые причислялись к шести чуйским племенам, происходившим от хуннов государства Юебань в Средней Азии. (Гумилев, 1967, с. 381). О кимаках также: Бартольд, соч. V, с. 549; Кумеков, 1972.

19. Гуззы. Тюркский народ, из которого позднее сформировались современные туркмены. Местом обитания в VII—VIII вв. были области, прилегающие к Аральскому морю. По мнению ряда исследователей (Гумилев, 1967, с. 267), гуззы являлись, оторченным индоевропейским населением междуречья Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Утверждение В. В. Бартольда, что гуззы есть то-куз—огузы орхонских надписей (Бартольд, соч., V, с. 524), очевидно, следует воспринимать с известной осторожностью.

20. В тексте: *джафар*. У Иакута также *джафар*. Б примечании (и) к тексту Ибн Хордадбеха на с. 31 де Гье приводит различные написания: *ал-джа'рийа*, *ал-джага*, *ал-джакар*; а затем делает предположение *джакар-джикил*, и тем самым относит это упоминание к джикилям, известным по более поздним источникам (Ибн Хордадбех, с. 31). Джикилям посвящена статья в словаре Иакута (т. II, с. 97), а также в «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского (МИГТ, 1939, с. 311), о них упоминает и Абу Дулаф (Йакут, т. III, с. 441). В. В. Бартольд считает джи-килей происходящими от карлуков, а их местопребывание локализует на северо-восточном побережье Иссык-Куля (Бартольд, соч. II, с. 243). См. также прим. 35.

21. Печенеги. Тюркская народность, создавшая в I—III вв. н. э. государственное образование Кангюй в центральном Казахстане. В орхонских надписях названы кенгерес, самоназвание народа—кангар (Гумилев, 1967, с. 266—267): В IX в. под давлением тюргешей и уйгуров, а затем огузов и половцев они вытесняются на Запад к южным границам Руси (см.: Гумилев, Открытие Хазарии, 1966, с. 136—137; Бартольд, соч. V, с. 91,

22. *Ал-бзки*. У Йакута: *ал-бзки*. Де Гье (См.: Ибн ал-Факих, Мухтасар..., с. 329) и З. В. Тоған (Тоған, 1948, с. 12), считают, что следует читать: *трки* (Ибн Хордадбех, с. 31). У Идриси тюргеши

упомянуты рядом с загадочными *ал-азкиш* (*ал-азки*), как это имеет место и здесь. Следовательно, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с ошибкой, допущенной переписчиком, тем более что в эпоху до Ибн Хордадбеха тюргеши, одна из наиболее активных и многочисленных тюркских труппировок, не могла быть обойдена вниманием. Ошибка

переписчика, помимо всего прочего, могла быть вызвана схожестью начертаний слов *трки* и *бзки*, а также созвучностью последнего с соседним словом *азки*.

23. *Азки*. Йакут: *азки*; «Мухтасар булдан» Ибн ал-Факиха *арки*; Ибн Хордадбех: *азки*. Народ, место обитания которого остается неизвестным (МИТТ, 1939, с. 311). Упоминается ал-Ид риси по соседству с тюргешами. Если предположить, что здесь в одном слове объединены названия двух народов, то напрашивается их идентификация с народами аз и пик, жившими рядом и упоминаемыми вместе в орхонских надписях (Гумилев, 1967, с. 267). Звук [ч] передается в арабском языке через звук [ш], таким образом, вместо *азчик* мы имеем *аз-шик*. Однако соседство двух фрикативных звуков [з] и [ш] не соответствует фонетическим нормам арабского языка, и потому происходит обычная в таких случаях инверсия согласных, и *азшик* превращается в *азкиш*. Азов В. В. Бартольд локализует между Саянским хребтом и Алтаем, а чиков—на речках, составляющих истоки Енисея (Бартольд, соч. III, с. 484). К этому можно добавить, что одну из двух ветвей тюргешей В. В. Бартольд считал произошедшей от азов (Бартольд, соч. II (1), с. 36).

24. Кипчаки. Тюркский народ, первоначально, живший в степях между Сыр-Дарьей и верховьями Иртыша. Махмуд Кашгарский утверждает, что кипчаки и кимаки — один народ, хотя сами кипчаки это отрицают. Гардизи также сообщает, что кипчаки происходят от кимаков (Бартольд. Соч.; V, с. 550—551; См. так же; Кумеков 1972, с. 42-444). В Европе этот народ был известен под названием команов, а в России—половцев.

25. Кыргызы. Тюркский народ, местом обитания которого еще во II в. до н. э. китайские источники называют Верхний Енисей. В. В. Бартольд считает, что кыргызы были енисейскими остяками, отюреченными в самые давние времена. Кыргызы входили в состав степных держав древних тюрков в VI—VIII в.

они особенно усиливаются в середине IX в., когда им удалось разгромить государство уйгуров, наследников тюркского велико-державия в степи, и взять их столицу на Орхоне (Гумилев, 1967 с. 429—431). Вопрос о том, как енисейские кыргызы оказались на территории современной Киргизии остается неясным (Бартольд соч. II, с. 473—546).

26. О мускусе, добываемом в стране кыргызов, сообщает и Абу Дулаф (Йакут, Булдан, III, с. 442; Истахри, Каир, с. 162) Очевидно, это был мускус, добываемый от кабарги, ареал распространения которой охватывал весь бассейн Енисея. Любопытное описание мускусного промысла оставил Марко Поло (Мар-ко Поло, с. 93).

27. Заключение в скобки отрывок восстанавливается при сличении с текстом Ибн Хордадбега (См.: Ибн Хордадбех, с. 31)

Халаджи—тюркская народность. Согласно легенде, приводимой Махмудом Кашгарским, они происходили от двух из 24 прародителей огузных родов, отделившихся в самые давние времена, в эпоху

Александра Македонского. Другие две легенды о происхождении халаджей связаны с именем мифического Огуз-хана будто бы приказавшего одному из спутников остаться и по одной версии, открыть встретившийся дворец без замка, а по другой—терпеть голод (кал-ач) (Бартольд, соч. II, с. 551—552)

28. *Ва хийа мин хаза ал-джаниб ан-нахр*. У Ибн Хордадбе-ха, *ва хийа мин хаза ал-джаниб мин ан-нахр*. Однако остается непонятным какая именно река имеется в виду. Если Аму-Дарья, как часто подразумевается при употреблении слова *ан-нахр* в сообщениях об этом регионе, то все это выражение определяет местонахождение только лишь халаджей, а не карлуков, так как карлуки в VIII—IX вв. не могли находиться по эту сторону Аму-Дарьи. Что же касается халаджей, то они, по свидетельству многочисленных источников, издавна жили в Южном Адганистане. Впоследствии халаджи переселились еще дальше на запад, в Персию (См.: Бартольд, соч. II; с. 552).

29. Фараб. Встречается также название Бараб. Округ в среднем течении Сыр-Дарьи. В состав округа входили города Кедер, бывший первоначально главным *городом*, и Весидж, родина философа Абу Насра ал-Фараби. Согласно некоторым источникам, главный город округа также назывался Фараб. В мусульманское время это был город с 70-тысячным населением. В более позднее время отождествлялся с городом Отраром (Бартольд, соч. III; с. 525—526).

30. У Йакута: «известных тюркских городов — шестнадцать» (Йакут, Булдан, II, с. 23).

31. *Ва хум 'итак ат-турк*. Здесь можно усмотреть подтверждение мнения Л. Н. Гумилева о том, что карлуки прямо происходили от древних тюрков (тюркютов) Великого каганата, а после гибели последних оказались этнически наиболее близкой к ним народностью. (См.: Гумилев, 1967, с. 266—371).

32. *ал-бэки-иййа*. Если согласиться с тем, что автор, перечислив тюркские племена, поставил целью коротко охарактеризовать каждое из них, то в этом случае мы сталкиваемся со следующим противоречием: с одной стороны *базкиши* (или тюрге-ши., см.: прим. 22) характеризуются дважды через значительный интервал, с другой стороны, упомянутые ранее *азкиши* (см.: прим. 23) остаются неохарактеризованными. Учитывая схожесть написания и звучания двух этих названий, естественно было бы предположить, что одна из двух характеристик относилась к *азкиши*. 3. В. Тоган считает, что это имеет место в первом случае (Тоган, 1948, с. 12). Вместе с тем уместно было бы упомянуть, что Абу Дулаф, подобным же образом описывая характерные черты тюркских племен, «длиннобородами» называет печенегов (Йакут, Булдан, III, с. 441).

33. Это сообщение Ибн ал-Факиха дает основание некоторым исследователям считать установленным возникновение в IX в., наряду с токузогузским государством в конце VIII — первой половине IX вв., также и государственных образований у кимаков и огузов (Кумеков, 1972, с. 116 и далее; С. Г. Агаджанов, 1969, с. 132). Подтверждение этому они находят в «Китаб ал-Булдан»

Ибн Вадиха ал-Йакуби (МИТТ, с. 149). 34. В тексте: *ал-битк-иййа*. Для интерпретации этого названия приходится, очевидно, вновь апеллировать к предполагаемому авторскому принципу давать краткую характеристику каждому из перечисленных ранее племен (См.: прим. 32). Единственно

подходящим для восстановления этого, явно искаженного, слова является название ал-баджанакиййа—печенег. 35. тексте: *аш-шар-иййа*. Исходя из сюжетной струк-туры автора (см. прим. 32 и 34), мы можем методом исключения прийти к равенству: *аш-шар-ал-джфр-ал-джикил*. И действительно, С. Г. Агаджанов не делает разницы между названиями «шагра» и «джагра» для обозначения одного из огузских племен, выступавшего, по его словам, в качестве самостоятельно-го народа в источниках VIII—X вв. (Агаджанов, 1969, с. 146) Подтверждение тому, что *шагра* (*джагра*) были племенем род-ственным огузам или даже одним из огузских племен, мы нахо-дим у ал-Истахри. Повествуя о непримиримости, воинственности и силе гуззов, он в качестве примера приводит эпизод военных действий Насра б. Ахмеда Саманида против *шагра*, названных им *шавагир*, что, очевидно, является формой множественного числа от *шагар* (Истахри, Каир, с. 163). Позднее *шагра* упомина- ются как огузское племя, из которого рекрутировались гвардейцы хорезмшахов, вассалов газневидских султанов. (См.: Кёпрюлю 1944; с. 426, 436) 437). Однако Байхаки, который сообщает нам об этом, называет их несколько иначе: *джиграк* или *джигра*. Махмуд Кашгарский также среди огузских племен упоминает племя *играк*, которое может быть сопоставлено с газневидским *джиграк*, а также с этническим названием *шагар* у ал-Истахри и Ибн ал-Факиха.

36. *араб ат-турк*.

37. В тексте: *ал-бэки-иййа*. Здесь, по-видимому, нужно читать — тюргеши (См.: прим. 29).

38. Трудно допустить, что здесь сообщается об оседлом образе жизни тюргешей. Однако необходимо учесть, что при завое-вании Согда арабам противостоял союз оседлого населения городов и тюрков-тюргешей, усилившихся в начале VIII в. при кагане Суду. И часто правителями согдийских городов выступали люди, происходившие из тюргешей ((Бартольд, соч. II (1), с. 181,

39. Хишам б. Абд-ал-Малик. Омейядский халиф (724—743). Посольство, о котором говорится с его слов, наверное, было отправлено к Сулу-хану, хакану тюргешей — современнику халифа Хишама. (См.: "Бартольд, II (1), с: 244; Тоган, 1948 с:13),

40. У Иакута здесь дополнительно приводится следующий отрывок: «...А потом призвал он меня к себе и спросил: «Какая у тебя цель?» — И я, высказывая ему почтение, сказал: «Повелитель мой, видя твоё неведение, хочет дать тебе искренний совет тебе необходимо принять ислам». — «А что такое ислам?» — спросил он. И поведал я ему о догмах ислама, его культура, о его дозволениях и заповедях и о его культе. Несколько дней он не беспокоил меня...» (См.: Иакут, Булдан, II, с. 24).

41. В тексте: *аскиф*. Необходимо читать: аскаф (сапожник) Такое написание приводится у Иакута (Иакут, Булдан, II, с. 24) А

соответствующий перевод находим у В. В. Бартольда (соч. II (1), с 244)

42. Хишам пришел к власти в 724 г., Сулу-хан был убит в 730 г. В указанный промежуток времени обостряется борьба населения Согда с арабскими завоевателями. Восставшие находят эффективную военную помощь у тюргешей, и попытка нейтрализовать этих воинственных кочевников была естественной для арабов. Факт наличия 100-тысячного войска у тюргешей также не кажется невозможным. По сообщению китайских источников, еще хан Учжилэ, заложивший основы тюргешского могущества, имеет 140 тыс. воинов, а его преемник Согэ-хан уже 300

- тыс- (См. Гумилев, 1967, с. 294—295; Бичурин. 1950, с. 296—297).
43. Хорасан — одна из наиболее значительных провинций халифата, значение которой особенно выросло после успеха движения Аббасидов
44. Шаш. Область, входившая в состав провинции Мавераннахр. «Шаш» является арабизированной формой названия «Чач». Шаш включал в себя местности, прилегающие к современному Ташкенту. Главным городом области был Бинкет, или Шаш, как его также иногда называли, развалины которого находятся у Ташкента (Бартольд. Туркестан, с. 226—232; Истахри, Каир, с 184—185; Ибн Хордадбех, с. 27—27). Торговые пути к тюркам проходили именно через Шаш (См.: указ. произведения, а также Кудама, с. 202).
45. Этого предложения в соответствующем отрывке Ибн Хор- дадбега нет. Здесь, как и у Ибн Хордадбега (с. 31), не указан источник сообщения, которым несомненно, является Тамим ибн Бахр ал-Мутава'и. Это устанавливается как по тексту самого Ибн ал-Факиха, который ниже повторно рассказывает о городе токузогузов, но уже со слов Тамима, так и по. тексту в словаре Йакута, где источником назван Тамим ибн Бахр (Йакут, Булдан, II, с. 24). Нушаджан Верхний. Группа поселений (Ибн ал-Факих называет восемь), расположенных на берегах Иссык- Куля, от Тонского залива до Тюпского залива (Бернштам 1950, 76) Ряд исследователей, иначе располагая диакритические знаки;, предполагают чтение «Барсхан». В пользу последнего говорит наличие в этом р-не речки Барскаун. Легенда о возникновении Барсхана, приводимая Гардизи (Бартольд, соч. VIII, с. 50—51) кажется, не оставляет в этом сомнения.
46. У Ибн Хордадбега в этом месте дополнительно читаем (с. 31): «Царь тузгузов имеет золотой шатер, установленный на самом высоком месте его цитадели, вмещающий 100 человек и видный на расстоянии пяти фарсахов». Это предложение встречается у Ибн ал-Факиха ниже, там, где он говорит со слов Тамима ибн Бахра (См.: прим. 42).
47. В тексте: *масакит ал-кутр*. Очевидно, нужно читать *ма-сакит ал-матар*.
48. Сведения Тамима ибн Бахра о том, что столица токузогузов находилась к югу от страны кимаков, ставят два вопроса: во-первых, вопрос локализации столицы токузогузского хакана, конечного пункта путешествия Тамима, а во-вторых, вопрос о пределах обитания кимаков в конце VIII в. Б. Е. Кумеков считает это сообщение свидетельством проникновения кимаков в Восточное Семиречье (См.: Кумеков, 1972, с. 54—56). Что же касается конечного пункта пути Тамима ибн Бахра, то об этом см. прим. 56.
49. Мазйар б. Карин. Правитель Табаристана, выступивший по свидетельству ат-Табари (Табари, III, 1268) против" халифа Ал-Мутасима (833—842) по причине нежелания подчиниться наместнику Хорасана Абдаллаху ибн Тахиру и выплачивать ему харадж. В 839 г. Мазйар был схвачен и предстал перед халифом, который приказал его убить и распять рядом с Бабеком (Табари, III, 1298).
- Что касается Али ибн Зайка, секретаря Мазйара, то ат-Та-бари приводит его нисбу ан-Насрани, из чего можно заключить, что он происходил из христиан (См.: Табари, III, 1276). По мнению З. В. Тогана (Тоган, 1948, с. 13), сообщение Али ибн Зайна было заимствовано Ибн ал-Факихом из

цесохранившийся полной редакции Ибн Хордадбега.

50. Перевод отрывка, заключенного в квадратные скобки предположительный: текст рукописи неразборчив.

51. Интересно, что во многих современных тюркских языках бытует в настоящее время выражение «анд ичмак», что в буквальном переводе звучит как «выпить клятву».

52. Вид лисицы, обитающей в степях.

53. В тексте: *хтв*. В Мухтасар китаб ал-Булдан Ибн ал-Фа-киха (Мухтасар, с. 341) указаны разные варианты написания! *ал-хбк*, *ал-хтк*.

54. *Джиха*. Вероятно, следует читать: *джабха* — лоб.

55. В краткой редакции Ибн ал-Факиха (Мухтасар, с. 329)

следует: «У них в стране встречается замечательный хуту, и это рог, который бывает на лбу животного». Таким образом из текста «Мухтасар...» следует,

что *хтв* назывался рог (или рога), имевшийся на лбу у крупного животного.

Очевидно, читая *джиха* как *джабха*, А. П. Ковалевский этот отрывок переводит следующим образом: «В их стране прекрасное хуту, — а это лоб

четвероногого животного, на которое охотятся в их стране» (Ковалевский, 1956, с. 227). Таким образом, *хтв* здесь назван рог, либо лобная кость какого-

то четвероногого животного. А. П. Ковалевский считает, что так называлась

мамонтовая кость, представлявшая предмет торговли в этих местах. В таком

случае сведения Ибн ал-Факиха можно сопоставить с сообщением Ибн

Фадлана о некоем единороге, обитавшем будто бы в «дикой местности» по

соседству с землями волжских булгар (Ковалевский, 1956, с. 139—140). По

мнению А. П. Ковалевского, северные жители, собиратели и продавцы

мамонтовой кости (*хуту*) рассказывали о трудностях охоты на это

несуществующее животное, чтобы воспрепятствовать приезжим торговцам

самим заняться добычей кости «хуту» (Ковалевский, 1956, с. 227—228).

56. Тамим ибн Бахр ал-Мутава'и. Арабский путешественник, в конце VIII в.

посетивший, возможно, с дипломатической миссией, столицу хаkana

тугузгузов. К сведениям Тамима ибн Бахра восходят рассказы многих

арабских авторов, от Ибн Хордадбега, до ал-Идриси, о тюркских странах. На

личность Тамима указывает

вает его нисба ал-Мутава'и. Он, как видно, происходил из беднейших слоев

пограничных районов халифата, выходцы из которых возможностью для

достижения благополучия видели добровольную службу в рядах газиев,

сражающихся с неверными во славу ислама. Некоторые руководители таких

отрядов достигали независимого и почетного положения в обществе

(Бартольд, Туркестан, с. 273). Рассказ Тамима в наиболее полном виде

сохранился, пожалуй, в мешхедской рукописи Ибн ал-Факна. Вместе с тем

он содержит много неясного: когда состоялось путешествие Тамима, к

какому именно тюркскому хакану он направлялся? Перевод и разбор

сведений Тамима ибн Бахра содержатся обстоятельно написанной работе В.

Ф. Минорского (Минорский 1948, с. 279—305).

57. *Сикак*. Так назывались станции, стоявшие на караванных

и почтовых путях через каждые 6 миль или 2 фарсаха См.: Мец, 1966, с. 384). Вместе с тем, в действительности расстояние

могло быть как меньше, так и больше.

58. Таким образом, весь путь занял у Тамима ибн Бахра 40

дней. Мы можем согласиться с Тамимом в том, что скорость его

движения была действительно высокой, так как читаем у Ибн

Хордадбега о пути к тугузгузскому хакану: «Из Верхнего Нушаджана в город хакана тугузгузов путь в три месяца через большие деревни и плодородные земли, населенные тюрками, среди которых есть маги, поклоняющиеся огню, и есть зиндики» (Ибн Хордадбех, с. 30—31). Это предложение предваряет у Ибн Хордадбега анонимное сообщение о путешествии в столицу тугузгузов, которое несомненно восходит к Тамиму ибн Бахру (см. прим. 46). Как видно, Ибн Хордадбех, приводя это сообщение анонимно, путь от Нушаджана (Барсхана) к хакану указал сообразно с обычными возможностями — 3 месяца. Кудама указывает на 45 дней пути, из них 20 дней по безлюдным пастбищам и 25 дней по густонаселенной местности (Кудама, с. 362). Уместно было бы подчеркнуть, что наличие у Ибн ал-Факиха анонимного сообщения Ибн Хордадбега о путешествии Тамима ибн Бахра, наряду с более полной версией, имеющей ясное указание на авторство, является следствием компилятивного характера книги «Китаб ал-булдан».

59. Вопрос о том, какой именно город был конечным пунктом путешествия Тамима ибн Бахра, полностью не разрешен. В. В. Бартольд считал, что столица тугузгузов, которую посетил Тамим, находилась в Восточном Туркестане. Уверенность Маркварта в таком выводе даже заставила его подвергнуть сомнению факт существования ранней редакции Ибн Хордадбега, поскольку сообщение Тамима, приводимое Ибн Хордадбехом, указывает на тугузгузов (уйгуров) там, где они могли появиться после разгрома в 841 г. в Турфане Бартольд, соч. V с. 568), Однако текст мешхедской рукописи «Китаб ал-Булдан» позволяет предположить, что Тамим ибн Бахр посетил столицу уйгуров на Орхоне (Крачковский, соч. IV, с. 137). Тамим, как известно, находился в пути 40 дней и двигался от Верхнего Барсхана (Нушаджана) У побережья Иссык-Куля «самым быстрым ходом», делая по 3 перехода за сутки (см.: прим. 58). Это, если учесть, что между Шашем и Верхним Барсханом всего 40 караванных переходов, или месяц пути для всадника, как об этом здесь же говорит, Тамим, указывает, что им был проделан конец более чем в 2500 км, что по протяженности соответствует пути от Иссык-Куля до Каракорума, близ которого и находилась столица уйгуров. Необходимо учесть также, что к началу IX в. власть уйгурского хана вконец ослабла и хану оставалось только руководство войском—Уйгурия была своего рода ограниченной монархией (Гумилев, 1967, с. 426). Это вполне в духе сообщения Тамима о том, что хакан на отдых расположился не у себя в столице, а лагерем, среди своих воинов и на виду крепостных стен (См.: текст дальше). В пользу последней версии говорит еще ряд обстоятельств путешествия (См.: прим. 61, 64, 65).

60. Как известно, уйгуры во второй половине VIII в. стали в основном исповедовать манихейство. Однако Моянчур-хан (746-759) сам манихейство так и не принял (Гумилев, 1967, с. 382). Первым уйгурским ханом, принявшим эту религию, был, очевидно, Идигань (759—780). Как видим, отдельно не говорится о том, какой веры придерживался сам тугузгузский хакан. Исходя, очевидно, из логической связки «раз не упомянуто — значит, не было», З. В. Тоган считает, что тугузгузским хаканом, к которому ехал Тамим ибн Бахр, был Моянчур, так и не принявший манихейства до конца своей жизни в 759 г.

(См.: Тоган, 1948, с. 14), и следо-вательно путешествие Тамима состоялось в промежутке между 751 г. (год отступления китайцев из Восточного Туркестана после поражения у г. Талас (совр. Джамбул) и 759 г. Т. о. датировка З. В. Тогана основана не на сообщении, а на отсутствии такового (сообщение о вероисповедании хакаиа), ибо во всем остальном Мьянчур-хан не представляется единственно подходящей фигурой тугузгузского хакана в сообщении Тамима ибн Бахра (См.: прим. 64, 65).

61. Тамим ибн Бахр, как видно, двигался из Верхнего Барсхана на север к кимакам, а оттуда—к тугузгузскому хакану, т. е. по направлению с северо-запада на юго-восток (Кумекон, 1972, с. 54). Если Тамим дошел до столицы тугузгузов на Орхоне, то, действительно, слева от него правда, далеко позади, оставались земли кимаков, впереди был Китай, и тогда справа от юго-восточного направления, т. е. на юго-западе от тугузгузской столицы следует искать каких-то тюрков, не подвергшихся смешению с другими народами. Таким племенем на юго-запад от Орхопа вполне могли быть тюрки-шато, прямые потомки тюрков Великого каганата, получившие свое имя по названию степи Шато, где они обитали (Бичурин, 1950, I, с. 357—358). В 794 г. шато выступают в союзе с тибетцами против уйгуров, а после поражения, понесенного тибетцами под Бейтином (Бешбальком), они уходят вместе с последними и поселяются в Ганьчжоу (Н. Я. Бичурин; 1950, I, с. 359) в предгорьях Нанвшаня. В дальнейшем их судьба складывается еще трагичнее. Заподозренные тибетцами в измене, они всем народом решаются бежать под защиту Китая; всю дорогу им приходится идти, кровью расплачиваясь с тибетцами за каждый шаг, так что к концу пути от народа в 30 000 кибиток осталось всего 2 000 всадников (Бичурин, 1950, I, с. 360). Переселение шатосцев в Китай произошло в 808 г. Возможно, что это событие может служить хронологической привязкой для датировки путешествия Тамима ибн Бахра.

62. *Хайма... ала сатх касрих таса'у миа раджул.* У Ибн Хордадбега: *хайма...ала а'ла касрих таса'у миа раджул.* Совсем в другом, очевидно, искаженном виде встречается это предложение у Йакута (Булдан, I, 840), из которых следует, что в шатре на крыше помещалось 900 человек. Трудно сделать однозначное заключение о том, где именно был установлен золотой шатер хакана: всё же кажется маловероятным, чтобы он находился прямо на крыше дворца. Очевидно, шатер находился на участке, расположенном выше дворцовой кровли и потому с 6-ти фарсахов мог казаться установленным на ней. В конечном итоге это даже не имеет большого значения. Важно то, что хахан имел

сильный и укрепленный город, застроенный жилищами постоянного типа, и, наряду с этим, у него, очевидно, в качестве символа его ханского достоинства был золотой шатер кочевника, видный издали, с пяти фарсахов.

Интересно, что кыргызский Ажо (возможно, это не титул, а собственное имя предводителя кыргызов) называл столицу уйгуров «Золотой ордой»: «...Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед ней моего коня, водружу мое знамя...» {Бичурин, 1950, с. 355}. В том, что Ажо имел в виду столицу на Ор-хонё, нет никаких сомнений, ибо именно ее вскоре (840 г.) он взял, а золотой шатер предал огню (Бичурин, 1950, I, с. 356).

63. У Йакута в этом месте имеется краткое упоминание о «дождевом камне», полную подборку этих сведений Ибн ал-Факих приводит ниже (См.: прим. 80).

64. Одним из доводов в пользу утверждения о том, что ту-гузгуским хаканом в сообщении Тамима был Моянчур, З. В. Тоган считает как раз факт такого родства Моянчура с китайским императором. И действительно, в 758 г., когда китайский император оказался не в состоянии противостоять своей мятежной армии, возглавляемой Ань-Лушанем, он вынужден был призвать уйгуров и закрепить союз с ними, выдав свою малолетнюю дочь, царевну Нин-го, за престарелого уйгурского хана. Однако уже в следующем году Моянчур скончался, и царевна Нин-го вернулась в китайскую столицу (Бичурин, 1950, I. с. 313—316). Таким образом, З. В. Тоган, ратуя за Моянчура, мог бы еще более точно датировать посещение ставки хакана Тамимом ибн Бахром: 758—759 гг. Однако странно, что Тамим ибн Бахр, побывавший в гуще грандиозной войны, потрясшей Китай и соседнюю степь, ничего не сообщает об этих важных событиях. О восстании Ань-Лушаня не сообщают ни ат-Табари, ни Ибн ал-Асир, ни Ибн Халдун. Единственное, очень смутное упоминание об этом грандиозном событии встречается у Мас'уди (Мас'уди I, с. 58—59). Но и в этом случае автор, очевидно, пишет по слухам, без ссылок на какой-либо источник, и примешивает события 755—762 гг. к народным восстаниям, потрясшим Китай в середине IX в.

Кроме того, необходимо указать, что почти все уйгурские ханы после Моянчура имели женами китайских царевен или знатных китайнок, возведенных в этот высокий ранг, что являлось чуть ли не обязательным условием при установлении союзнических, или вассально-сюзеренных отношений между Китаем и державами кочевников. Так, преемник Моянчура Мэуюй-хан Идигань (759—780 гг.) был женат на дочери китайского полководца Пу-гу Хуай-эня, которая воспитывалась при дворце как дочь китайского императора (Бичурин, 1950, I. с. 316, 322). Вельможа Дуньмага-тархан, сменивший Идиганя на престоле после кровавого переворота и воцарившийся под именем Кат Кутлуг Бил-ге-хан (780—789 гг.), получил в жены царевну Сянь-ань, которая пережила четырех своих мужей, уйгурских ханов, и скончалась в 808 г.

Последней в этом ряду царевен была Тхай-хо, дочь императора Сяньцзуна, выданная за уйгурского хана в 821 г. (Бичурин, 1950, с. 327, 331, 332, 334).

65. *фрнд.* Основное значение слова — «меч», однако, являясь арабизированной формой персидского баранд (ср., например: Фа-раб арабских источников и Бараб, персидских), оно еще обозначало род одежды. Следовательно, в тексте это слово могло означать количество материи, идущей на пошив одного комплекта одежды, — отрез, как сказали бы сейчас. Как известно, шелк в Китае, да и не только в Китае, служил средством привлечения кочевников на службу или откупа от их набегов. 500 тыс. штук шелка, по временам хана Моянчура, очень много. В 757 г. жи-тели восточной столицы, Лояна, откупались от уйгуров всего 10 тысячами кусков шелка, тогда же китайский император обес-печил себе поддержку уйгурского ябгу (шеху) обещанием выда-вать 20 тыс. кусков в год (Бичурин, 1960, I, с. 313). Позднее в 762 г., уйгуры добились права на неравноценный обмен: за каждую лошадь они требовали 40 кусков шелка. И когда уйгуры пригнали 10 тыс. лошадей на обмен китайский император смог выплатить стоимость всего лишь 6 тыс. (240 тыс. кусков шелка) (Бичурин, 1960, I, с. 323; Гумилев, 1967, с. 407). В дальнейшем, как видно, размеры этой

замаскированной дани повышались. В 780 г. только лишь один старейшина и его спутники вывезли с собой из Китая 100 тыс. кусков шелка. И хотя в 783 г. был установлен лимит принудительной торговли в 1000 лошадей, все же уйгурам, очевидно, удавалось получать намного больше: в 827 г., например, император Выньцзун «пожаловал» в уплату за лошадой ни много, ни мало 500 тыс. кусков шелка, и, очевидно, не в первый раз, о чем можно догадаться по тому, как в источнике буквально сказано: «... еще пожаловал 500 000 кусков шелковых тканей в уплату за лошадой (Бичурин, I, 1950, с. 327, 333).

66. Точно такие же сведения находим у Кудамы (Кудам, с. 362).

67. Кудама пишет: «Верхний Нушаджан состоит из 4-х больших городов и пяти маленьких» (Кудам, с. 362). Археологическая экспедиция, возглавляемая А. Н. Бернштамом, обнаружила 7 из 9-ти поселений Нушаджана (Барсхана). Остальные два по мнению А. Н. Бернштама, были смыты водами Иссык-Куля (Бернштам, 1950, 26).

68. У Кудамы: десятеро из них стоят ста карлуков (Кудам, с. 362).

69. Возможно, это и есть «недостающее» у Ибн ал-Факиха девятое поселение, уже в то время оказавшееся под водами Иссык-Куля (См.: прим. 67).

70. *Хина илайхи*. Очевидно, между этими двумя словами находился глагол с значением «приехать», который впоследствии по вине переписчиков, был опущен. Т. о. следует читать приблизительно так: *хина васала илайхи*.

71. Тараз. Арабское название Таласа, реки в Средней Азии и города, расположенного на месте нынешнего Джамбула. Был известен как крупный торговый центр еще до того, как в 893 г.

Саманид Исмаил б. Ахмед взял город и превратил его церковь в мечеть (Бартольд, Туркестан, с. -282). Население города, вероятно, составляли согдийцы и тюрки (Бартольд, III, с. 495—496).

72. *Кавакиб*. У Кудамы: *Кавакит*, Кудам, с. 209). Наверное, это та же местность, что и упоминаемая Ибн Хордадбеом *Кавайкат* (Ибн Хордадбех, VI, с. 28). Последняя находилась в семи фарсах от Тараза на пути к гамакам. Что же касается двух деревень в этой местности, то А.Н. Бернштам отождествляет их с двумя средневековыми поселениями в, Коктюбе: к западу от Джамбула (Кумек, 1972, с. 49)

73. Путь к гамакам, указанный Тамимом, очевидно, соответствовал одной из важных ветвей торговых путей средневековья, к долине реки Иртыш, где обитали кимаки (Ибн Хордадбех, с. 28; Кудам, с. 209). Подробный разбор сведений арабских источников по географии страны кимаков (См.: Кумек, 1972, с. 48, 87),

74. Тамим ибн Бахр, очевидно, видел кимакского хакана где-то недалеко от границы с токуз-огузами, ибо «деревни и возделанные поля» не являлись характерным для основных районов расселения кимаков, которые описываются другими авторами, например, Гардизи, как приволье степных пастбищ, где паслись тысячные конские табуны (Кумек, 1972, с. 105).

75. Эти сведения помогают определить образ жизни кимаков как полуседлый, сочетающий скотоводство с земледелием (Подробно см.: Кумек, 1972, с. 88—97).

76. Абу Фадл ал-Вашаджарди. Трудно установить личность, ибо даже не названо имя этого передатчика. Вероятно, он происходил, или

долгое время жил в Вашаджарде, расположенном, по сообщению Йакута и Истахри, за Хутталяном и рекой Вахш (Йакут, Булдан, IV, с. 991). Город Вашаджард (Вашгирд) был центром области с тем же названием и располагался на месте современного города Файзабад в Афганистане. Область эта находилась на самой границе с тюрками: здесь было возведено около 700 укреплений против их набегов (Бартольд, Туркестан, с. 259).

77. Это сообщение ал-Вашаджарди, не зафиксированное ни в одном из арабских летописных сводов, имеет большое значение уже только потому, что позволяет с определенной долей уверенности именно уйгуров считать тем тюркским народом, который в арабских источниках носит название тугузгуз, ибо в период правления халифов ал-Махди (775—786 гг.) и ар-Рашида (787—809 гг.) силой, противоборствующей Китаю, из тюркских народов могли быть только уйгуры, сохранившие свое господствующее положение в степях Монголии и Западного Китая до 840 г. Однако в означенный выше период (775—809 гг.), основы уйгурско-китайского союза, заложенные на очень выгодных началах Йдигань-ханом в 762 г., оставались прочными, если не считать имевшего место в 778 г. эпизода с набегом на Северный Китай, кстати, не совсем удачного (Бичурин, I, с. 323).

Тибетская экспансия на западе и северо-западе Китая толкала Китай и Уйгурию на союз друг с другом против сильного противника, ход боевых действий в войне с которым не всегда освещается китайскими источниками с достаточной подробностью. Это и не удивительно, так как противоречия китайского великодержавия и кочевнического свободолюбия уйгуров, смотревших на Китай как на «дойную корову», проявляли себя и в ходе союзнических отношений, не всегда приумножая славу китайского оружия. Некоторый свет на эти события проливает уйгурская китаезычная надпись, найденная на реке Орхон (Васильев, 1897). В ходе боевых действий против тибетцев уйгуры, отбив Бейтин (Бишбалык), двинулись на помощь осажденной Куче. Тибетцы были разбиты, однако Китайцы - отказались возблагодарить своих благодетелей, и гнев уйгурского хана обратился против скуповатых союзников. - Разбитые китайцы бежали на запад до самой Ферганы, - там, на берегу Нарына их настигли уйгуры и дочиста ограбили. Вскоре уйгуры усмирили возмущившихся кар-луков, и вновь преследовали их до самой Ферганы. События эти приходятся на одно десятилетие, 795—805 гг. т. е. как раз на правление Харуна ар-Рашида (Гумилев, 1967, с. 415), Абу ал-Фадл, если такой действительно проживал в Вашаджарде в указанный период, несомненно мог слышать об этих событиях, ибо Вашаджард (Файзабад) находился в непосредственной близости от пути из Кучи в Фергану.

78. В тексте: *Сурушана*.

79. При толковании этого сообщения следует обратить внимание на следующее: во-первых, в борьбе против хакана выступают мусульмане во главе с арабским наместником (амиль) Са-марканда; во-вторых, в решающей битве войско хакана, как оказывается, составляли китайцы; в-третьих, захваченные в битве китайцы были поселены в Самарканде и основали там производство бумаги и дорогого оружия.

Первое положение позволяет отнести описываемые события ко времени после 728 г., когда происходит исламизация Мавераннахра, и в первую

очередь, Самарканда (Бартольд, Туркестан С 247—248). Исходя из остального, можно вполне определенно указать на сражение у г. Талас, имевшее место в 751 г. между мусульманским войском Зияда ибн Салиха и китайцами во главе с полководцем Гао Сян-чжи, Об этом событии нам говорит историк Ибн ал-Асир (V, с. 449). Ни Табари, ни другие дошедшие до нас ранние исторические труды арабов не говорят об этом (Бартольд, Туркестан, с. 47), что и обусловило неясный характер сообщения, приводимого Ибн ал-Факихом, который более конкретных и определенных сведений об этом событии, очевидно, не имел. Любопытно, что в данном сообщении тюркский предводитель упоминается только через личное местоимение, однако несколькими строками выше говорится о походах тугузгузского хакана (См.: прим. 77). И если распространить последнее указание этнического порядка на рассматриваемое сообщение, то необходимо констатировать явный анахронизм в употреблении термина «тугузгуз», ибо тугузгузы, понимаем ли мы под этим словом уйгуров, кок-тюрок или тюрок-шато, в период с 728 г. по 751 г. в данном районе, долине реки Зеравшан, появиться не могли. Здесь, особенно в первое десятилетие (728—739), чрезвычайно усилились и отложились от кок-тюркского каганата тюргеши, объединенные талантливым Сулу-ханом в значительную воинскую силу. В борьбе с арабами тюргеши достигают значительных успехов. В 730 г. эмир Хорасана Джунайд ибн Абд ар-Рахман с большим трудом и ценой значительных потерь в жестоких сражениях останавливает тюргешей (Табари, II, 1532—1540), в руках арабов остаются только Самарканд и Бухара. Отпадение от Хорасана областей, служивших ему продовольственной базой, было причиной голода в 733 г. (Табари, II, 1563; Бартольд, Туркестан, с. 248). Война продолжалась и при преемниках Джунайда, характеризующаяся значительной инициативностью тюрок, при чем на некоторое время им удается захватить и Самарканд (Бартольд, Туркестан, с. 249). Однако после постигшей тюргешский каганат в 738 г. смуты, мощь его идет на убыль и новый наместник Хорасана Наср ибн Сайяр (738—748) восстанавливает господство арабов в Мавераннахре. Теперь-то арабам было не избежать столкновения с китайцами, также стремившимися распространить свое влияние в этом регионе. Согласно сведений Ибн ал-Асира, причиной для решающей битвы у р. Талас послужили распри между правителем Шаша и ихшидом Ферганы. Последнего поддержали китайцы, и правитель Шаша был схвачен и казнен. Сын казенного призвал на помощь арабов во главе с Зийа-дом ибн Салихом, который незадолго до этого подавил восстание Шурайка ибн Шейха ал-Махри в Бухаре (Табари, II, с. 74; Ибн ал-Асир, V, с. 448). Численность войска китайского полководца Гао Сян-чжи определяется в китайских летописях в 30 тыс. человек. Бартольд, Туркестан, с. 255). Известия Ибн ал-Асира о 50-ти тыс. убитых и 20 тыс. взятых в плен кажутся явно преувеличенными. Неправдоподобным кажется, соответственно, и приводимый в данном случае факт 600-тысячного китайского войска, разгромленного правителем Самарканда. Таким образом, если не считать изрядной путаницы в определении численности противных сторон, царящей, как мы видели выше, в

сведениях арабских источников о Таласской битве вообще, можно вполне обоснованно отнести рассматриваемое сообщение Ибн ал-Факиха к событиям) 751 г. у. р. Талас. Тем более, что и в том, и в другом случае следствием большого сражения было поселение захваченных в плен китайцев в Самарканде и основание бумажного производства в этом городе, откуда бумага стала распространяться и дальше, в западные р-ны Халифата (Бартольд, Туркестан, с. 253—254). В пользу подобного утверждения говорит также и то, что Зийад б. Салих, захвативший Самарканд в ходе подавления восстания Шуреика ибн Шейха, сразу же после Таласской битвы был назначен правителем Бухары и Самарканда ((Табари, II, с. 80; Ибн ал-Асир; V, с. 433).

80. Йакут (Йакут, Булдан, I, с. 840) возводит к Тамиму ибн Бахру (См. прим. 63) следующее сообщение о «дождевом камне»: «На востоке у людей бытует мнение, что тюрки владеют камнем, с помощью которого они наговаривают дождь и вызывают снег, когда хотят». Эта фраза у Йакута, очевидно, является сокращением рассматриваемого отрывка «Китаб ал-Булдан», предворяющего известия Ибн ал-Факиха о «дождевом камне». Таким образом, данный отрывок также восходит к Тамиму ибн Бахру (Агаджанов, 1969, с. 124). С. Г. Агаджанов (Агаджанов, 1969, с. 125) считает, что дождевой камень был у огузов и других тюркских племен символом верховной ханской власти. И если этим камнем, согласно сведений Тамима ибн Бахра, монополично владел тугузгузский хакан, следовательно он и осуществлял верховную власть в степи. В таком случае, это еще один довод в пользу того, что Тамим ибн Бахр имел целью своего путешествия столицу тугузгузов (уйгуров) на Орхоне, ибо в период уйгурского великодержавия (744—840) столицей Уйгурии был г. Каракорум, расположенный на реке Орхон.

81. Судя по имени отца, он был перс и, вероятно, современник Ибн ал-Факиха. Поскольку имя его среди известных передатчиков не упоминается, уже поэтому, с точки зрения мусульманского богословия, ему можно отказать в достоверности.

82. Абу Исхак Ибрахим ибн ал-Хасан ибн ал-Хайсам. Один из сказителей хадисов несколько более позднего времени. Сведения, передаваемые им многими богословами, считались достоверными (Ал-Аскалани, Тахзиб I, 326).

83. В тексте: Хишам б. Лахрасиб б. ас-Саиб ал-Калби. В таком виде установить личность передатчика представляется невозможным. Однако не подлежит сомнению, что в данном случае имеется в виду Хишам б. Мухаммад, б. ас-Саиб ал-Калои, автор многочисленных (по некоторым сведениям, 150 и более См.: ал-Аскалани ал-Мизан, с. 196) произведений по ранней истории и географии арабов, из которых до нас дошли лишь немногие. Умер в 204/819 г. Известно, что в своих сведениях о ранней эпохе Хитам поч-ти всегда зависел от своего отца Мухаммада ибн ас-Саиба ал-Калби, известного генеолога и одного из первых арабских историографов. Таким образом, искаженное, очевидно, переписчиками, имя следует читать в следующем виде Хишам ан абихи Мухам-мад б. ас-Саиб ал-Калби, тем более, что схожую по содержанию легенду, именно с указанием Хишама и его отца в качестве передатчиков, мы встречаем у Ибн Са'да Ибн Са'д I, с. 47).

84. Очевидно, имеется в виду Абу.Малих ибн Усама ад-Ху-зали,

представитель второго, после сподвижников Мухаммада поколения сказителей—«табиев» (См.: аз-Захаби. Таджрид. II с. 205) Среди сподвижников, со слов которых он говорит, такие известные личности как упоминаемый ниже Ибн Аббас, Аиша жена Мухаммада, Амр б. ал-Ас, завоеватель Египта Годом его смерти называют 98/716—7 г., 108/726 г. или еще более, позднее время, (См.: Ал-Аскалани, Тахзиб..., XII, с. 246), 85. Абдаллах б. Аббас б. Абд ал-Муталлиб. Двоюродный брат Мухаммада, один из наиболее известных сказителей хади-сов. За свою учность и глубину знания получил прозвища ал-Хабр («ученый муж») и ал-Бахр («море»). В год смерти Мухам-мада ему, по разным сведениям, было 10—15 лет. Год смерти также не устанавливается точно: по одним сведениям, в 68 г. х. (687—8 г.), по другим в 69 г. х., либо 70-м (688—690 гг.). (См.: Ал-Аскалани Тахзиб... V, с. 276).

86. Прежде чем ознакомиться с приводимой ниже легендой, следует учесть следующее. Рассказ, весьма схожий по содержанию, имеется у ат-Табари (Табари, I, с. 348), который, в свою очередь, взял его без изменений у Ибн Са'да. (Ибн Са'д, I, с. 47—48). Передатчиков у Ибн Са'да в данном случае немного: Хишам и его отец Мухаммад ибн. ас-Саиб ал-Калби. Таким образом, надо полагать, что библейское предание об Аврааме и его шести сыновьях от брака с Хеттурой были введены в арабскую литературу именно Хишамом и Мухаммад ибн ал-Калби. Эти двое у мусульманских богословов пользовались репутацией; источников противоречивых и недостоверных (См.: ал-Аскалани. Лисан ал-Мизан, VI, с. 196—197). Очевидно, желая придать больший вес приводимым ими сведениям, некоторые рассказчики подкрепляли эти сообщения авторитетом таких известных сказителей, как в данном случае Ибн Аббас. Однако это не могло обмануть строгих блюстителей богословских традиций ислама: Ибн Асакир, автор известной книги «История Дамаска», прямо объявляет свидетельства цепочки Хишам ибн ал-Калби — его отец — Абу Салих — Ибн Аббас, недостоверными (ад-Аскалани, Лисан ал-Мизан, VI, с. 196) Нельзя не заметить, что в сравнении с нашей цепью передатчиков, вместо Абу Малиха (См.: прим. 84) здесь указан Абу Салих. Однако Абу Салих" (с этой куньей известны несколько рассказчиков; из них двое: Исхак и М.изан, — названы передатчиками Ибн Аббаса) считается источником весьма достоверным. (См.: ал-Аскалани Лисан ал-Мизан, VIII, с. 65; Тахзиб...X, с. 385). И если уже в этом случае свидетельства ставятся под сомнение, то, с точки зрения мусульманских хадисоведов, сообщение цепочки Хишам—Мухаммад ал-Калби—Абу Малих—Ибн Аббас тем более должны быть признаны недостоверными.

87. По мнению арабских генеологов, нынешние арабы являются не «настоящими», а арабизированными и по-арабски они стали говорить лишь живя по соседству с настоящими арабами. К этим, последним относились мифические ад, самуд, амадика, джасим, джадис и тасм, исчезнувшие с лица земли задолго до появления ислама (См.: Табари, I, с. 215).

88. *Мадайн ва хува Мадин*. Здесь, очевидно, текст подвергнут искажению. Известно, что всего сыновей было шесть, а не пять (Табари I, с. 345; Ибн Са'д I, с. 47). Следовательно, здесь указано не одно, а два лица. Один из них, вероятно, Замран, второй Мадан, т. к. остальные четыре имени легко отождествляются с соответствующими именами у ат-Табари и Ибн Са'да.

89. У ат-Табари: йаксан (Табари, I, с. 348).

90. У ат-Табари: Асбак и Иасбак.

91. У ат-Табари: Сух.

92. Мадин.

93. Согласно текста Табари, Йансан был изгнан, а с. Авраамом остался Мадан.

94. В тексте: Мадин. Это имя упоминается уже во второй раз при перечислении сыновей Авраама (См.: прим. 88), следовательно, необходимо читать Мадан. Здесь же, вероятно, остался неупомянутым Замран.

95. Арабы считали, что от них и пошли тюрки, осевшие в Хорасане. Хотя Ибн ал-Факих об этом прямо не говорит, однако, несомненно, что он потому и включил этот хадис в свое повествование, что считал этих четырех сыновей Авраама прародителями тюрков, осевших, по свидетельству ранних арабских источников, в Хорасане (Ал-Балазури, Каир, с. 499). О происхождении хорасанских тюрков (см.: Якубовский, 1947, с. 52—53). - Более определенно отождествляет хорасанских тюрков с потомками сыновей Кантуры арабский писатель IX в. ал-Джахиз (ум. 869 г.). (См.: Манакиб, с. 48). Любопытно, что впоследствии потомкам Кантуры, так и другим тюркам, во вновь созданных хадисах приписывается роковая миссия коранических Гога и Магога по отношению к населению Междуречья ((Шешен, 1969, с. 21). - Эти хадисы. от-вергаются тем же ал-Джахизом - как недостоверные и призванные лишь запугать народ и посеять панику- (Джахиз, Манакиб, с. 49) 96. Яфет б. Нух. Один из трех- сыновей- праотца Ноя. 97. Возможно, эти- сведения- являются -отголоском - событий истории Великого тюркского каганата. Известно, что хазары входили в состав Великого караната и оставались лояльными к верховной власти даже тогда, когда каганат распался- -на Восточный и Западный. И когда в 651 г. Халлыг Ышбара-хан узурпировал власть в Западно-тюркском каганате, наследники -Ирбис .Шегуй-хана, убитого тюркского жакана, нашли убежище у хазар, более того, они воцарились на престоле хазарских хаканов (См.: Гумилев, 1967, с. 238; Артамонов, 1962, с. 170—171).

98. И. Ю. Крачковский считает, что это известный литератор и писатель IX в. Абу. ал-Аббас Джафар б. Ахмед ад-Марвази (Крачковский, соч. TV, с. 227). Ибн ан-Надим называет Джа'-фара ал-Марвази автором первой книги из серии с названием «ал-Масалик ва-л-Мамалик» (Фихрист, Бейрут, с. 150). Как- считает И. В. Крачковский, последнее утверждение вызывает сомнения так как, по свидетельству Ибн ан-Надима, книга ал-Марвази уви-дела свет лишь после его смерти в 887 г., тогда как первая ре-дакция «Китаб ал-Масалик ва-л-мамалик» Ибн Хордадбега относится к 847 г. Что касается отождествления личности Джа'фара ал-Марва-зи с автором рассказа о «дождевом камне», приводимого Ибн ал-Факихом, то оно может быть подвергнуто сомнению. Имя рас-сказчика приводится в достаточно полном виде: Абу ал-Аббас Иса ибн Мухаммад ибн Иса ал-Марвази. Оно полностью совпадает с именем одного из известных грамматистов и языковедов IX в. Абу ал-Аббаса Исы б. Мухаммада б. Исы ат-Тахмани ал-Марвази ал-Лугави (Хатыб ал-Багдади. XI, с. 171).

Иса ал-Марвази много путешествовал по восточным областям халифата, неоднократно бывал на окраинах мусульманских владений в Средней Азии (аз-Захаби, Ал-Ибар, II, с. 96; ал-Ханбали Шазарат аз-Захаб, II, с. 210). Его рассказы, в частности о женщине якобы не принимавшей пищу более 20 лет, приобрели широкую известность (ал-Ханбали, Шазарат., II, с. 210—211). Иса ал-Марвази скончался в 293 г. х. (904—5), т. е. менее чем через два года

после завершения Ибн ал-Факихом своей книги (903 г.). Так что рассказ о дождевом камне Ибн ал-Факих мог слышать непосредственно из уст ал-Марвази. И Йакут, не имея другого источника, приводит этот рассказ со слов Ибн ал-Факи-ха (Йакут, Булдан, I, с. 840). Перевод данного отрывка, выполненный С. Л. Волиным, имеется в МИТТ.

99. В МИТТ (с. 153): «...в пограничных районах Хорасана, которые за рекой».

100. МИТТ, с. 153.

101. Умение вызывать дождь по желанию приписывалось многим тюркским народам с самого раннего времени. Китайские источники говорят нам, что юебаньские волхвы призывали град и стужу на своих врагов жужаней (Бичурин, 1950. II, с. 266). Точно также, как об этом сообщается в «Шах-наме» Фирдоуси, в битве при Герате (569 г.) тюркский колдун пытался вызвать черную бурю против воинов Бахрама Чубина, однако Бахрам разгадал, что это только обман, чары пали, и персы одержали победу

(См.: Гумилев, 1967, с. 84). Способность вызывать изменения погоды связывали с «дождевым камнем»—«яда». Наиболее древние известия о «яде» имеются в хронике неизвестного сирийского монаха VII в. в описании событий при патриархе Элиасе из Мер-ва (Малов, 1947, с. 152). Легенды о чудодейственном камне «яда» дошли до наших дней и бытуют в фольклоре многих тюркских народов, в частности у якутов, алтайцев, тувинцев и др. (См.: Алексеев, 1980, с. 40, 47, 56).

102. У Йакута: Давуд б. Мансур б. Аби Али ал-Базгиси. В дальнейшем из текста видно, что он был современником Исмаила б. Ахмада Саманида (892—907) (См.: Агаджанов, 1969, с. 10).

103. «Джабу́йя»—арабизированная форма от джабгу, титула верховного правителя ряда тюркских народов, в частности огуз-зов. Следовательно, отец Балкика, «царь тюрк-гузов» не звался

«Джабу́йя», а имел такой титул. Легенда, рассказанная Балки-ком, приводится также у Наджиба Хамадани (XII в.) и Амина Рази (XVI в.). Наджиб Хамадани, как и Тамим ибн Бахр (см. выше), первоначально именовал камень «тогуз-гузским», и лишь затем камень оказался в руках Джабгу. Таким образом, эта легенда может считаться отображением борьбы за верховную власть в степи, что явилось предисторией возникновения государства сырдарьинских джабгу (Агаджанов, 1969, с. 122—125). Подобный же вывод о борьбе тюркских племен за власть можно сделать из исследования легенды, проводимой Гардизи. Согласно этой легенде, Йафет, сын Ноя, начертал имя всемогущего бога на камне, будто бы вызывавшем дождь (как тут не вспомнить об Аврааме, сообщившем некое сокрытое имя бога своим сыновьям, отправляющимся в изгнание!). После смерти Йафета за обладание этим камнем между его потомками разгорелась борьба. Хотя по жребию камень должен был достаться Хал-луху, им продолжали владеть огузы, передавшие Халлуху поддельный, а не настоящий камень. В результате началась многолетняя война (См.: Бартольд, соч. VIII, с. 42)..

104. Интересно, что в поверьях о дождевом камне, бытовавших до недавнего времени среди якутов и тувинцев, говорилось, будто бы камень, влияющий на погоду, следует искать в желудке и зобу животных (Алексеев, 1980, с. 40, 56).

105. У Йакута: «двигают ими немного» (Йакут, Булдан, I, с. 841; МИТТ,

с. 154).

107. Нух б. Асад Саманид. Основатель династии правителей Мавераннахра, а затем и Хорасана. В 204 (819) г. был назначен правителем Самарканда, а после смерти завещал власть своему брату Ахмеду, отцу Исмаила б. Ахмеда. Фактически уже давно будучи правителем, брат последнего Наср б. Ахмед получил от халифа в правление Мавераннахр в 261/875 г. (Ибн ал-Асир, V, с. 279—280). Наршахи (с. 97) относит это событие к 251/865 г.

108. Абдаллах ибн Тахир (798—844). Поэт, полководец, музыкант и государственный деятель. Сын Тахира б. Хусейна и третий представитель Тахиридов в Хорасане Стал правителем Хорасана после смерти своего брата Тальхи (829—30). Несмотря на решительные действия против врагов халифата, в особенности Мазйара в Табаристане, не пользовался расположением халифа ал-Мутасима (833—842), правда, последний после гибели Афшина, главного из врагов и хулителей Абдаллаха б. Тахира, все же признал его заслуги.

109. ал-Ма'мун. Аббасидский халиф (813—833). Сын халифа Харуна ар-Рашида. Вступил на престол после длительной борьбы со своим братом и предшественником ал-Амином. В войне против ал-Амина выдвинулся талантливый военачальник Тахир ибн Хусейн, основатель династии хорасанских правителей Тахиридов.

110. Исмаил ибн Ахмад. Правитель Хорасана и Мавераннахра из династии Саманидов (992—907). Вначале был правителем од-ной лишь Бухары, а после смерти своего брата Насра 892) был утвержден халифом над всем Мавераннахром. Борьба Исмаила с хорасанским правителем Амром б. Лейсом Саффарилом, жаждавшим распространить свою власть на Мавераннахр, окончилась в 297 (900) г. полной победой Исмаила и образованием обширных владений Саманидов, включавших Хорасан и Мавераннахр. Как в начале своей деятельности (893), так и в конце своей жизни (904) Исмаил был вынужден противостоять напору тюркских племен.

111. Известны два значительных похода Исмаила б. Ахмеда против тюрков. Первый из них состоялся в 280 (893) г., сразу после того, как Исмаил унаследовал власть над Мавераннахром от своего брата Насра, т. е. тогда, когда Исмаил еще не был правителем Хорасана. В результате этого похода был взят город Тараз, захвачено много добычи и пленных, в том числе тюркский предводитель и его жена (Ибн ал-Асир, V, с. 465), При этом главную церковь города обратил в соборную мечеть. (Наршахи, с. 108). Следующий поход относится к 291 (903—4) г. Тюрки выступают значительными силами; в семьсот шатров исчисляется их войско, и каждый шатер принадлежит одному лишь предводителю. Исмаил направляет против них своего полководца с верным войском и отрядами добровольцев. Сражение заканчивается победой мусульман, им достается лагерь неприятеля и богатая добыча (Ибн ал-Асир у с, 391).

Однако два довода говорят против сопоставления сведений Ибн ал-Факиха с походом 904 г. Во-первых, как сообщает Таба-ри и Ибн ал-Асир, Исмаил сам не стоял во главе войска. И главное, труд Ибн ал-Факиха по мнению исследователей, был завершен уже в 903 г., хотя есть и такие, кто относит написание этой книги к более позднему времени (Тоган, 1948, с. 11). Против сопоставления с походом 893 г. можно возразить, что тогда Исмаил еще не был правителем Хорасана (правда, и в тексте нет категорического

утверждения о том, что в описываемые события Исмаил был эмиром Хорасана: об этом говорится лишь в предложении, предваряющем рассказ). Кроме того, у Ибн ал-Факиха не упоминаются такие важные подробности, как взятие Тараза, пленение тюркского предводителя и его жены, превращение городской царквы в мечеть. Если отказаться от отнесения известий Ибн ал-Факиха к одному из двух известных нам походов Исмаила против тюрок, то можно предположить, что в промежутке между этими двумя состоялся и третий, некоторые обстоятельства которого можно считать дошедшим до нас в сочетании Ибн ал-Факиха «Кптаб ал-Булдан».

112. Саид б. ал-Хасан ас-Самарканди. Сведений о нем в доступных источниках обнаружить не удалось.

113. *Мбвс*. Чтение названия этого города, да и остальных, упоминаемых ниже, предположительное. Сведений об этих городах не удалось обнаружить ни в географическом словаре Якута, ни в «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари, ни в других источниках и исследованиях.

Невозможно ничего определенного сказать и о расположении этих тюркских городов, одни из них, как видно из текста, следует искать в Средней Азии, другие—в Хазарни.

114. рй, а может быть дй.

115. свр.

116. Багдадский ратл, Мера веса, равная 406, 25 г (Хини, 1970, 37).

117. хрйсм.

118. грс.

119. кршйм.

120. дкс.

121. кйс.

122. д'ани.

123. сквб.

*АБУ УСМАН АЛ-ДЖАХИЗ. ПОСЛАНИЕ АЛ-ФАТХУ
б. ХАКАНУ О ДОСТОИНСТВАХ ТЮРКОВ И
ОСТАЛЬНОГО ХАЛИФСКОГО ВОЙСКА*

1. Ал-Фатх б. Х.зкан.—Сын Хакана б. Ахмада, одного из тюркских военачальников халифа ал-Му'тасима. Фатх б. Хакан с детства воспитывался вместе с сыном ал-Му'тасима Джа'фаром— будущим халифом ал-Мутаваккилем. В правление ал-Мутавакки-ля Фатих был главным вазиром и наиболее приближенным и доверенным лицом халифа. Был убит военачальниками тюркской гвардии вместе с ал-Мутаваккилем в шаввале 247 (861) г. (Таба-ри, III 1469).

2. *Касурат ас-сифат ва каллат ал-маусуфат*. Здесь словом си-фат названы общие труды арабских филологов, историков и географов, описывавшие реалии своего времени. Этим произведением ал-Джахиз противопоставляет специальные труды, посвященные отдельным вопросам или явлениям, Уолкер переводит следующим образом «...стадо так много описаний и так мало описанных вещей...» (с. 634). Перевод Уолкера, как и перевод Рамазана Ше-шена (с. 39), носит буквальный характер.

3. Имам. Руководитель общины мусульман. Как глава всех мусульман, это звание имел халиф.

4. *Рай*. Собственное мнение правоведа. Один из источников мусульманского судопроизводства.

5. *Абна ал-да'ва*. Имеются в виду потомки первых сторонников движения Аббасидов.

6. Хорасанцы. Выходцы из области Хорасан, расположенной на юго-востоке от Каспийского моря до Аму-Дарьи на севере. Хорасанцами ал-Джахиз здесь называет арабов, осевших в ходе завоеваний в Хорасане и не чуждых местной культуре. Хорасанцы были основной силой способствовавшей приходу Аббасидов к власти. После победы Аббасидов хорасанцы не потеряли своего значения и продолжали играть заметную роль в политической и культурной жизни халифата.

Рамазан Шешен считает, что под хорасанцами ал-Джахиз подразумевает хорасанских тюрок при этом он ссылается на мнение З. В. Тоганя, кото́рый под словом «хорасанцы» понимал тюрок-эфталитов. (См. Шешен 1967, с. 41). Наличие ТЮРКОВ в стане первых СТОРОННИКОВ Аббасидов трудно отрицать. Известно, что при халифе ал-Мансуре выдвинулись несколько тюркских военачальников, в частности упоминаемый здесь ал-Джахизом Тулия ат-Тюрки. И все-таки это не может быть основанием для того, чтобы хорасанцев, сторонников Аббасидов, считать тюрками. Более того, как нам кажется, хорасанцами ал-Джахиз именует исключительно арабов, осевших в Хорасане (Об этом см.: прим. 41. 42, 43)

7. *Мавали* (ед. ч. *мауля*). Так назывались жители покоренных областей принявшие ислам и адаптированные каким-либо арабским племенем при посредничестве и покровительстве одного из его знатных членов. Институт мауля напоминал институт клиентелы в Древнем Риме, ПОЭТОМУ арабское слово мауля часто передается в западной литературе словом «клиент». Мавали служили в арабском войске еще со времен Мухаммада. В дальнейшем отдельные подразделения их составляли значительную часть

арабского войска (Подробнее см. Пайпс, 1982, 182-192). Они принимали активное участие в арабских завоеваниях, в частности, завоеваний Мавераннахра (Очерки... т. II, с. 420).

8. *Абна*. Более полное именование *Абна ал-дауля*. Так называлось новое поколение хорасанцев, выросшее в Багдаде (Кен, неди, 1981, (с. 10, 104; Мец, 1966, с. 138. См. также; прим. 5).

9. Здесь Рамазан Шешен усматривает указание на идентичность хорасанцев и тюрков (см.: прим. 3). Однако ал-Джахиз, говоря о близости тюрков и хорасанцев, имел в виду языковое сходство (См.: В. В. Бартольд, Соч., V...С. 59). Последнее обстоятельство объясняется тем, что в некоторых прикаспийских областях ко времени арабского завоевания оседло жили тюрки, язык которых несомненно подвергшийся местному индоевропейскому воздействию, был вероятно в ходу у довольно значительной и компактной группы населения Хорасана.

10. Мекка и Медина. Священные города арабов в Хиджазе. Мекку населяли аднанитское племя курайш. Медину — кахтанитские племена аус и хазрадж, а также три арабских племени, исповедовавшие иудаизм. Несомненно, что племена населявшие эти два города, говорили на арабском языке, имевшем определенные диалектальные особенности для каждого из городов.

11. Тай. Крупное арабское племя, считавшееся кахтанитским по происхождению. Вначале тай населяли Йемен, а затем перекочевали к северу, в равнинные и горные районы Хиджаза и Шама.

12. Хузайл. Североарабское племя. Северная ветвь хузайл обитала в районах к югу и востоку от Мекки.

13. Тамим. Это название носили много племен. Здесь очевидно, имеется в виду племя Тамим б. Мазз (арабские племена носили имена своих мифических родоначальников). Тамим б. Мазз аднанитское племя. Местом их обитания был Неджд. Есть упоминание об их участии в войнах с тюрками в 110/728 г. и в 112/730 г., и что интересно, в последний раз под началом упоминаемого здесь ал-Джахи-зом Джунайда б. Абд-ар-Рахмана.

14. Кайс. Название нескольких арабских племен, как аднани-тов, так и кахтанитов. Здесь имеется в виду племя кайс б. са'ла-ба, происходящее от рабиитской ветки аднанитов.

15. Хавазин. Очевидно, хавазин б. мансур племя, происходившее от мударитской ветви аднанитов и обитавшее недалеко от Медины.

16. Хиджазцы. Хиджаз — область между Тихамой и Недждем. Объединение различных племен, населявших Хиджаз, под общим названием в тексте, очевидно, было вызвано желанием автора противопоставить оседлое население Хиджаза неграмотным хавазинам, кочевавшим в Неджде.

17. Химйариты. Крупное южноарабское племя, происходившее, согласно генеалогии арабов, от Химйара, потомка Кахтана в четвертом колене. В доисламскую эпоху химйаритами было создано в Йемене значительное государственное объединение, которое в VI в. сначала подпало под влияние государства Аксум, а затем было завоевано Сасанидами и вошло в состав сасанидского государства в качестве одной из провинций.

18. Михлаф. Так назывались области Йемена. Причем население каждого михлафа составляли определенные роды и племена.

19. Аднапиты. Северная ветвь арабов, будто бы происходившая от мифического Аднана, потомка Исмаила сына Ибрахима (Авраама).

20. Кахтаниты. Южная ветвь арабов, получившая название по имени своего мифического прародителя Кахтана. О происхождении Кахтана у арабских генеологов нет единого мнения. Одни считают его потомком Ирма, сына Сима, сына Ноя, другие ведут его родословную от Ноя через Абира, сына Шалиха, сына Сима, сына Ноя (эта версия получила наиболее широкое распространение), и, наконец, третьи считают его также потомком Исмаила сына Авраама.
21. Разделение арабов на северных и южных, аднанитов и кахтанитов, средневековыми мусульманскими генеологами, видимо, не следует считать отражением действительных различий в их происхождении. В ходе борьбы за преобладание и власть в раннем халифате, могущественные и богатые племена, проживавшие в Сирии еще до ислама и опорочившие себя в глазах мусульман борьбой против Мухаммеда стали группироваться вокруг представителей знатного курайшитского рода Омейядов, которые противостояли ближайшим сподвижникам Мухаммеда, в том числе и Али б. Аби Талибу, четвертому из праведных халифов. Идеологическим обоснованием своих прав в борьбе за преобладание в халифате руководители движения этих племен избрали легенду о своем происхождении от арабов Йемена, которые, как известно, поддерживали Мухаммеда практически с самого начала распространения ислама в Аравии и к тому же имели богатую историю и могущественные государство на юге Аравии задолго до ислама (См.: Пиотровский, 1977, с. 13—15).
22. Исхак. Библейский Исаак, сын Авраама от Сарры. По мнению арабских генеологов, от Исаака пошли евреи, тогда как от Исмаила, другого сына Авраама, пошли арабы.
23. Исмаил, брат Исхака. Исмаил был сыном Авраама от Агари. Согласно библейской легенде, Сарра, отчаявшись иметь ребенка, предложила Аврааму войти к своей служанке, египтянке Агарь, которая и родила Аврааму сына Исмаила. Но затем Сарра, движимая чувством ревности, убедила Авраама изгнать Агарь. В пустыне Агари явился бог и предсказал великую будущность потомкам ее сыне Исмаила.
24. Рамазан Шешен считает такое утверждение ал-Джахиза произвольным и не имеющим какой бы то ни было исторической основы. Однако, как нам кажется, говоря об одобрении хосроями браков между двумя ветвями арабов и запрете таковых с чужаками, ал-Джахиз имел в виду завещание основателя Сасанидской державы Ардашира Папакана, где тот советует заключать браки с близкими людьми. А южные и северные арабы, как известно, считались родственниками, происходящими от Сима сына Ноя, либо генеалогически еще более близкими, как восходящие к Исмаилу, сыну Авраама. Текст завещания Ардашира приводится Ибн Кутейбой (См.: Ибн Кутейба, I, 5).
25. По мнению арабов, род представлял собой разросшуюся семью, восходящую к какой-либо личности, своему родоначальнику, и потому попытки арабов выяснить происхождение того или иного племени сводились к установлению генеалогии его мифического прародителя. Несостоятельность подобного рода взглядов подчеркивалась как западными, так и советскими востоковедами (Беляев, 1966 с. 68).
26. Ал-Ахнас б. Шариф. Союзник (халиф) племени зухрадин из сподвижников Мухаммеда (Аз-Захаби. Таджрид, с. 11).
- 302-10
27. Сакиф. Аднанитское племя, родственное хавазин. Названы по имени

своего родоначальника, имя которого было Кусай б. Мунаббих, потому более полное название этого племени Сакиф б. Мунаббих. Бану сакиф жили в окрестностях города Таиф.

28. Иа'ла б. Мунийя. Назван по имени матери Ибн Мунийя (Возможно, что Мунийя была его бабкой). Современник Мухаммеда, известен как военачальник и один из наиболее ранних источников (передатчиков хадисов) по истории ислама. Погиб при Сиффине в рядах сторонников Али б. Аби Талиба (Ибн Хаджар, Тахзиб, т. XI с. 399).

29. Очевидно, имеется в виду бану ал-Адавийя, тамимитское племя, от ханзала. Получило свое название от ал-Адавийи, матери родоначальника племени, которая приходилась Тамиму внучкой (Му'джам кабаил ал-араб, II, 638).

30. Халил б. Арфата б. Абраха ал-Лайси ал-Узри. Современник Мухаммада. Очевидно, Халил был одним из упоминаемых делегатов племени узра к Мухаммеду (См. прим. 31). Умер в 60 (679) г. (аз-Захаби, Таджрид, с. 152).

31. Узра. Узра б. Са,д—большое кахтанитское племя. Есть упоминание о делегации из 12 членов этого племени к Мухаммеду в 9 (631) г., они провели с пророком несколько дней и вернулись к своим соплеменникам в Йемен (Му'джам кабаил ал-араб II, 652).

32. Курайш. Аднанитское племя, расселившееся в Мекке и ее окрестностях. Из племени курайш происходил пророк Мухаммад.

33. Садака. Милостыня, которую состоятельные мусульмане обязаны подавать нуждающимся единокоркам.

Мауля считался членом того арабского рода, из которого происходил его покровитель, и потому юридически пользовался правами и обязанностями «своего» рода. Родственники пророка Мухаммеда имели право на отдельную долю от доходов мусульман, и потому не имели права на получение садака. Это, естественно, распространилось и на мавали рода пророка.

34. Абд ал-Мутталиб. Дед пророка Мухаммада. Отцом Абд ал-Мутталиба был Хашим. по имени которого и был назван весь род Мухаммада — хашимиты.

35. Абд Шамс. Отец Омейи, основателя курейшитского рода Омейядов. Абд Шамс и Хашим были родными братьями, отцом их был Абд Манаф.

36. Уккаша б. Мухсин ал-Асади. Современник Мухаммада. Считался одним из самых отважных воинов. Был убит, сражаясь под началом Халида б. ал-Валида в битве с Тулейхой ал-Асади, одним из пророков, выступивших против мусульман после смерти Мухаммада (аз-Захаби. Таджрид, с. 387).

37. Дирар б. ал-Азвар ал-Асади. Современник Мухаммада. Был известен как храбрый воин и поэт, принимал активное участие в войнах «ар-рида» под началом Халида б. ал-Валида. В день Йемама (битва со сторонниками пророка Мусейлимы) был тяжело ранен: ему отрезали обе ноги. Умер от ран (аз-Захаби. Таджрид, с. 241). Ай-Навави (ум. 1277), однако, сообщает, что Дирар после дня Йемамы, во главе 100 всадников принимал участие в сражении при Йармуке, (См.: Медников. Палестина т., II, с. 577).

38. Многие тюркские военачальники были мавали халифов.

39. *Накиб*. В переводе означает «глава, руководитель». Возможно, имеются в виду поминаемые ниже *накибы* (См.: прим. 41).

40. *Такыйя*. Так называлось право сокрытия своих истинных убеждений у шиитов. Омейяды жестоко преследовали сторонников. Дли, шиитов. Очевидно, поэтому последним давалась возможность скрывать на людях свою истинную веру, делая мысленную оговорку, *такийю*. На первом этапе антимейядского движения Аббасиды действовали в тесном союзе и взаимодействии с Алидами, не проявляя открыто своих претензий на власть.

41. У ат-Табари (1,1211) есть сообщение о том, что мединцы, прослышав о пророке Мухаммаде, послали на ярмарку для встречи с ним 12 представителей из числа знатнейших людей. Ат-Табари приводит их имена. Вероятно, по аналогии с этим событием Абу Мухаммад ас-Садик избрал 12 представителей для встречи с Мухаммедом б. Али, главой Аббасидов. Имена последних двенадцати также известны и приводятся ат-Табари (II, 1359). Утверждение, что из «хорасанцев» происходили 12 *накибов*, может служить подтверждением не только их заслуг в аббасидском движении, но и того, что под «хорасанцами» Джахиз подразумевал осевших в Хорасане южных арабов, родственных мединским аус и хазрадж.

42. Согласно преданию, к Мухаммаду в Мекку прибыли «семьдесят руководителей мусульманской общины» в Медине (наджибов) для того, чтобы выразить полное согласие с его вероучением. Это очень озлобило курейшитов и ускорило переселение Мухаммада в Медину (ат-Табари, т. II, 1225). Вероятно, находясь в плену символики, Мухаммад б. Али отобрал 70 представителей, к которым обратился с программным письмом. Эти семьдесят представителей находились в подчинении 12 *накибов*. (См. Тлас, Тарих, кн. I, с. 21). Аналогия с 70 руководителями мединских мусульман возможна из соображений, высказанных в прим. 41 и 43.

43. *Ал-хандакийя*. Здесь имеется в виду эпизод из ранней истории ислама. На четвертый год хиджры мекканцы и их союзники выступили против Мухаммада. Осажденные мединцы по совету Сальмана, перса-вольнотпущенника, принявшего ислам, вырыли ров (*хандак*) и успешно отбили мекканцев. Это сражение получило в истории название «битва во рве» (*газват ал-хандак*) (См.: ат-Табари I, 1465). По мнению Рамазана Шешена, здесь подразумевается упоминаемые ниже в тексте сторонники Аббасидов, сражавшихся во рвах «в дни Насра б. Сайяра и Али б. Джудайа ал-Кермани» (Шешен, 1967, с. 45). Нам кажется вполне понятной аналогия именно с наиболее ранним событием истории—осадой Медины, при том, что «хорасанцами» следует считать арабов, пришедших с Аббасидами из Хорасана. Они в основном были из южноарабских племен, т. е. были родственны мединским племенам аус и хазрадж.

44. *Ал-кафийя*. Рамазан Шешен в примечании к этому слову (с. 45) указывает, что в источниках он не нашел аналога или объяснения слова. Уолкер переводит «peers», и в примечании поясняет: «равными (the peers) были названы участники сражения у Бадр, достойно приняты мекканцами». Ат-Табари, описывая битву при колодцах Бадр, приводит следующий эпизод. Трое мекканцев призвали на единоборство

сторонников Мухаммада. Однако они отвергли троих вызвавшихся биться ансаров, и один из них сказал: «Мухаммад! вышли против нас достойны (*акфа' ана*) из нашего племени». Тогда выступили трое самых близких Мухаммаду людей, среди которых был и Али б. Аби Талиб, двоюродный брат и зять Мухаммада (Табари, I, 1317).

Не исключено, что в связи с этим знаменательным эпизодом слово *кафу'* (мн. ч. *акфа'*), означающее «равный, достойный», или близкое ему по значению и звучанию слово *кафийй* (в тексте *ал-кафиййа*) употреблено для обозначения наиболее верных и достойных людей, какими проявили себя Али и двое его соратников в битве при колодцах Бадр.

45. *Ал-мустаджиба*. В различных рукописях это слово начертано по-разному. Уолкер принял вариант *ал-мустахбуййа*, где по его мнению, глагол *истахба* означает «ставить палатку из верблюжьей шерсти». (Уолкер, с. 42): Рамазан Шешен читает *ал-мустаджиба* и полагает, что имеются в виду те, кто первыми откликнулись на аббасидскую пропаганду.

46. *Иамрудж ат-таймийа*. Уолкер читает *йумаррих ан-ни-миййа* и дает следующий перевод: «те... кто далеко пускает стрелы, из дерева «ним». Вот какое примечание имеется у Рамазана Шешена: по сообщению Абу ал-Хасана ал-Аш'ари (известный богослов IX в), в битве при Амории участвовала группа воинов, которая называлась аз-Зарурийя. В то же время, они были известны под названием ат-Таймийя. Во главе их стоял Зурара б. А'йан (Шешен, прим. 30, с. 46): К этому можно добавить следующее. Первыми мединцами, принесшими в Медину весть о вероучении Мухаммада, были шестеро из племени хаз-радж которых Мухаммад встретил на ярмарке и обратил в свою веру. Перечисляя их имена, Табари называет один из родов тай-му-л-лах, т. е. «преданные рабы Аллаха» (Табари, I, 1210): Возможно, однако, следует читать йамрудж ат-тамимиййа. Тогда перевод предположительно будет следующим: «давали тамимитам места для выпаса». Известно, что племя тамим селилось в Хорасане.

47. *Ва минна ним хаззан ва асхаб ал-джурабин*. Уолкер, принимая вариант одной из рукописей — *гамма Харран ва асхаб Джуратан* — переводит эту фразу так: «Мы завершили завоевание Харрана и покорение людей Джуратана». Джуратан — местность в Хорасане. Рамазан Шешен, ориентируясь на рукопись Emanet Nazine: не может идентифицировать *ним хаззан*, а *асхаб ал-джурабин* переводит как «одетые в чулки», и далее говорит: «Макдиси, перечисляя шиитские секты, указывает: «Джурабийя же являются сторонниками Давуда ал-Джураби, который говорил, что Аллах состоит из двух частей: до груди из плотного вещества, а ниже из пустоты.» (Шешен, 1967, с. 46). Однако, если допустить, что в текст вкралась ошибка, и вместо джурабин следует читать Джубин, то все выражение можно перевести как «сторонники Чубина». Бахрам Чубин был выдающимся сасанидским полководцем, особенно прославившимся после своей победы над тюрками при Герате в 583 г. Подняв в Хорасане восстание против шахиншаха, он в значительной степени опирался на местное население и тюрков (Пигулевская, 1946, с. 104).

48. *Нахну загандиййа*. Заганд по-персидски означало крик боевой клич.

49. *Азадмардийя*, В Сасанидском Иране азадами, или *азад-мардан* (свободными людьми), назывались многочисленная группа военного сословия. Позднее этим словом называли людей не только свободных, но и независимых в хозяйственно-имущественном отношении. Этот термин стал синонимом слова «доблестный», благородный» (Низам ул-Мулк, 317. прим. 61).
50. Ансарами (сторонниками) назывались те жители Медины, которые первыми поддержали Мухаммада. Все они, как и му-хаджиры, с которыми Мухаммад переселился из Мекки в Медину считались его сподвижниками.
51. Аус и Хазрадж. Два родственных южноарабских племени живших в Медине (см.: прим. 10). Именно они были теми ме-динцами, которые оказали гостеприимство Мухаммаду и его му-хаджирам, и вошли в историю ислама под названием «ансары», В доисламскую эпоху часто два этих близкородственных племени назывались одним именем—харадж (йакут, IV, с. 653).
52. Здесь следует усматривать наиболее определенное подтверждение того, что хорасанцами ал-Джахиз называл арабов, обосновавшихся в Хорасане.
53. При Омейядах шииты, сторонники Али, двоюродного брата Мухаммада, подвергались жестоким гонениям. Ореол мученичества над шиитскими именами, положение преследуемых властью Омейядов привлекали к шиитам симпатии притесняемого народа. Этим воспользовались Аббасиды, они солидаризировались с шиитами и, получив поддержку сочувствующих шиизму масс, особенно в Хорасане, образно говоря, подменили зеленое знамя шиизма на черное аббасидское знамя.
54. Знамена Аббасидов были черного цвета, а знамена Омейядов — белого.
55. Деспотией здесь назван Омейядский халифат.
56. Битва при Амории. В 223 (837) г. византийский император Феофил совершил поход на Месопотамию, воспользовавшись малочисленностью халифского войска в этом районе, основная часть которого была занята на войне с хуррамитами в Азербайджане. Однако, справившись с хуррамитами, арабы совершили ответный рейд и одержали крупную победу над византийским войском и взяли город Аморий в Малой Азии. По сообщению сирийского историка Бар Эбрея, при Амории арабы убили 30 тыс. византийцев и 30 тыс. взяли в плен (Ибн ал-Ибри, с 140).
57. Мухаммад б. Али был основателем аббасидского движения. Он приходился правнуком Аббасу, дяде пророка Мухаммада, по имени которого и стала называться новая династия халифов.
- 57а. Третий праведный халиф Усман б. Аффан (644—656). 576. Четвертый праведный халиф Али б. Аби Талиб, двоюродный брат пророка Мухаммада и зять (656—661).
58. Аш-Шам. Название области к северо-востоку и востоку от Евфрата до Египта. Ныне включает пределы Сирии, Иордании, Ливана.
59. Марван. Четвертый омейядский халиф (684—685), основатель династии Марванидов, являвшихся младшей линией Омейядов. Возможно, имеется в виду Марван II, последний из халифов этой династии (744—750).
60. Абу Суфйан. Современник Мухаммада, видный деятель Рода Омейядов, именно он стоял во главе мекканцев в сражении

- при колодцах Бадр. По его кунье получила свое название стап шая ветвь омейядских халифов — Суфйаниды, начало правлению которых положил Муавия, сын Абу Суфиана (660—680)
61. Ал-Джазира. Так арабы называли область между реками Тигр и Евфрат к северу от Тикрита, которая казалась им со ВСРВ сторон окруженной водой (ал-джазира — остров). Эта местность считалась землями арабских племен мударитов и бакритов (Йа. кут, Булдан).
62. *Харуриты*. Одно из названий хариджитов, происходит от названия местечка Хурура, где они собрались сразу после выступления против Али б. Аби Талиба.
63. *Шариты*, т. е. «предавшие себя богу», так иногда называли себя хариджиты.
64. *Сахсахиййа*. Очевидно, так называлась группа сторонников Омейядов, по имени упоминаемого у ат-Табари Сахсаха (Щ 40); (Шешен, 1967, с. 47).
- 65: *Даликиййа*. Также одна из омейядских групп. У ат-Табари есть упоминание о «Дадканиййа», возможно, что это они и есть. (Шешен, 1967, с. 47),
66. *Аз-Закваниййа*. Отряд стрелков, созданный Сулейманом б. Хишамом б. Абд ал-Маликом (Табари, III, 40; Шешен, 1967, с. 47). Свое название этот отряд, вероятно, получил по имени Бадр аз-Заквани, мауля упомянутого Сулеймана б. Хишам (Пайпс, 1982, с. 129).
- 67 *Рашидиййа* Отряд сторонников Омейядов (Табари, III, 40).
68. Наср б. Сайяр. Наместник Хорасана при Омейядах (738—748). Происходил из племени кинана мударитской ветви аднанитов. Трайбализм его правления привел к тому, что недовольные южноарабские племена, осевшие в Хорасане, выступили против него в союзе с Абу Муслимом.
69. Ибн Джудай' ал-Кермани. Предводитель южно арабских племен в Хорасане, выступивших против Насра б. Сайра. Убит в 718 г.
70. Шайбан б. Салма. Основатель шайбанитского толка хариджитов (Табари, II, 1948—1949).
71. Нубата б. Ханзала. Один из военачальников Марвана, последнего омейядского халифа (Табари, II, 1977—1979). Был убит Кахтабой б. Шабибом, видным военачальником Абу Муслима.
72. Амир б. Даббара. Военачальник Марвана (Табари, II, 1948—1949).
73. Ибн Хубайра. Вероятно, Иазид б. Умар б. Хубайра, последний наместник Омейядов в Ираке. Оказал усиленное сопротивление аббасидским войскам и был убит в бою (Кеннеди, 1980, с. 49).
74. Марван. Последний омейядский халиф Марван ал-Химар: Был убит в Египте, куда бежал преследуемый аббасидом Сали-хом б. Али.
75. У арабов издавна считалось, что крепкие, мускулистые' ноги служат доказательством благородства, бесстрашия и верности воина. На существование подобного представления указывает приводимый Абу ал-Фараджем ал-Исфахани эпизод, где Хинд, дочь Худжра б. Амра ал-Кинди и сестра известного поэта Им-руу-л-Кайса, убедившись в верности человека, спасшего ее и домочадцев

- Худжра, высказывает недоумение по поводу худобы его ног (Абу ал-Фарадж ал-Исфахани. Книга песен, с. 94).
76. Йаджудж ва Маджудж. Мифические племена, упоминаемые в Коране. Согласно преданию, они должны завоевать мир в наказание за неверие в канун Судного дня (Коран, XXI, с. 95—96). Ранние мусульмане, связывая эти предания с тюрками, от них же, из-за Аму-Дарьи, ожидали упоминаемого в Коране нашествия.
77. Ад. Мифическое «истинно» арабское племя, уничтоженное Аллахом за грехи. Восходит к Симу сыну Ноя через Ада, через Ауса, через Ирма. Считалось, что ни одно из древнейших арабских племен не осталось в живых. Сохранившиеся арабы будто бы переняли арабский язык у своих древних предшественников.
78. Самуд. «Истинно» арабское племя, так же, как и ад, уничтоженное Аллахом.
79. Амалика. Племя, ведущее свое родословную от мифического Амлика сына Лавата сына Сима. Также считалось истинно арабским. Генеологи возводят их к Лавазу, сыну Сима, сына Ноя и идентифицируют их с библейскими амаликитянами (Таба-ри, I, 213).
80. Кан'анийя. Семитские племена (ханаанейцы), обитавшие в ал-Шаме.
81. В тексте указано «риджал аз-Забидж», однако там же в примечании дается вариант рукописи Британского музея — аз-зиндж, что касается аз-Забидж, то в Му'джам ал-Булдан Йакута имеется указание, что это остров на восток от Индии, между Индией и Китаем. Рамазан Шешен полагает, что это остров Ява. О многочисленности населения аз-Забидж Джахиз говорит и в другом трактате «О превосходстве черных над белыми» (Джахиз Фахр ас-судан, 80).
82. Хашим б. Истахандж упоминается Табари как руководитель восстания в Северной Африке в 153 (770) г. (Табари, III, 369). Был схвачен и убит Абу Джа'фаром ал-Мансуром. Подчеркивая силу Хашима б. Истаханджа, автор, очевидно, стремится возвеличить тем самым его победителя — халифское войско.
83. Шашийя. Особая ткань для тюрбанов. Особенно славилась ткань, выделанная в Шаше (ныне развалины старого Ташкента).
84. Шахрийя. Порода лошадей, разводимых в Хорасане (Табари, II, 296).
85. Сиджистанец. Житель области Сиджистан в юго-восточной части современного Ирана на юг от Герата. Название получила по имени племен саков, населявших ее в древности (Бартольд Соч., VII, 392).
86. Абу Абд ал-Хумайд Кахтаба б. Шабиб ат-Таи. Один из Двенадцати *накибов* (см.: прим. 41).. Выдвинулся как самый талантливый и отважный военачальник Абу Муслима. Его потомки еще долгое время пользовались влиянием в халифате (Кеннеди 1980, с. 79-80).
87. Абу Мухаммад Сулейман б. Касир ал-Хузаи. Один из двенадцати *накибов* (см.: прим. 41).
88. Абу Наср Малик б. ал-Хайсам ал-Хузаи. См.: прим. 87. О влиянии семьи Малика в армии см.: Кеннеди, 1980, с. 80—81.
89. См.: прим. 87.
90. См.: прим. 87.

91. См.: прим. 87.
93. Малик б. Тавваф ал-Маррани. Один из первых аббасидских полководцев. Находился под началом Кахтабы (Табари, III с. 4, 5, 9, 37. — Здесь имя его указывается в виде Малик б. Тариф)
94. Здесь указывается на Кахтабу б. Шабиба, одного из двенадцати *накибов*, наиболее выдающегося военачальника Абу Муслима.
95. См.: прим. 73.
96. См.: прим. 72.
97. См.: прим. 71.
98. Ас-Синд. Историческая область на севере Индии, в настоящее время входит в пределы Пакистана и индийского штата Пенджаб.
99. См.: прим. 87.
100. Ифрикийя. Область на севере Африки, ныне Тунис.
101. Мухаммад б. ал-Аш'ас. Военачальник халифа ал-Мансу-ра,, ум. 149—766 г.
102. Ал-Мансур. Второй аббасидский халиф (754—775). Основатель Багдада (762).
103. См.: прим. 57.
104. Али б. Абдаллах. Полное имя Абу Мухаммад Али б. Абдаллах б. Аббас б. Абд-ал-Мутталиб. Внук Аббаса, дяди пророка Мухаммада. Умер в 736 г. в заключении.
105. Зайд б. Хариса Вольноотпущенник Мухаммада, его приемный сын. Был убит в сражении при Му'те (629 г.) (Заха-би, Таджрид ... т. I, с. 198). Мухаммад поставил его во главе отряда, отправлявшегося к Му'те несмотря на недовольство знатных курайшитов, в частности Джа'фара б. Аби Талиба, двоюродного брата Мухаммада (Медников, 1898, с. 132).
106. Битва при Му'те. Сражение между арабами, посланными в 8 (630) г. в Сирию, и византийцами. Арабы были разбиты и отступили.
107. Усама б. Зайд. Сын Зайда б. Харисы (см.: прим. 105). Против его назначения были многие участники этого последнего предпринятого при жизни Мухаммада похода. Под начало Усамы был даже отдан Умар б. ал-Хаттаб (Медников, 1898, с. 135—138).
108. Мухаджирами называли последователей Мухаммада, переселившихся с ним из Мекки в Медину в 622 г. («хаджара»—переселяться).
109. См.: прим. 50.
- НО. Абу Анса. Мауля Мухаммада.
111. Шакран. Настоящее имя Салих (Захаби, Таджрид, т. I, с. 362),. Мауля Мухаммада был одним из трех лиц, кому была оказана честь опустить в могилу тело Мухаммада (Табари, I, 833).
112. Абу Муслим. Руководитель аббасидского восстания в Хорасане. Был рабом-персом, когда его заметили руководители движения и представили Ибрахиму б. Мухаммаду, главе Аббаси дов (745—746), который послал его в Хорасан для организации вооруженного выступления. После победы Аббасидов был правителем Хорасана. Страшась его популярности в народе, халиф Мансур пригласил его в Багдад и убил.
113. Абу Салама Хафс б. Сулайман. Первый аббасидский ва-зир. В прошлом раб-вольноотпущенник из Куфы. Был убит по 152

приказу Абу ал-Аббаса ас-Саффаха при поддержке Абу Муслима за симпатии к шиизму.

114. Имеется в виду Мухаммад б. Али, основатель аббасидо-движения. 115. Абу Мансур Талха б. Зурайк ал-Хузаи. Один из двенадцати *накибов* (см.: прим, 41). 116. См.: прим. 115. 117. См.: прим. 87. 118. См.: прим. 115. 119. Известно, что между Бармакидами, династией вазиров, персов по происхождению, и Аббасидами установился обычай молочного родства. В частности, Харун ар-Рашид был вскормлен матерью Фадля б. Йахьи, а дочь Халида была воспитана женою Абу ал-Аббаса ас-Саффаха. (См.: Кеннеди, 1980, с. 102).

120. Население Багдада к началу IX в. в основном составляли сторонники аббасидского призыва и их потомки, которых и называли Абна ад-Дауля. (См.: Кеннеди, 1980, с. 90; Пайпс, 1982, с. 179).

121. *Мушаххарат*. Одежда, окрашенная в два цвета.

122. Акабан. Так назывались специальные палки для пыток.

123. *Ал-Хулайдийя, ал-Кутафийя, ал-Билалийя, ал-Харбийя*.

Вооруженные отряды, принимавшие участие в смутах во времена гражданской войны между сторонниками халифа Амина и его брата Ма'муна. Свои названия они получили по названиям городских кварталов в Басре и Багдаде.

124. *Ибн ал-мула'ана*. Если при разводе отец отказывался признать рожденного накануне сына своим, то последний получал родословную матери. Формула проклятия, произносимая при этом отцом, называлась *ли'ан*, или *мула'ана* (Петрушевский, 1966, с. 177).

125. Согласно Библии, Сарра долго не могла родить Аврааму, и родила Исаака лишь при вмешательстве Бога в 90 лет.

126. Мусульманские законоведы считали, что отцом ребенка признается тот, в чьем доме он родился, если только не будет доказан факт прелюбодеяния.

127. Коран XXXIII, 6: «Пророк ближе к верующим, чем они сами (здесь в передаче Абдаллаха б. Мас'уда добавляется: «и он ваш отец а супруги его их матери»). См.: Коран—Крачковский. с. 593).

128. Коран, XXII, 78: «... народ отца вашего Ибрахима, это он назвал вас *муслиму*».

129. Коран запрещает мусульманам половую связь с матерью, сестрой, дочерью и другими близкими по крови женщинами (Коран, IV, 23). Этот запрет Коран распространяет и на кормилиц и молочных сестер. Таким образом в этом отношении священная книга мусульман не делает различия между матерью и кормилицей, между родной сестрой и молочной.

130. Здесь содержится намек на историю об Аврааме, Сарре и Агари (См. прим.: 23).

131. В Коране дети Иакова обещают ему на смертном одре: «Мы будем исповедовать веру твоего бога, бога отцов твоих: Ибрахима, Исмаила и Исхака» (II, 133). Известно, что из трех последних Ибрахим (Авраам) приходился Иакову дедом, Исмаил — дядей, и только Исхак (Исаак) — отцом.

132. «Сказал Господь ангелам: «Я создал из глины человека». (Коран, XXXVIII, 71). Интересно, что к этому эпизоду из Корана относится возмущение Иблиса (Дьявола) против Аллаха. Иблис отказался удовлетворить требование Аллаха и поклониться новому созданию. Он сказал: «Я лучше его: ты создал меня из огня, а его из глины» (XXVIII, 76).
133. Признание Иисуса божьим посланником и подтверждение христианской легенды о его рождении имеет место в 171-ом стихе IV-ой суры Корана: «Иса, сын Марьям, есть посланец Аллаха, есть слово, ниспосланное им Марьям, и дух от него». Тем не менее генеалогией Иисуса в Библии признается отцовская линия.
134. Самум. Жаркий ветер с пустыни.
135. Сарра родила Исаака в преклонном возрасте, когда у нее уже прекратились месячные регулы (Коран, XI, 72—73). Согласно Библии, Сарре тогда было девяносто лет.
136. Коран, III, 45—46.
137. В Коране (XIX, 12) сказано, что Йахйе (Иоанну) была дарована мудрость еще в детстве.
138. Сулайман. Библейский Соломон.
139. Ухбан б. ал-Аус ал-Аслами. Один из сподвижников Му-хаммада. Жил в Куфе, где и умер в правление наместника Муги-ры. Существует предание о его встрече с волком, который говорил с ним человеческим голосом и просил не посягать на посылаемую Аллахом добычу—овцу (Ибн Хаджар ал-Аскалани, Тахзиб, т. [ ], № 694).
140. Ан-Набига аз-Зубйани. Один из наиболее знаменитых доисламских поэтов (ок. 535—604).
141. Хариш б. Хилал ас-Са'ди ал-Кураи. Поэт, глава тамими-тов в Хорасане. Сражался вместе с Мухаллабом б. Абу Суфрой, хорасанским наместником, против хариджитов, умер в Басре в 701 г. (Шешен, 1967, с. 62).
142. Башшар б. Бурд. Крупнейший средневековый арабский поэт (696—783). Его дед Ярджух был родом из Тохаристана и был взят в плен хорасанским вали Мухаллабом б. Абу Суфрой. Отец поэта был впоследствии отпущен на волю. Башшар б. Бурд от самого рождения был слеп, но стихи его отличались образностью и сравнениями, недоступными даже и зрячим (См. подробнее: Абу ал-Фарадж ал-Исфахани. Книга Песен, с. 188—257).
143. Мути' б. Айяс ал-Лейси ал-Кинани (См. Абу-ал-Фарадж ал-Исфахани, Китаб ал-Агани, т. 13, с. 274—276). Упоминается в Фихристе Ибн ал-Надима как автор ста листов стихотворений (Фихрист, Тегеран, с. 184).
144. Мухаммад б. Саид ал-Адрак ал-Катиб ат-Тамими. Багдадский поэт второй половины IX в. (Шешен, 1967 с. 63):
145. *Са-ашкуру умран*. Уолкер переводит: «Я буду благодарен Амру». В таком случае непонятно, кто такой Амр, да и смысл стиха становится неясным.
146. Мухаммад б. Джахм ал-Бармаки. Философ, живший при Мамуне. Как видно по нисбе, был одним из мавали Бармакидов. Брат известного поэта Али б. Джахма.
147. Абу Маан Сумама б. Ашрас ан-Нумайри ал-Басри. Один из выдающихся му'тазилитов. Жил при Харуне ар-Рашиде и ал-Мамуне. Считался одним из самых проникательных и остроумных людей своего

времени (ал-Аскалани, Лисан ал-Мизан, т. II, с. 83).

148. Касим б. Сайяр. Приближенный халифа Ма'муна.

149. *Дар ал-хилафа*. Резиденция халифа. *Дар-ал-амма*—па-лата, где халиф давал аудиенции посетителям не из числа приближенных.

150. Хумайд б. Абд ал-Хамид ат-Туси — военачальник халифа ал-Ма'муна. Был отравлен в 825 г. Хумайд считался одним из наиболее талантливых полководцев своего времени. Именно он полог Хасану б. Сахлю, правителю Ирака, справиться с восставшими войсками и населением Багдада в смутное время после взятия столицы войском Тахира б. Хусейна (Кеннеди, 1980, с. 156).

151. В тексте: Йахшад—следует читать Ихшид.

152. Абу Шабиб б. Бухарахудат ал-Балхи. Судя по имени, один из потомков бухарахудатов, правителей Бухары. А. М. Мандельштам отождествляет его с Шабибом ал-Балхи, одним из военачальников ал-Ма'муна. (Мандельштам, 1956 с. 228).

153. Йахйя, б. Муаз. Один из военачальников ал-Ма'муна.

154. Ал-Ма'мун б. Харун ар-Рашид. Седьмой Аббасидский халиф (813-833).

155. Азракиты. Хариджитская секта, получившая свое название по имени своего основателя Нафи' б. Азрака. Отличалась особой непримиримостью.

156. *Шариты* (арабск. «шурат» — предавшие себя Аллаху). Так называли себя хариджиты.

157. *Тахким*. В переводе значит «арбитраж, третейский суд». Это слово служило для обозначения главного лозунга хариджитов *ла хукма илла ли-ллахи*—«нет суда, кроме божьего». Под этим лозунгом хариджиты отделились от Али, когда он дал согласие на третейский суд с Муавией.

158. Абу Саид Мухаллаб б. Аби Суфра. Известный военачальник, был наместником Хорасана с 679 г. по 701 г.

159. Хариш б. Хилал ас-Са'ди. Тамимитский поэт. См.: прим. 141.

160. Аббад б. ал-Хассин. Один из известных военачальников и глава племени тамим. Во времена Абдаллаха б. аз-Зубайра был начальником полиции в Басре.

161. *Ал-фуранкиййин*. Так назывались гонцы, доставляющие донесение на далекие расстояния. Название происходит от персидского парванс — «слуга» (Бартольд, Туркестан, с. 260).

162. Скопцов считали отличными стрелками и очень выносливыми в седле, иногда даже выносили тюрков. Об этом сообщает и ал-Джахиз в «Хайаване» (Мец, 1966, с. 62):

163. В пользу подобного перевода, в отличие от перевода А. М. Мандельштама («а если бы она шла вместе с хариджитской, то исчерпала бы свои силы»), говорит тот факт, что в выражении *ва лау сайара хариджиййан*. слово *хариджи* стоит в неопределенной форме, тогда как выше оно для обозначения харид-житской лошади употреблялось с артиклем. Следовательно, здесь имеется в виду не хариджитская лошадь (употребление артикля при отсутствии самого слова «лошадь» становится просто необходимым), а сам хариджит, о котором в этом эпизоде повествования еще не говорилось. Тогда становится ясен смысл сказанного, ускользнувший от Мандельштама (См.: Мандельштам, 1956, с. 232, прим. 1): с тюркской лошадейю может обращаться только тюркок, а под хариджитом она только теряет силы. Ниже указываются причины тому; заботливость тюрка, обучение лошади от самого ее рождения и т. д.

164. Не признавая третейского суда, хариджиты единственным путем решения конфликтов считали вооруженную борьбу. Как отмечалось выше, особой непримиримостью отличались азракиты.
165. Сиджистанец. Житель области Сиджистан. См.: прим 85.
166. См.: прим. 155.
167. Недждец. Хариджиты, сторонники Неджды б. Амра (Шешен, 1967, с. 69). Но поскольку здесь в ряду имен названы как представители религиозных течений, так и жители различных областей, то возможно, что в данном случае имеются в виду жители центральной части Аравийского полуострова — плоскогорья Неджд.
168. *Ибадиты*. Представители наиболее умеренной хариджитской секты *ибадитов*, последователей Абдаллаха б. Ибада ат-Тамими.
169. *Суфриты*. Одна из хариджитских сект, получившая название по имени своего основателя Зийада б. ал-Асфара.
170. Всадники в арабском войске получали две доли добычи против одной пешего воина. Такое распределение добычи имело место в исламском войске почти во все времена, даже в XIX в., в войске саудийских эмиров (Васильев, 1982, с. 143). Иногда доля всадника могла быть выше. Так было после битвы при колодцах Бадр, когда Мухаммад, ввиду особой немногочисленности конницы, велел выдать каждому всаднику три доли (Петрушевский, 1966, с. 25).
- 170а. Ад-Дабби. Рамазан Шешен считает возможным идентифицировать его с поэтом Раби'а б. Макрухом б. Кайсом ад-Даб-би, умершим в 1.6/637 г.
171. Абу ат-Таййиб Тахир б. ал-Хусайн ал-Хузаи, прозванный Зу-л-Йаминейн за то, что в решающем сражении со сторонниками халифа ал-Амина сражался, держа саблю двумя руками. Основатель династии Тахиридов в Хорасане. Был отравлен в 822 г., в день, когда опустил имя халифа ал-Мамуна в пятничной проповеди.
172. Судус. Судус б. Асма — южноарабское племя, родственное племени тай. Кроме того, существовало еще два североарабских племени с именем с-д-с. Однако в последнем случае после первой корневой произносился звук «а» — *садус* (Му'джам каба-ил ал-араб, II, 516).
173. Абу ал-Батт. Один из военачальников во времена халифа ал-Ма'муна. Находился под командованием Хумайда б. Абд ал-Хамида. Вначале Абу ал-Батт держал сторону ал-Амина, но затем перешел на сторону ал-Мамуна и стал подчиняться Хасану б. Сахлу (Кеннеди, с. 159—160)
174. Убулла. Город в Иране недалеко от Абадана.
175. Саид б. Укба б. Салм ал-Хунаи. Вероятно сын Укбы б. Салма, наместника Басры (147 г. х. — 151 г. х.) при халифе ал-Мансуре (Табари, III, 352).
176. Река Балх. Балхаб—приток Аму-Дарьи. Иногда это название переносилось на всю Аму-Дарью.
177. Абу ал-Хаттаб Йазид б. Катада б. Диам. Рамазан Шешен отождествляет его с известным богословом Абу ал-Хаттабом Катадой б. Ди'амой (Шешен, 1967, с. 73).
178. Умар б. ал-Хаттаб. Второй из праведных халифов (634—644).

179. Некоторые высказывания, отражающие первые впечатления арабов о тюрках, приписывались халифу Умару, тогда как сам Умар никогда не становился во главе войск в завоевательных походах.

180. Абу Зубайд Хармала б. ал-Мунзир ат-Таи. Поэт-христианин. Принял ислам незадолго до своей смерти.

181. Абу Хузайма Хамза б. Адрак ал-Хариджи, руководитель хариджитского восстания в Сиджистане и Хорасане в 185 г. х.

182. Слова эти часто приписывались Мухаммаду, хотя он, вероятнее всего, никогда не сталкивался с тюрками (Бартольд, Соч., II(1), с. 244).

183. Йазид б. Мазйад. Наместник Азербайджана, Аррана и Армении. Правил с перерывами с 786 г. до самой своей смерти в Барде в 801 г. Известная самостоятельность его правления позволяет рассматривать его как первого официального малика (царя) Ширвана, власть которого распространялась на Азербайджан, Армению, Арран и Дербенд (Буниятов, 1965, с. 197—198).

184. Тулийа. Встречаются различные варианты написания. Ас-Сули, ссылаясь на ал-Джахиза, сообщает, что Тулийа ат-Тур-ки был военачальником еще халифа ал-Махди и участвовал с Йазидом б. Мазйадом в сражении с Валидом б. Тарифом ал-Хариджи (Шешен, 1967, с. 29).

185. Валид б. Тариф аш-Шайбани. Руководитель восстания хариджитов в ал-Джазире (794). После ряда побед над халифским войском Валид аш-Шайбани был разбит и убит в поединке с Йазидом б. Мазйадом (См.: Буниятов, 1965, с. 197—198).

186. Мухаммад б. Джахм (См.: прим. 146). Был, вероятно, братом поэта Али б. Джахма ал-Бармаки (ум. 249 г. х.), который также оставил некоторые сведения о тюркских гвардейцах. Именно к нему восходит известие и том, что количество тюрок у ал-Мутасима доходило до 20 тыс. (Агани, 10, с. 265):

186а. Фадл б. Сахл. Иранец по происхождению. Еще при Харуне ар-Рашиде был наставником его сына ал-Мамуна. После победы ал-Мамуна над ал-Амином был назначен вазиром. Убит в 818 г. халифскими гвардейцами, по слухам, с ведома самого ал-Мамуна.

187: Катул. Канал, проходивший через местность, где располагался город Самарра. Как указывает йакут, вначале это была небольшая речка, впадавшая в Тигр. Затем Харун ар-Рашид велел углубить ее русло, для освоения близлежащих земель. На берегу этого канала халиф ал-Мутасим построил жилища для своих гвардейцев и основал город Самарру (Йакут, Булдан). Катул соединялся с каналом Нахраван, который вел к нижнему течению Тигра, где находилась ал-Мубарака.

188. Джибалец. Джибалем назывался горный район к северо-западу от Исфахана.

189. Эти слова ал-Джахиза можно считать подтверждением верности нашего перевода того отрывка, где давалась более раз-вернутая характеристика тюркской лошади (См.: прим. 163).

190. Ал-Абди. Рамазан Шешен предполагает, что это джахи-лийский поэт Йазид б. Хаззак ал-Абди (Шешен., 1967, с. 78).

191. Абдаллах б. аз-Зубайр. Претендент на престол халифа. После смерти Муавии объявил династию Омейядов незаконной, провозгласил себя халифом и сделал своей столицей Мекку. Его власть признавали многие области халифата. Погиб в бою при штурме Мекки войсками Хаджаджи

наместника Ирака (692).

192. Джум'а ал-Айадийа. Установить личность не удалось

193. Кутайба б. Муслим. Известный военачальник, наместник Хорасана (705—715). С ним связано завоевание Мавераннахра и первые военные успехи над тюрками.

194. О замечательном чутье верблюдов у арабов и посея день рассказывают легенды и притчи. В одной из них говорится, что верблюд способен разыскать и вернуться к колодцу, из которого однажды пила беременная им мать (Штайн, 1981, с. 161).

195. Такое упоминание имеется, в частности, во второй суре 246-ом стихе, где евреи просят послать им царя для возвращения на родину. Кроме того, можно указать и на 66-й стих IV-ой суры 195а. Абдаллах б. Вахб ар-Расиб. Лидер хариджитов. Был известен своим благочестием и храбростью, за что хариджиты изорали его своим эмиром (предводителем). Убит в битве при Нахраване 658, (Е1).

196. Аксам б. Сайфи ат-Тамими. Один из видных вождей арабских племен в джахилийскую эпоху. Прожил долгую жизнь и умер в Медине, куда прибыл в 630 г для того, чтобы принять ислам.

197. Имамаг. Имеется в виду духовный авторитет халифа. Халиф, помимо военного руководителя (эмира), был еще и руководителем богослужения, или духовным главой общины верующих — имамом.

198. Во времена первых завоеваний арабы облагали население, покоренное по мирному договору, джизьей—данью, размер которой определялся условиями договора. Одновременно джизьей назывался и унижительный подушный налог, взимавшийся с немусульманского населения, покоренных силой областей.

199. Даник. Мера веса равная 1/6 дирхама (3, 125 гр.), или динара (4, 46 гр). (Хинц, 1970, с. 15, 20).

200. Кират. Мера веса равная 1/14 дирхама или 0,2232 г. (Хинц, 1970, 24).

201. Бану хузайл. Большое аднанитское племя, населявшее районы, прилегающие к Мекке.

202. Аус б. Хаджар. Один из выдающихся поэтов доисламского периода (джахилийи). Умер 2/624 г.

203. Абир. См.: прим. 20.

204. См.: прим. 22, 23.

105. Легенда о происхождении тюрков, осевших в Хорасане, от Авраама встречается в различных вариантах у ат-Табари (1, 248), Ибн ал-Ибри (с. 14), Ибн ал-Факиха (наст. изд. с. 49),

206. Ал-Хайсам б. Ади (ум. 822 г.). Известный историк, ге-неолог и литератор начала IX в.

207. Мубарак ат-Турки. Военачальник и телохранитель халифа ал-Махди (Табари, III, 381, 563).

208. Хаммад ат-Тюрки. Военачальник халифа ал-Мансура (Табари, III, 246, 277, и далее).

209. Мазхидж. Южноарабское, кахтанитское племя. Первоначально проживало в Йемене, затем, еще в доисламскую эпоху, переселилось в центральные области Аравии в союзе с другим южноарабским племенем кинда. (Пигулевская, 1964, 145—147).

210. Согласно арабским генеологиям, Басил б. Дабба поссорился с родичами и переселился в Дейлем, где, женившись на

местной жительнице, положил начало дейлемцам. Именно к этой легенде обращались впоследствии мусульманские генеологи, которые пытались доказать родство буидских правителей с Мухаммедом через даббитов (см. наст. изд: с: 107), мифический прародитель которых Дабба считался потомком Аднана в 7-ом колене (Са-баик аз-захаб, 25).

211. Идентифицировать по генеалогиям не удалось. Можно высказать предположение, что здесь так названы представители двух родов Суфа б. Мурр и Сафван б. Саджана. Эти два рода попеременно были служителями мекканского святилища Кабы в доисламскую эпоху, и естественно, отношение к ним мусульманской традиции было отрицательным как к незаконно распоряжавшимся в организации паломничества и отошедшими от истинной веры. Эти два рода были близкородственны и одновременно недалеко отстояли по своей генеалогии от потомков Даббы (Муджам кабаил ал-араб, II, 655; Сабаик аз-захаб, 25—27).

212. Ас-Савад. Такое название у арабов получили плодородные земли между реками Тигра и Евфрата от г. Тикрита до до места слияния этих рек.

213. Зу-л-Карнайн (Двурогий). Под этим прозвищем на Востоке был известен Александр Македонский. Из сказанного здесь ал-Джахизом о тюрках можно заключить, что первоначально тюрки в сознании арабов ассоциировались с мифическими народами Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог), и им приписывалась роль последних как завоевателей мира накануне Судного дня (См.: Введение, наст. изд, с: 25),

214. Здесь простое совпадение. Слово турк тюркского происхождения и означает «сильный, крепкий» (Гумилев, 1966 с. 22). Те же согласные, что и в слове турк, служат для передачи значения арабского глагола *тарана* — «оставлять». Согласно преданию тюрки были так названы потому, что в отличие от племен Йаджудж и Маджудж остались по эту сторону стены Зу-л-Кар-найна (Ибн Касир, II, 110).

215. Дейлем. Горные области Гиляна. Дейлемские горцы оказали упорное сопротивление арабам, и распространение ислама здесь произошло только в конце IX в. и было связано с демократическим движением, а не насаждено сверху (см.: прим. 2 к соч. Ибн Хассула).

216. Амаллас б. Акил б. Уллафа. Поэт конца VIII в.

217. Абу Мухриз Халаф ал-Ахмар (ум. 796 г.). Литератор и поэт. Упоминается в Фихристе Ибн ан-Надима (Фихрист, с. 162):

218. Эти слова были обращены к племени бану Бурд, запретившему поэту пользоваться их колодцами (Мандельштам, 1956, С 243).'

219. Идентифицировать личность не удалось.

220. Салих б. Али ал-Аббаси. Брат Мухаммада б. Али и Аб-Даллаха б. Али — руководителей движения Аббасидов. Преследовал последнего омейядского халифа Марвана до Египта, где в местечке Бусыр настиг его и убил (Суйути, с. 255). Сын Салиха Абд ал-Малик был при халифах Хади и Харуне ар-Рашиде последовательно правителем нескольких областей. Оказался в опале, но был затем вновь возвышен халифом ал-Амином (Шешен, 1967, с. 86).

221. Вероятно, если только подобная встреча вообще имела Место, это был тюркешский хакан Сулу, правивший до 730 г.

222. Джунайд б. Абд ар-Рахман. Наместник Хорасана (729— 734). Проводил в свое правление активную политику по отношению к тюркам. В 734 г. был смещен со своего поста халифом

- Хишамом, недовольным его женитьбой на дочери мятежного пол-ководца Йазид б. Мухаллаба. Умер в Мерве сразу после своего смещения (Е1).
223. «...Прелюбодейку и прелюбодея — наказывайте каждого из них сотней ударов», — сказано в Коране (XXIV, 2). Побитие же камнями за прелюбодеяние, стало мерой наказания, вероятно в более позднее время (Мец, 1966, с. 298).
224. «Тех же, кто бросают обвинения против целомудренных а затем не могут привести четырех свидетелей, побивайте вос-семьюдесятью ударами и никогда не призывайте их в свидетели— они сами развратники» (Коран, XXIV, 4).
225. «Укравшему, женщине или мужчине, отрежьте руку, которой они крали» (Коран, V, 38).
226. «Великим хаханом» мог быть только Истеми-хан, под предводительством которого тюрки в середине VI в. вышли к границам Ирана. В таком случае, Сасаном назван Хосров I Ануширван, заключивший с Истеми-ханом союз против эфталитов который был скреплен браком Хосрова с дочерью Истеми-хана (Гумилев, 1966, с. 40).
227. Харис б. Ка'б. Североарабское, тамимитское племя.
228. Хазм б. Зайд. Хахтанитское племя.
229. Кинда. Хахтанитское племя, происходившее из Йемена, а затем переселившееся в центральные районы Неджда (См.: Муджам каба'ил ал-араб; Пигулевская 1964, с. 138).
230. Джахм б. Сафван ат-Тирмизи. Один из ранних теологов. Состоял секретарем при Харисе б. Сурайдже, руководителе анти-омейядского восстания в Хорасане (734—746 гг.). Восставшие, идеологом которых был Джахм, выдвигали лозунг соответствия государственной власти предписаниям Корана и сунны Пророка. Джахма б. Сафвана считают, возможно, необоснованно, основателем появившейся через 70 лет после его смерти секты «джах-мияя», близкой по своим взглядам к му'тазилитам (Е1).
231. Имеется в виду шахиншах Хосров II Парвиз.
232. В действительности же, Хосров I Ануширван взял в жены Хатун — дочь Истеми-хана (См.: прим. 226).
233. Мадаин. Арабское название Ктесифона, столицы Сасанидов.
234. Сус. Арабское название города Сузы в Хузистане.
235. Ар-Румийя. В 540 г. Хосров I Ануширван взял Антио-хию. Пленных из этого города он поселил на новом месте на расстоянии одного дня пути от Ктесифона. Построенный по плану Антиохии, новый город получил название ар-Румийя, а управлять пленными, жителями Румийии, был поставлен Бараз, христианин из Ахваза, который до того был главой ахвазских ремесленников (См.: Пигулевская, 1946, с. 95).
236. Здесь указывается на события после гибели императора Маврикия (602),, когда Хосров II под знаменем мести за своего «отца», оказавшего ему помощь в борьбе с Бахрамом Чубином, предпринял ряд успешных походов и отвоевал у Византин Египет и Малую Азию. Один из полководцев Хосрова Шахин даже расположился лагерем на азиатском берегу Босфора, как раз напротив Константинополя (Динавари, с. 106).
237. После убийства Фоки императором стал Ираклий, талантливый полководец. В 622 г. Ираклий выступает в поход в союзе с тюрками и хазарами ему удается вернуть все захваченные

ранее Хосровом византийские владения. 12 декабря 672 г. Ираклий разбил персов у развалин Ниневии и двинулся на юг, к Ктесифону, «уничтожая и предавая огню встречающиеся на пути царские дворцы» (Очерки, с. 227). Хосрову II удалось уйти, лишь перейдя через Тигр и перерезав канаты плавучих мостов, соединявших Ктесифон с правым берегом. Очевидно, эти события и отражены в приводимом ал-Джахизом высказывании: «До самого последнего дома преследовало его несчастье».

238. Перейдя Тигр, Хосров II оказался в полной изоляции. Против него был составлен заговор, он был смещен и убит с согласия своего сына Кавада Шируйе, занявшего вслед за этим престол шахиншаха.

239. Шахиншах Кавад Шируйе, По свидетельству Динавари, Кавад Шируйе, убив отца (628), царствовал около восьми месяцев.

240. Помимо арабских источников, о наличии у Хосрова II двух жен, «карамеянки Ширин и ромеянки Мариам», говорят и сирийские источники. Влияние Ширин было, по-видимому, больше, чем гречанки Мариам, которая не была дочерью императора Маврикия, но может быть, была его родственницей. Согласно персидской традиции, Шируйе был сыном Мариам (Пигулевская, 1946, с. 241). Таким образом Мариам могла быть матерью Шируйе, но никак не женой.

241. В действительности же, матерью Йазиды III была Шах-фаранд, дочь Фируза, сына Йездигерда III, а матерью Фируза, т. е. женой Йездигерда III была дочь Кавада Шируйе (Суйути, с. 252). Следовательно, Шируйе был дедом Фируза, а Фируз—дедом Йазиды III по матери. По другой версии, матерью Йазиды III была Махдуджа, дочь побочного сына йездигерда от одной из его наложниц (Колесников, 1982, с. 141). В таком случае, Йазид III никакого отношения к византийским императорам не имел.

242. Йазид б. ал-Валид ан-Накис. Омейядский халиф (744). Правил всего шесть месяцев. Матерью Йазиды была Шахфаранд, дочь Фируза, сына Йездигерда III (Суйути, с. 252). Подводя итог этой довольно запутанной генеалогии Йазиды, скажем, что он происходил от Мариам, «дочери» Маврикия и жены Хосрова II — в пятом колене; от Хатун, дочери Истеми-хана и жены Хосрова I — в восьмом колене.

243. Марван б. ал-Хакам. Приходился прадедом Йазиду б. ал-Валиду. Марван (684—684) был основателем младшей ветви Омейядов в Ираке.

244. Валид б. Йазид б. Абд-ал-Малик б. Марван. Омейядский халиф (743—744). Откровенно развратный образ его жизни вызвал недовольство в халифате, и он был свергнут и убит своим Двоюродным братом Йазидом б. ал-Валидом.

245. Фадл б. ал-Аббас б. Разин. Никаких данных о нем в Доступных источниках отыскать не удалось.

246. Абу Муса Абдаллах б. Кайс ал-Аш'ари Современник Мухаммада родился около 614 г. Принял ислам и участвовал в военных походах Мухаммеда, а затем и Абу Бакра. Умар назначил его правителем Басры (638). Абу Муса был арбитром, представлявшим Али на третейском суде после Сиффина (657) После этого события активного участия в политической жизни халифата не принимал (EI).

247. Абу Амр ад-Дарир. Идентифицировать личность не уда-

О ПРЕВОСХОДСТВЕ ТЮРКОВ НАД ДРУГИМИ ВОИНАМИ

1. Абу Исхак Ибрахим б. Хилал ас-Саби (925—994): Известный ученый и литератор. Дед историка Хилал ас-Саби, автоп знаменитой «Истории вазиров» (Китаб ал-вузара). Му'изз ад-Даула, основатель иракской ветви Бундов (см.: прим. 3) назначил Ибрахима ас-Саби начальником дивана переписки (*инша*). На этой должности он оставался и при Изз ад-Дауле (см.: прим. 4) сыне и преемнике Му изза ад-Даули. Будучи сторонником Изз ад-Даули в его борьбе с Адуд ад-Даулеи, Ибрахим ас-Саби навлек на себя гнев последнего, особенно после того, как написал ему письмо возвеличивающее Изз ад-Даулу и призывающее Адуд ад-Даулу отказать от своих претензий на главенство в династии после смерти его отца Руки ад-Давули. Вступив в Багдад в 978 г., Адуд ад-Даула хотел расправиться с писателем, но вняв заступничеству влиятельных лиц, ограничился тем, что заключил его в тюрьму где ас-Саби, пытаясь снискать прощение и благосклонность но вого могущественного правителя Ирака, принимается писать историю Бундов, назвав ее в честь Адуд ад-Даули «Китаб ат-таджи» (Гадж ал-Милла—почетный титул Адуд ад-Даули). До наших дней книга не дошла, но выдержки из нее сохранились в произведениях более поздних авторов. После смерти Адуд ад-Даули новый правитель Шараф ад-Даула выпустил ас-Саби из темницы, где он провел около четырех лет. С тех пор Ибрахим ас-Саби не занимался государственными делами, и в 994 г. умер, оставив после себя несколько сочинений, из которых сохранились только его «Раса'ил» — сборник составленных им официальных писем, считавшихся высшими достижениями эпистолярного искусства (Раса ил ли Аби Исхак Ибрахим ибн Хилал ал-Харрани ас-Саби Ба'абда (Лубнан) 1898.

2. Дейлем. В средние века, особенно в X—XI вв., Дейлемом назывались горные районы Гиляна, прикаспийской области Ирана. Ранние арабские историки и географы очень мало говорят о Дейлеме, но авторы, писавшие в период господства дейлемских династий в Ираке и Иране (Хв.) проявляют склонность к расширению пределов этой территории, включая в нее все южное побережье Каспийского моря, а также южные предгорья хребта Эльбурс с городами Рей и Казвин (Е1; II, 193). Если быть точным, то под Дейлемом следует понимать область, населенную дейлемцами-горцами, видимо, значительно отличавшимися по языку и культуре от жителей прибрежных равнинных районов Гиляна. К X в. дейлемцы населяли бассейн реки Шах-руд, впадающий в основную водную артерию Гиляна Сефид-руд в том месте, где она круто поворачивает на северо-восток и, пересекая Эльбурс, несет свои воды в Каспийское море. Русло Шах-руд отделено от равнины Казвина цепью холмов, а ее притоки стекают с южных отрогов Эльбурса, орошая долину Аламута: Аламутская крепость, находившаяся в двух днях пути от Казвина на северо-восток, была построена или, возможно, только обновлена в 860—61 гг. Это издавна была резиденция дейлемских парей (СНІ, IV, 208; ЕІ 352). В более позднее время Аламут был центром государства экстремистов-исмаилитов, известных также

под названием ассасинов.

3. Адуд ад-Даула б. Рукн ад-Даула. Адуд ад-Даула—почетный лакаб (титул) Абу Шуджа Фанна Хосрова, наиболее выдающегося представителя династии Бундов или Бувейхидов, правивших с конца первой половины X в. до второй половины XI в. в Ираке, Фарсе, Кермане и Джибале. Датой окончательного крушения династии принято считать 447/1055 г., когда Тогрул-бек Сельджукид захватил Багдад. Династия получила свое название от имени некоего Бувейха или Буйэ, имевшего трех сыновей: Али ал-Хасана и Ахмада. Все трое были предводителями отрядов на службе у различных военачальников и местных правителей. Старший брат Али, утвердившись сначала в Исфахане, вскоре распространил свою власть на весь Фарс, ал-Хасан захватил Джибал, а младший, Ахмад подчинил Керман и Хузистан, откуда не столько силой, сколько путем политических интриг сумел в 334/945 г. захватить Багдад. Это событие знаменовало новую эпоху в истории халифата. Халифы, к тому времени уже утратившие свою былую политическую самостоятельность и находившиеся под влиянием то одних, то других политических партий, с приходом Бундов были окончательно отстранены от управления страной и их власть практически ограничилась сферой религиозной жизни. Ахмад, Али и ал-Хасан получили соответственно почетные титулы: Му'изз ад-Даула, Имад ад-Даула и Рукн ад-Даула. Яркие портреты Буидских правителей выписаны в книге известного востоковеда А. Меца (Мед, 1966, 25—37). Фанна Хосров родился в Исфахане в 324/936 г. Тринадцати лет он наследовал своему бездетному дяде Али Имад ад-Дауле в Фарсе: Титул Адуд ад-Даула (опора державы) он получил от халифа ал-Мути' в 351/962 г. При жизни своего отца Рукн ад-Даули, считавшегося главой Бундов, Адуд ад-Даула, занимаясь расширением своих владений, не посмел посягнуть на единство семьи и подчинить себе Ирак, но после смерти Руки ад-Даули его уже ничего не сдерживало и в 367/978 г. он совершил поход в Ирак, нанес поражение и убил своего двоюродного брата Изз ад-Даулу Бахтийара сына Му'изз ад-Даули.

Адуд ад-Даула скончался в Багдаде в 372/983 г. Безусловно он был наиболее выдающимся буидским правителем, сумевшим объединить и значительно расширить владения династии. Привилегиями, которыми наградил его халиф, не пользовался после него никто другой из Бундов. Он получил от халифа ат-Таи' второй почетный титул Тадж ал-Милла, его имя произносилось в Багдадской мечети во время пятничной молитвы вторым после имени халифа.

4. Ат-Таи—аббасидский халиф (974—991). Бахтийар Изз ад-Даула, сын Му'изза ад-Даули, приемник (356/967 г.). Му'изза ад-Даули в Ираке (см.: прим. 3) мало интересовался политикой и государственными делами, предпочитал проводить время в развлеченьях, оставляя управление страной своим вазирам и чиновникам. Столкнувшись с необходимостью решительных действий против мятежников и врагов в Ираке, оказался неспособным сплотить свои военные силы и организовать боеспособное войско. Между тюрками и дейлемцами, двумя основными контингентами войска, возникла распря, которая вылилась в открытый мятеж тюрков против Изз ад-Даули. На выручку Изз ад-Дауле пришел из Фарса Адуд ад-Даула, который вступил в Багдад со своим войском (364/975 г.), явно имея намерение сместить своего двоюродного брата, но не сделал этого, уважая

мнение своего отца Руки ад-Даули. Однако после смерти последнего, Адуд ад-Даула смог, наконец осуществить свои планы, разгромил Изз ад-Даулу в сражении и убил его, сплотив тем самым все владения Бундов в единое государство.

5. Это письмо сохранилось в дошедшем до нас сборнике официальных писем, составленных Ибрахимом ас-Саби (Расаил I 216—223). Оно приводится также в сочинении внука Ибрахима ас-Саби историка Хилала ас-Саби (970—1056) «Русум дар ал-хи-лафа» (Саби, Русум, 113—121). Имеется и полный перевод письма на русский язык. (Саби. Установления, 78—84).

6. Титул шахиншаха впервые после Сасанидов был возрожден Адуд ад-Даулей, а не Изз ад-Даулей (Хусайн ал-Баша, 1957. 353). Фразой же, вызвавшей ярость Адуд ад-Даули, была следующая: «Изз ад-Даула управлял как хотел в заседаниях эмира верующих. Он мог повышать и понижать в должности, одаривать и позволять (что-либо). Эмир верующих подтвердил его право на это чтобы, отодвинуть ради него от трона подобных ему в этом» (Саби, Установления, 82).

7. Гилян. Историческая область вокруг дельты реки Сефид-руд на южном побережье Каспийского моря. В средние века граничила с Табаристаном в районе Шалуса, в самом центре южного побережья. Северная и северо-восточная части простирались примерно до нынешней советско-иранской границы. Равнинные области Гиляна населяли гелы, или гилянцы, известия о которых восходят к эпохе античности. В горных областях жили т. н. «настоящие дейлемцы», видимо, отличавшиеся от гилянцев по языку и культуре, часто враждовавшие и политически господствовавшие над ними. Язык самих гилянцев, по утверждению арабского географа XI в. Ибн Хаукала, не был ни персидским, ни арранским, ни армянским (Бартольд, Соч., VII, 217). В настоящее время гилянцы говорят на особом диалекте персидского языка.

8. В тексте: *ал-Ланджиййа*. Видимо, здесь ошибка переписчика, а может и издателя. Следует читать *ал-Лаиджиййа*. Именно так значится в перекликающемся с этим рассказом сообщении Йакута ал-Хамави (Булдан, III, 149). См. также: прим. 9.

9. Старейшей дейлемской династией, видимо, были Джустани-ды. Наиболее раннее упоминание о них относится к 175/791 г., когда один из них предоставил убежище алиду Иахйе б. Абдаллаху (СНГ, IV, 208). Этот же правитель, или его сын, названный Мар-зубаном б. Джустаном, был в 189/805 г. призван халифом Харуном ар-Рашидом (786—809) в Рей и отпущен с подарками, но сам, по всей видимости, никакой дани не выплатил. Известно имя одного из непосредственных преемников Марзубана I—Вахсудана б. Джус-тана, который, вероятнее всего, был его внуком (Табари, III, 188). Сын Вахсудана Джустан заключил союз с шиитским лидером Хасаном б. Зайдом, а затем и его братом Мухаммедом (см. прим. 10) и способствовал распространению шиизма в Дейлеме. Джустан правил долго, около 40 лет, и был убит своим братом Али б. Вахсуданом незадолго до появления в Дейлеме третьего шиитского лидера Хасана б. Али ал-Утруша (913 г.). Однако в 307/919 г. Али был убит Мухаммадом б. Мусафиром, владетелем области Тарум в среднем течении Сефид-руд который был женат на дочери Джустана и, видимо, выступая защитником прав своего тестя, имел намерение распространить свою власть на весь Дей-

лем. Ему удалось победить в сражении и убить также и брата Али Хосрова Фирузана и значительно потеснить Джустанидов. Мухаммед б. Мусафир считается основателем новой династии Муса-фиридов, или Кангаридов (по имени одного из их более ранних предков), которых также называли и Салларидами (от сардар— предводитель). В 330/941 г. Мухаммад I был отстранен от власти его сыновьями, один из которых, Марзубаи, вскоре после этого сумел продвинуться к северу и положить начало, правда, на довольно непродолжительное время, ветви Мусафиридов в Азербайджане, а второй, Вахсудан б. Мухамм.ад, остался в Таруме (Бос-ворт, 1971, 128). Согласно сведениям Иакута, Мусафириды и после Мухаммада б. Мусафира сохраняли за собой центральную часть Дейлема, названную у него ал-Астаниййа и считавшуюся исконным владением Джустанидов (остан—дом, центр), вынудив последних обосноваться в части Дейлема, названной ал-Лаиджиййа (Иакут, Булдан, III 149). Таким образом, сообщение Ибн Хассула значительно дополняет рассказ Иакута и позволяет заключить, что положение в Дейлеме оставалось без изменений, видимо, вплоть до завоевания Сельджукидов: горные области (*ал-Астаниййа*) были под властью Мусафиридов, а точнее, той ветви, которая происходила от Вахсудана б. Мухаммада (*ал-Вахсуданиййа*), а Джустаниды были оттеснены и обосновались в равнинных областях Дейлема, в окрестностях Лахиджана. Этому не противоречат два отдельных сообщения Ибн ал-Асира о подчинении султану Тогрулу сначала «царя Дейлема», а затем «Салара из Тарума» в 434/1042 г. Кроме того, из сведений путешественника Насир-и Хосрова можно заключить, что в 438/1046 г. налоги с области в месте слияния Шах-руд и Сефид-руд поступали в Тарум Джустану б. Марзубану, который был правнуком Вахсудана б. Мухаммада (EI, II, 192; Бос-ворт, 1971, 127).

10. В период со времени правления халифа Умара I (634— 644) до времени правления халифа ал-Ма'муна (813—833) арабы, по сообщению некоторых средневековых историков, совершили 17 походов на Дейлем, одержали ряд побед, но подчинить дейлемцев, видимо, так и не смогли. Вплоть до середины IX в. Дейлем считался владением неверных (дар ал-куфр), откуда мусульмане добывали рабов (Истахри, 205). Распространение ислама здесь было связано с антифеодальным движением в пограничных районах и деятельностью зейдитских проповедников из рода Али б. Аби Талиба (см.: прим. 15).

11. Религиозная, общественная и экономическая жизнь мусульман регламентировалась соответствующими установками и рекомендациями из Корана и преданий о жизни и деятельности Мухаммада. Эти два источника были основными и общими как для законоведов-суннитов, так и шиитов.

12. После смерти Мухаммада (632 г.) во главе общины верующих стал один из его старейших сподвижников Абу Бакр (632—634), а затем Умар б. ал-Хаттаб (634—644) и Усман б. Аф-фан (644—656). Однако практически с самого начала среди первых последователей ислама была группа, считавшая, что предводительство мусульманами (имамат) должно было перейти к ближайшему Родственнику пророка, его двоюродному брату и зятю Али б. Аби Талибу. Став халифом, Али в течение ряда лет (656—661) был вынужден вести войну против могущественного рода Омейядов в лице наместника Сирии Му'авии б. Аби Суфьяна, а также группы

Других видных сподвижников и родственников Мухаммада во главе с его вдовой Аишей, Талхой и Зубайром. В ходе войны с Му'авией у Али появились противники в его собственном стане—хариджиты от рук которых он и пал в 661 г. После смерти Али и воцарения Му'авии (661—680) сторонниками Али (Ши'ат Али) была разработана концепция наследования власти в мусульманской общине по линии потомков Али и дочери Мухаммада Фатимы, которые были единственными продолжателями рода посланника Аллаха.

13. Социальные и политические противоречия среди последователей Мухаммада привели впоследствии к глубокому религиозному расколу. Сторонниками Али и его потомков—шиитами была выдвинута идея обладания родом Али божественной благодатью, передаваемой от одного его потомка другому. По мере развития шиизма появлялись все новые и новые секты, провозглашавшие различные принципы наследования этой божественной благодати, которая в учении одних была представлена всего лишь постижением тайного смысла Корана и преданий, или даже просто выдающимися качествами лидера (имамиты, зейдиты), а в учении других доводилась до признания имама живым богом (исмаилиты). Для суннитов же духовный и светский глава мусульман (имам) избирался или назначался людьми, но обязательно из рода Мухаммада.

Упомянутые здесь зейдиты были сторонниками передачи власти наиболее достойному и активному алиду, способному вести вооруженную борьбу. Таким образом, их религиозная доктрина принципиально не отличалась от концепции суннитов, исламских фундаменталистов, для которых божественное знание заключалось в Коране. Коран, а вместе с ним и сунна Мухаммада (рассказы о его жизни и деятельности) были для суннитов единственным источником религиозного права. Деятельность законоведов-суннитов сводилась лишь к применению установок этих источников к конкретным ситуациям. Однако, в зависимости от того, какие способы суждений допускались (буквальное толкование, суждение по аналогии, согласованное мнение авторитетных богословов, свободное мнение), существовали различные суннитские школы законоведов (мазхабы).

14. Ханбалиты — последователи мусульманского законоведа Ибн Ханбала (ум. 855 г.), сторонника наиболее консервативных религиозно-правовых взглядов, не допускавшего практически никакой свободы суждения. Шафииты — последователи религиозно-правовой школы Абу Абдаллаха аш-Шафии. Шафииты признают ограниченное применение суждения по аналогии и собственного мнения. Шафиизм был некоторое время распространен в Хорасане и Дейлеме. Значительная часть жителей Гиляна примерно в конце IX в. приняла суннизм, благодаря деятельности ханбалитского законоведа из близлежащего города Амуля Абу Джа'фара ат-Туми, который был после смерти похоронен в нынешней столице Гиляна Реште. Вплоть до XX в. могила устада Абу Джа'фара была главным святилищем Решта и местом паломничества суннитов (СНІ, IV, 209).

15. Распространение ислама среди дейлемцев, как неоднократно отмечалось в литературе, было связано не с арабским завоеванием, а с демократическим движением. В 850/864 г. в пограничных с Дейлемом районах Калара, Шалуса и Руйана жители поднялись на

борьбу против посягательств тахиридского наместника на общинные земли. Во главе движения стал зейдитский проповедник из рода Али б. Аби Талиба ал-Хасан б. Зайд, прозванный *ад-да'и ал-кабир* (старший проповедник), который заключил военный союз с дейлемскими владетелями, в том числе и Джустанидамн в лице Вахсудана б. Джустана. Сын Вахсудана Джустан II договорился со старшим проповедником о прибытии в Дейлем его представителей для пропаганды ислама. Ал-Хасан б. Зайд умер в 270/883 г., и его место занял его брат Мухаммед, получивший прозвание *ад-да'и ас-сагир* (младший проповедник). Политика Мухаммада во многом определялась ходом борьбы саффарийда Амра б. Лайса с суннитской династией Саманидов за власть в Южном Прикаспии. В 287/900 г. он был убит в сражении с саманидским военачальником Мухаммедом б. Харуном ас-Сарахси. После некоторого перерыва во главе зейдитов Прикаспия стал потомок Хусейна б. Али б. Аби Талиба—ал-Хасан б. Али ал-Утруш (Глухой). Ал-Хасан ал-Утруш долгое время жил среди дейлемцев, он был признан большинством населения правобережья Сефид-руд до Амуля и удостоился титула Насир ила-л-хакк (Ведущий к победе истины). Традиционная зейдитская доктрина, которую проповедовал ал-Утруш, несколько отличалась от утвердившегося среди части населения Прикаспия учения более раннего зейдитского проповедника ал-Ка-сима б. Ибрахима, внуку которого в 284/897 г. удалось основать в Йемене самостоятельное зейдитское государство. Таким образом зейдиты Прикаспия были разделены на два лагеря: последователей ал-Касима—*ал-касимийя*, и последователей ал-Хасана Насира ила-л-хакк, получивших по титулу своего учителя название *ан-на-сирийя*. Недолгое правление ал-Утруша даже среди его религиозных противников имело славу самого справедливого в мире (Табари, III, 2296). Однако наследники его погрязли в междоусобицах и практически совсем утратили свое бывшее политическое влияние. Они постепенно стали концентрироваться в Амале вокруг могилы своего великого предка. Некоторые из них упоминаются при Бундах в качестве правителей города (СНІ, IV, 206—212).

16. Даббиты. Северо-арабское племя. См.: прим. 210 к тексту «Послания» Джахиза.

17. Как принято было считать у арабских генеологов, даббиты, будучи адианитским племенем, происходили от Исмаила, сына Авраама, к которому восходили и курейшиты. Родство дейлемцев с курейшитами через бану дабба не только сомнительно, но и, скорее всего, вымышленно. Однако ставить этот вымысел исключительно в вину ас-Саби, как это делает автор, было бы неверно. О происхождении дейлемцев от бану дабба, правда, с оттенком сомнения, говорит, в частности, ал-Истахри (Ал-Истахри, с, 205), писавший задолго до создания Ибрахимом ас-Саби его истории Бундов, но, по всей вероятности, уже после вступления Бундов в Багдад в 945 г. Возможно, что некоторым основанием для подобных измышлений являлось происхождение главы потомков персидских завоевателей Йемена, активно поддерживавших Мухаммада, Файруза Ад-Дейлеми, о котором рассказывали, что его предком был араб из *бану дабба*, некогда бежавший из Аравии в Дейлем (Пиотровский, 1985, 152). Видимо, после возвышения Бундов подобные измышления о причастности дейлемцев к генеалогии Мухаммада официально или не официально поддерживались буидской администрацией. Распространение таких небылиц имело определенный смысл Для

обоснования прав Бундов на власть, особенно в свете зейдитской Доктрины о передаче верховной власти над мусульманами любому из рода Али, двоюродного брата Мухаммада, но непременно самому деятельному и решительному.

18. Джахилийей арабы-мусульмане называли период своей истории, непосредственно предшествовавший распространению среди них ислама.

19. Шам. Историческая область, входившая в территорию халифата. См.: прим. 53 к «Посланию» Джахиза.

20. Джазира. Историческая область, входившая в территорию халифата. См.: прим. 56 к «Посланию» Джахиза.

21. Му'авия б. Абу Суфйан. Сын главы богатого курейшитского рода Омейядов, долгое время боровшегося против Мухаммада, но принявшего ислам незадолго до вступления мусульман в Мекку Му'авия долго был наместником в Сирии, а после гибели Али б. Аби Талиба стал халифом и основателем Суфианидской ветви омейядских халифов.

22. Усман б. Аффан. Третий из праведных халифов (644—656). Один из самых первых последователей и сподвижников Мухаммада, происходил из богатого рода Омеййа. Был избран халифом в 70-летнем возрасте. При нем представители рода Омеййа занимали ключевые должности в государстве, что вызывало недовольство широких масс мусульман, а также и других видных сподвижников Мухаммада. В 656 г. Усман был убит в своем доме в Медине мусульманами из Египта и Ирака, поднявшими в городе восстание. После его гибели и избрания халифом Али в халифате разразилась гражданская война между различными политическими группами, но главным образом, между сторонниками нового халифа и сторонниками Омейядов, группировавшимися вокруг Му'авии б. Аби Суфйана под лозунгом мести за Усмана.

23. Курайш. Арабское племя, селившееся в Мекке. К этому племени принадлежал Мухаммад. По представлениям средневековых мусульманских генеологов арабские племена составляли две большие ветви. Одни будто бы происходили от Исмаила, сына библейского Авраама и назывались по имени одного из потомков Исмаила аднанитами, а другие—от мифического Кахтана потомка Сима, сына Ноя, и потому были названы кахтанитами. Курайш считались аднанитским или северо-арабским племенем. Почти все упоминаемые ниже племена также были аднанитскими, т. е. близкородственными к племени пророка Мухаммада — курейшитам.

24. Тамим. Арабское племя. См.: прим. 10 к «Посланию» Джахиза.

25. Тай. Арабское племя. См.: прим. 8 к «Посланию» Джахиза.

26. Кайс. Арабское племя. См.; прим. 11 к «Посланию» Джахиза.

27. Хандаф. Аднанитское племя, родоначальником которого арабские генеологи считали Илйаса б. Мудара, было названо хандаф будто бы по имени матери-прародительницы Хандаф (Му'джам каба'ил ал-араб, 1, 40).

28. Укайл б. Ка'б. Аднанитское племя. После арабского завоевания переселились из Бахрейна в Ирак, а с приходом Сельджу-кидов переместились обратно в Бахрейн (Му'джам каба'ил ал-араб, 11, 801).

29. Бахрам Джур. Персидский шахиншах из династии Сасанидов (420—438). Представлен в персидском предании как сильный и отважный воин, за что и был назван Гуром (онагром). Бунды, обосновывая свои династийные права, претендовали на происхождение

от сасанидских шахиншахов. Некоторые источники указывают в качестве их родоначальника не Бахрама Джура, а последнего саса-нидского царя Йездигерда III (Ибн ал-Ибри, 160). Уже одно такое расхождение говорит о том, что родословная Бундов от Сасани-дов, вероятно, не более, чем вымысел.

30. Ибрахим. Библейский Авраам.

31. Исхак. Библейский Исаак, сын Авраама и Сарры. В средневековой арабской историографии было несколько мнений о происхождении персов. Известный историк-энциклопедист XIV в. анНувайри приводит семь версии, и только по одной из них получается, что они будто бы являются потомками Исхака (Нувайри, [XV, 142]).

32. Исмаил. Библейский Измаил. По библейской легенде Авраам как самую дорогую жертву богу должен был принести своего, сына Исаака, но в самый последний миг бог не допустил пролития крови невинного ребенка и послал для жертвоприношения ягнненка. В Коране этот сюжет приподносится без указания, какой именно сын Ибрахима был предназначен к закланию. Но поскольку о рождении Исхака в Коране говорится только после истории с жертвоприношением сына и чудесным ниспосланием жертвенного животного, мусульманские богословы считают, что эта история имеет отношение не к Исхаку, а Исмаилу. Исмаил же, как известно, считался прародителем северных арабов.

33. Абдаллах. Отец Мухаммада, умер еще до его рождения.

34. Абд ал-Мутталиб. Дед Мухаммада.

35. Согласно преданию, Абд а-Мутталиб, которому не хватало помощников для отыскания священного источника Земзем в Мекке, дал обет, если у него родится десять сыновей, принести в жертву одного из них. Когда у Абд ал-Мутталиба действительно стало десять сыновей, он рассказал им о своем обете, и они все заявили о готовности подчиниться воле отца. Абд ал-Мутталиб велел каждому написать свое имя на стреле и попросил служителя мекканского храма Кааба вытянуть одну из стрел. Жребий пал на Абдаллаха, который был самым младшим и любимым. И несмотря на решимость Абд ал-Мутталиба выполнить свое обещание, домочадцы уговорили его поставить против Абдаллаха выкуп и испытать волю богов еще раз. Размер виры, выкупа за человеческую жизнь, был тогда 10 верблюдиц. Но жребий снова пал на Абдаллаха, тогда Абд ал-Мутталиб прибавил еще 10 верблюдиц и попросил снова произвести гадание и вновь выпало принести в жертву Абдаллаха. Удрученный отец просил повторить гадание еще и еще, прибавляя каждый раз по 10 верблюдиц. И только когда их количество достигло 100 богам было угодно принять верблюдиц вместо сына (Нувайри, XVI, 50—51).

36. Надр б. Кинана. Мифический предок курейшитов. Генеологи считали, что знаменитый Кусай, предводитель курейшитов, при котором они обосновались в Мекке, был потомком Надра б. Кинаны в девятом колене.

37. Имамат. Институт верховного руководства мусульманской общиной. Различие в понимании и толковании имамата является главным противоречием между суннитами и шиитами. Шииты считают, что имамат есть божественное установление и не может зависеть от желания людей, т. е. быть выборным. Сунниты теоретически признают выборность имамата.

38. Абд Манаф. Сын Кусайя (См.: прим. 36). Четыре сына Абд Манафа: Хашим, Абд Шамс, ал-Мутталиб и Науфал—по преданию отстранили от власти других потомков Кусайя и положили начало четверем наиболее влиятельным родам города. Каждый из этих четырех будто бы стал водить торговые караваны в различные страны
39. Хашим. Сын Абд Манафа (См.: прим. 38). Прадед Мухаммеда. После того, как сыновья Абд Манафа установили свой контроль над общественной и экономической жизнью Мекки, Хашим взял на себя почетную и прибыльную обязанность снабжать поломников в Мекку пищей и водой.
40. Среди женщин, указывавшихся в родословной Мухаммада наиболее часто встречаются имена Атика и Фатима. Генеологи насчитывают в роду Мухаммада до его рождения 13 женщин с именем Атика и 10 женщин с именем Фатима (Ибн Са'д, I, 64).
41. Автор явно не разобрался в довольно запутанной генеалогии Мухаммада, который никак не мог называть себя потомком дочери своего деда Абд ал-Мутталиба, т. е. сестры своего отца. Да и среди детей Абд ал-Мутталиба не упоминается дочь Атика, так же как и нет сведений о том, что у Абд Манафа, который имел, согласно преданию, шесть сыновей и шесть дочерей, была дочь по имени Фатима (Нувайри, XVI, 50—51). Как утверждают генеологи, в роду Мухаммада ближайшей к нему женщиной по имени Атика была Атика бинт Мурра, жена Абд Манафа и мать восьми его детей, в том числе и Хашима, прадеда пророка Мухаммада (Ибн Са'д, I, 62; Нувайри, XVI, 32), а из числа его прародительниц с именем Фатима ближайшей к нему была его бабушка Фатима бинт Амр, жена Абд ал-Мутталиба и мать Абдаллаха, отца Мухаммада.
42. Антара ал-Абси. Один из выдающихся представителей доисламской арабской поэзии.
43. Фируз. Видимо, имеется в виду Фируз (Файруз) ад-Дейле-ми, который в период возникновения ислама был лидером партии *абна*, потомков завоевателей-персов в Йемене. Однако здесь, как и в некоторых других местах, проявляется недостаточная осведомленность автора. Завоевание Йемена персами происходило в 576—577 гг. и командиром персидского отряда, а впоследствии и саса-нидским наместником Йемена был не Файруз, а Вахриз (Пиотровский, 1985, 24, 27. 151—153).
44. Афридун. Герой персидского эпоса. Он был призван на царство народом, восставшим против жестокого тирана Байвараспа (см.: прим. 45), сразился с ним и убил, по преданию, на горе Дун-баванд в окрестностях Рея (Нувайри, XV, 145—147).
45. Ад-Даххак. Арабский вариант имени легендарного царя из персидского эпоса Байурасифа (Байвараспа). Байварасп пришел к власти, свергнув законного царя персов Джамшида, которому легенда приписывает учреждение государственного аппарата и сословий среди персов. Байварасп оказался жестоким тираном. На его плечах были два нароста, которыми он мог двигать как руками, и он, запугивая людей, говорил, что это змеи (Нувайри, XV, 146).
46. Предание утверждает, что Байварасп, придя к власти, уничтожил жизнеописание всех предшествовавших ему царей (Нувайри, XV, 146). Что касается соответствия рассказов персидского эпоса действительной истории, то здесь достаточно будет отметить, что предания, относящиеся к досасанидскому периоду, на

каждом новом этапе истории обрастали новейшими подробностями, утрачивая первоначальные, проходили литературную обработку и получали новую локализацию. Это привело к тому, что арабские переводчики персидских книг принимали, в основном, во внимание только рассказы о царствовании Сасанидов и отвергали рассказы о более отдаленном прошлом, считая их недостоверными. Некоторые арабские историки в отрицании эпических преданий шли так далеко, что первым персидским царем, принявшим религию магов, называли основателя Сасанидской династии (Бартольд, VII, 396).

47. Ан-Нувайри приводит еще и следующие варианты имен:

Тур—Тух, Салам — Сарм, Ирадж — Иран. Афридун будто бы во избежание соперничества между сыновьями решил разделить свои владения: Рум, Шам и Магриб — Саламу, Китай и земли тюрков— Туру, а Ирак и Индию—то, что у Ибн Хассула названо серединой четвертого пояса—Ираджу (Нувайри, XV, 148). Средневековые арабские географы делили известные им земли на пояса (климаты) от экватора к северу. Четвертый пояс как раз приходился на широту Ирака.

48. Мануджахр (Манучехр) был сыном Ираджа (Ирана), сына Афридуна. Манучехр будто бы вернул себе владения своего отца, ранее захваченные Туром и Саламом, но потом ему пришлось воевать с сыном Тура (Нувайри, XV, 148).

49. Фарасийаб (Афрасийаб). Мифический царь тюрков. Предание называет его сыном Турка и потомком Тура. Афрасийаб возобновил войну с Манучехром в результате которой между ними была установлена граница по реке Балх (Аму-Дарья). После смерти Манучехра Афрасийаб сумел захватить Ирак (Вавилон), но через двенадцать лет был вытеснен Заву, сыном Тахмасба, одним из потомков Манучехра, в Туркестан (Нувайри, XV, 149).

50. Кей Хосров был царем персов после своего деда Кей Кабу-са, внука Заву, сына Тахмасба, изгнавшего Афрасийаба из Ирака за реку Балх. Кей Хосров пошел войной на Афрасийаба, желая отомстить за смерть своего отца Сийавуша, и ему удалось одолеть давнего врага персов и убить его. Афрасийаб, таким образом, воевал с несколькими поколениями персидских царей. Согласно преданию он был колдуном и жил 2000 лет (Бартольд. Соч., VI, 398).

51. Рустам был правителем области Сеистан при Кей Кабусе. Он воспитал Сийавуша, сына Кей Кабуса. Эпос содержит много преданий о подвигах Рустама, в том числе о его походе в Йемен (Нувайри, XV, 153).

52. Ираншахр — т. е. страна иранцев, иранское государство.

53. Персы во многих местах, в частности на Кавказе, возводили оборонительные сооружения против кочевников-тюрков. Однако уже ко времени арабских завоеваний эти сооружения по большей части утратили свое значение, а кое-где, например, в юго-восточном Прикаспии, они уже входили во владения самих же тюрков.

54. Зу-л-Карнайн (Двурогий) было прозвищем Александра Македонского в мусульманской литературе.

55. Арастуталис (Аристотель), как известно, был наставником Александра в юности, но вряд ли занимал при нем официальный пост советника, тем более не существовавшую в государстве Александра должность вазира. Однако мусульманские авторы считали, что Александр

всегда советовался с Аристотелем по государственным делам (Нувайри, XV, 239).

56. Автор турецкого перевода Ш. Йалткая считает, что отрывок со слов «Как может в стране, где до слов «.:воевать между собой» выпадает из общего повествования и потому утверждает, что до и после этого отрывка в тексте имеются пропуски. Однако Ш. йалткая, видимо, просто не уловил несколько нечеткой, но вполне логичной смысловой связи отрывка с остальным текстом. Автор говорит, что в стране, где люди привыкли проливать невинную кровь; трудно в короткое время установить всеобщий мир и порядок, сторонником которых был Аристотель. Здесь, как видимо, имеем указание на довольно распространенный в средневековой мусульманской литературе рассказ, что Александр будто бы советовался с Аристотелем, как ему поступить со знатными персами бесстрашными и воинственными, не желающими уступать друг другу. Аристотель будто бы посоветовал не убивать их, а создать для каждого отдельное государство, чтобы они соперничали друг с другом и не беспокоили Александра (Нувайри, XV, 164—165 241).

57. Ардашир б. Бабак (226—241). Основатель династии Сасанидов в Иране, правившей со времени после крушения Парфянского царства до мусульманского завоевания (226—651).

58. В средневековой арабской литературе сасанидская система управления государством считалась самой совершенной и достойной подражания, видимо, потому, что многие основные государственные учреждения создавались арабами по образцу сасанидских. Ардаширу I, строителю сасанидского государства, арабские источники приписывают ряд посланий и завещаний, регулирующих государственное управление. Укажем в качестве примера послание Ар-дашира своим подданным (Ибн Кутайба, I, 5), или его наставления вазирам (Джахшйари, 8).

59. Мусульмане-арабы при завоевании областей иноверцев предлагали либо принять ислам, либо сохранить веру и платить унижительный налог—дань. При отказе от одного и другого решения, они начинали сражение, и в случае успеха решали судьбу побежденных по своему усмотрению. Основные области сасанидского государства были покорены силой: земля оставалась в руках прежних владельцев, но была обложена тяжелым земельным налогом (Абу Йусуф, 68, 128—129, 193).

60. В арабских источниках нет указаний на то, что Ардашир уступил тюркам какие-то земли и заключил с ними мир. Однако его преемникам, особенно в VI — начале VII вв. часто приходилось напрягать свои силы в борьбе с тюрками как на Кавказе, так и в Средней Азии, уступать им земли и заключать невыгодные для себя договоры.

61. Это описание характерных черт внешности и натуры тюрков, по-видимому, восходит к ранним представлениям арабов о них (см.: Введение, с. 24), но как видим, имеет более положительную окраску.

62. Об этих качествах тюрков двумя столетиями раньше говорил Джахнз. Видимо, у него и позаимствовал эти сравнения Ибн Хассул.

63. Ведение войны против неверных с целью распространения ислама — одна из обязанностей мусульманина. Однако, вопреки распространенному мнению, расширение границ мусульманского мира вовсе не обязательно должно происходить военным путем, но может быть достигнуто мирной пропагандой. Следует отметить, что сама концепция священной войны (джихада) складывалась уже

- после арабских завоеваний и, по-видимому, первые арабские завоеватели ведение этой войны своим религиозным долгом не считали.
64. Тюркские рабы первоначально все-таки принуждались к унижительному рабскому труду в доме хозяина. Об этом говорят, например, прозвища таких тюркских военачальников, как Итах ат-Таббах (Повар), или Джа'фар ал-Хаййат (Портной). Но впоследствии они преимущественно использовались на военной службе. Несомненно, что рабское положение такого воина, если и сохранялось, то формально и он пользовался значительной свободой.
65. Хаджиб — высший военный чин в гвардии халифа и других мусульманских государей (Низам ул-Мулк, 110—111, 321, прим. 115).
66. Любопытно, что в отличие от ал-Джахиза (Манакиб, 21) Ибн Хассул подчеркивает разницу между хорасанцами и тюрками. Ситуация в государстве изменилась. Если в IX в. хорасанцы составляли значительную часть халифского войска и тюрки соперничали с ними за честь быть приближенными халифа, то при Сельджукидах хорасанцы, естественно, утратили свои прежние позиции.
67. В Египте с середины IX в. правили тюркские династии Тулунидов (868—905) и Ихшидидов (935—969). А Фатимиды, zenith власти которых приходился на длительное правление ал-Мустанси-ра (1036—1094), который был современником первых трех великих Сельджукидов Тогрул-бека (1038—1063), Алп-Арслана (1063—1072) и Малик-шаха (1072—1092), очень широко использовали тюрков на военной службе, начиная с ал-Азиза (975—996).
68. См. наст. изд. с. 124 прим. 13.
69. В эпоху раннего ислама хамра (красные) арабы называли чужеземцев, преимущественно персов. Как в Коране, так и в преданиях имеется немало указаний на то, что ислам не является какой-то новой религией и что Мухаммад был послан для возвращения заблудших вновь на путь истинный.
70. Мусульманская династия, правившая сначала в Мавераннахре, а с 900 г. и в Хорасане (819—1005). Владения Саманидов в конце X в. были захвачены Караханидами и Газневидами.
71. Себук-тегин (977—997) — основатель династии Газневидов (977—1186). Первоначально был тюркским рабом на службе у тюркского же военачальника Саманидов Алп-тегина, а затем после Алп-тегина и ряда его преемников стал правителем Газны (Афганистан) от имени Саманидов.
72. Махмуд (998—1030). Сын правителя Газны Себук-тегина. При нем государство Газневидов превратилось в самое обширное и могущественное мусульманское государство после Аббасидского халифата и включало Хорасан, Хорезм, Рей, Хамадан, ряд областей Индии. Ему наследовал сын Мухаммад (1030—1031) А при другом сыне Махмуда Мас'уде (1031—1041) Газневидам Рыл нанесен сокрушительный удар: Хорасан и Хорезм были у них отобраны Сельджукидами.
74. Тогрул-бек (1038—1063) — первый из великих Сельджукидов (1038—1157). Сельджукиды происходили из огузского рода кынык, в конце X в. приняли ислам и стали проникать в мусульманский мир, став во главе широкого движения огузских племен, принявших ислам. Придя в столкновение с Газневидами, они нанесли им сокрушительное поражение и отобраны у них Хорасан. р 1038 г. Тогрул-бек провозгласил себя султаном

в г. Нишапуре.

74. Имя вазира ал-Кундури было Мухаммад. Мансуром звали его отца. Родился в 1019 г. Был вазиром султана Тогрула в 1055—1064 гг. Имеются основания полагать, что он был убит после вступления на престол Алп-Арслана по прямому подстрекательству вазира Низама ал-Мулка (Низам ал-Мулк, 334). Рассказ о нем имеется у ал-Хусайни (Хусайни—Буниятрв, 40—43, 186—187)

75. Формулы славословия включали различные эпитеты Аллаха. Перед богословами-традиционалистами стояла задача исключить такие эпитеты, которые подразумевали бы наличие у Аллаха каких-либо антропоморфных качеств.

76. Ислам признает всех основных пророков Ветхого и Нового Завета, но Мухаммад был последним пророком и «печатью пророков».

77. Сунна—источник мусульманского права, содержащий рассказы о жизни и деятельности Мухаммада. Мусульмане-сунниты признавали силу закона только за рассказами о Мухаммеде, в отличие от шиитов, признававших такое право и за рассказами об Али и его потомках.

78. В мусульманском богословии примерно с конца VIII в. происходила дискуссия о вечности или сотворенности Корана, основного объекта божественного знания. В первой половине IX в., в правление халифов ал-Мамуна (813—833), ал-Мутасима (833—842) и ал-Васика (842—847) официальной религиозной доктриной стало рационалистическое учение му'тазилитов, отрицавших вечность (у Ибн Хассула «чудо») Корана на том основании, что его вечность, (несотворенность) наряду с вечностью творца равносильна политеизму. Однако преемник ал-Васика халиф ал-Мутаваккиль (847 — 861) вновь обратился к традиционным представлениям о вечности и несотворенности Корана. Тем не менее еще определенное время этот богословский спор продолжался.

79. *Мухкам ва мутаабих*. Мусульманские правоведы среди юридических норм и предписаний, содержащихся в Коране, различали как точные, не допускающие различных толкований (мухкам), так и недостаточно ясные, не только допускающие различное понимание их смысла, но и предполагающие их конкретизацию на основе свободного суждения авторитетных правоведов (иджтихад).

80. *Насих ва мансук* (отменяющие и отмененные). Богословы и исследователи находили в Коране много противоречивых мест (по некоторым подсчетам, 225). Если признавать, что автором коранических стихов является Мухаммад и что с самого начала эти стихи имели законодательное значение, то весьма вероятно, что Мухаммад в зависимости от меняющихся обстоятельств оказывался вынужден отменять прежние установки или уточнять их. Право на это, видимо, и формулируется в одном из стихов Корана: «Всякий раз, как мы отменяем стих, или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он, или похожий на него» (Коран, 2, 100). Впоследствии богословами было разработано учение об отменяющих стихах Корана (насих) и отмененных (мансук). По их мнению, 40 из 114 глав Корана содержат отмененные стихи.

81. *Му'аррида ва мусарриха* (намекающие и открыто говорящие), *хафиййа ва джалиййа* (со скрытым и явным смыслом). Особенностью Корана является отрывочность его содержания, отсутствие смысловой связи между его главами (сурами) и стихами(айатами). Часто невозможным

оказывается установить и хронологическую связь между ними. Тем не менее уже в самый ранний период толкователи усматривали в отдельных частях беглые и скрытые намеки на события из жизни Мухаммеда. Установление этой связи и датировка коранических аятов и сур стали одной из основных задач ученых богословов и исламоведов.

82. *Фарида*. Знание как воплощение божественной истины по представлениям некоторых богословов состоит из трех вещей: ясных (стихов Корана, признанной сунны и религиозного долга или предписания—*фарида*) (Роузентал, 1978, 180).

83. В религиозной общине первых мусульман не было должности, соответствовавшей должности вазира в халифате эпохи его расцвета. Однако само слово вазир, вероятно, арабского происхождения, оно было в ходу у арабов раннеисламского периода и означало «помощник», о чем свидетельствует эпизод сразу после смерти Мухаммада, когда его сподвижникам-мединцам было предложено в качестве компромисса избрать из своей среды вазира в помощь халифу из курейшитов. Так что Мухаммад вряд ли мог знать о функциях вазира и тем более определять их, или выдвигать ему требования. В более позднюю эпоху в мусульманской литературе получили распространение рассказы о справедливых и мудрых вазирах, восходящие к сасанидской традиции и иранскому эпосу (Джахшийари, 7—9).

84. *Ал-амир ал-исфаксалар*. Высший воинский титул, дававшийся в государстве великих Сельджукидов главнокомандующему всем сельджукским войском, или войсками важнейших областей, таких, например, как Хорасан (Хусайни—Буниятов, 229). Ибрахим б. Иусуф был двоюродным братом Тогрул-бека и одним из главных лидеров сельджукского движения. Кроме титула Сейф ад-Даула имел и тюркский титул Инал. Он возглавлял огузов в походах на Керман, Фарс, Ирак, Закавказье. В 1050 г. Ибрахим Инал поднял мятеж против Тогрул-бека, был разбит и сдался на милость победителя. Но султан Тогрул его помиловал и вернул многое из его имущества и прежних привилегий. Однако в 1059 г. Ибрахим вновь выступил против султана. Сражение между ними произошло недалеко от Рея и окончилось победой Тогрул-бека. Ибрахим бежал, но был схвачен и, по приказу Тогрул-бека, удушен тетивой его собственного лука (Агаджанов, 216—219).

85. Среди руководителей движения Сельджукидов в начале XI в. не было, по всей видимости, единодушия в том, как относиться к покоренному населению. Тогрул-бек действительно придерживался наиболее умеренного курса и был сторонником мягкого обращения с населением. Примечателен эпизод после взятия Ниша-пура летом 1038 г., когда сельджукские вожди, в том числе и Дауд Чагры-бек, требовали беспощадного разграбления города, оказавшего упорное сопротивление, но Тогрул-бек не допустил этого и распорядился не трогать горожан и не притеснять подданных. Такая политика способствовала укреплению авторитета Тогрул-бека и постепенному его выдвижению на первое место среди вождей сельджукского движения (Хусайни—Буниятов, 180).

86. Здесь намек на истинное происхождение Бундов (см.: прим. 3).

87. Ибн Хассул, указывая на Сарджука как на родоначальника [Сельджукидов, стоит особняком от версий других источников, где имеются указания на Тугага, отца Сельджука—Сарджука

(См.: Хусайни — Буниятов, 172). Тугаг, видимо, был только почетный титул. Вместе с тем некоторые источники сообщают, что предками Сельжука были люди далеко не знатного происхождения — Кере-кучи-ходжа, мастер по изготовлению кибиток, и его сын Тугшар-мыш. Видимо, происхождение от добившегося высокого положения Сельджука больше соответствовало султанскому величию Тогруд-бека, чем выведение его родословной от его более раннего предка — простого ремесленника (Агаджапов, 1969 165—168). Выбор Ибн Хассулом родословной от Сарджука хорошо характеризует цель его сочинения.

88. Сообщение о стычке между Сарджуком и хазарским царем служит указанием на то, что потомок Керекучи-ходжи сумел возвыситься, по-видимому, до положения полунезависимого владетеля или, по крайней мере, предводителя крупных военных сил тюрков. 89. Зурайр б. Ала ад-Даула. Дополнительных известий о нем обнаружить не удалось. Возможно, это сын Ала ад-Даула Мухаммеда б. Каку (1008—1041), правителя Исфахана, Йезда, Ни-хавенда и Хамадана (Хусайни—Буниятов, 178).

90. Джарбазакан. Так назывались два города. Один в Таба-ристане между Астрабадом и Гурганом. Но, по всей вероятности, имеется в виду другой, более крупный город недалеко от Хамадана, где в XI—XII вв. размещался монетный двор (Якут, Булдан, II, 46—47).

91. Хасан б. Мухаммед ас-Сагани—языковед и богослов-традиционалист (ум. 650/1252 г.).

СОКРАЩЕНИЯ

- ИАН СССР- Известия Академии СССР. М.Л.
ИАН Азерб.СССР—Известия Академии наук Аз СССР. Серия истории, философии и права.—Баку. ИВ АН Азерб.
ССР—Институт востоковедения Академии наук
АзССР. ИРАН — Известия Российской Академии наук.—Пг. ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.—М.—Л.
НАА—Народы Азии и Африки. История, экономика, культура .-М.
ПС—Палестинский сборник,—М.—Л. СЭ—Советская этнография.—М.—Л.,
ТИИАЭ АН Каз. ССР—Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР—Алма-Ата.
ТС—Тюркологический сборник.—М. BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje Lugduni Batavorum. 1870—1894.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies of University of London:—London: DI — Der Islam. Strassburg — Berlin.
CHI — The Cambridge History of Iran. vol. 1—6. Cambridge 1968—1986.
EI — The Encyclopaedia of Islam. New ed.
JAOS — Journal of the American Oriental Society. New York—New Haven.
JRAS — Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland—London.
JTS — Journal of Turkish Studies—Boston. ТТКВ — Turk Tarih Kurumu Belieteni.—Ankara.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА*

- Абу Йусуф — Китаб ал-харадж ли-л-кади Аби Йусуф Йа'куб ибн Ибрахим сахиб ал-имам Аби Ханифа—Ал-кахира 1346/1927—28. Абу ал-Фарадж ал-Исфахани. Книга песен — Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен. Перевод с арабского А. Б. Халидова 5. Я. Шидфар. — М., 1980.
- Агани—Китаб ал-агани. Та'лиф Аби ал-Фарадж ал-Исбахани. Дж. 1—14. — Ал-Кахира, б. г.
- Ал-Аскалани. Лисан ал-мизан — Ибн Хаджар ал-Аскалани. Ли-санал-мизан Дж. 1—7. — Бейрут 1971.
- Ал-Аскалани. Тахзиб — Ибн Хаджар ал-Аскалани. Тахзиб ат-Тахзиб. Дж. 1—12. — Бейрут, 1968.
- Балазури, Каир—Ахмад б. йахйа ал-Балазури. Китаб Футух ал-булдан. — Ал-Кахира, 1958.
- Джахиз, Манакиб — Рисала ила ал-Фатх б. Хакан фи Манакиб ат-турк ва аммати джунд ал-хилафа. — *Tria opuscula auctore Abu Otliman Amr idn Bahr al—Djahiz Basrensi. Quae edidit G. van Vloten.* — *Lugduni Batavorum*, 1903, 1—56.
- Джахиз, Фахр ас-судан—Китаб фахр ас-судан ала ал-байдан— *Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al—Djahiz Basrensi. Quae edidit G. van Vloten. Lugduni Batavorum*, 1903, 57— 85.
- Джахиз Хайаван — Абу Усман Амр б. Бахр ал-Джахиз. Китаб ал-Хайаван.' — Каир, 1323—24/1905—06.
- Джахшийари—Мухаммад б. Абдус ал-Джахшийари. Китаб ал-вузара ва ал-куттаб. — Ал-Кахира, 1938.
- Динавари — *Abu Hanifa ad—Dinaveri. Kitab al—Ahbar at— Tiwal Publie par Vladimir Guirgass.* — *Lei'de*, 1888.
- Захаби. Ал-Ибар — Ал-Хафиз Мухаммад б. Ахмад аз-Захаби. Ал-Ибар фи хабар ман габар. Дж. 1—3. — Ал-Кувейт, 1960—1961.
- Захаби. Таджрид. — Ал-Хафиз Абу Абдаллах Мухаммад б. Ахмад аз-Захаби. Таджрид асма ас-сахаба. Дж. 1—2. — Бомбей, 1969.
- Ибн ал-Асир — *Ibn el—Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. J. Tornberg, vol. 1—14. *Upsalie et Lugduni Batavorum*, 1851—1876.
- Ибн ал-Ибри — Тарих мухтасар ад-дувал ли-Григориус ал-Ма-лати ал-ма'руф би-Ибн ал-Ибри.—Бейрут, 1958.
- Ибн Касир — Имад ад-Дин ал-Хафиз Ибн Касир. Ал-Бидайа ва ан-нихайа. — Бейрут, Дж. 1—2: 1974, Дж. 3—14: 1966.
- Ибн Кутайба — Абу Мухаммад Абдаллах б. Муслим б. Кутайба ад Динавари. Уйун ал-ахбар. Дж. 1—2. — Ал-кахира, 1963.
- Ибн Са'д—Ибн Са'д. Ат-Табакац ал-кубра. Дж. 1—8—Бейрут, 1968.

* *Источники представлены отдельным списком: ссылки на них в примечаниях давались без указания года издания.*

- Ибн ал-Факих. Мешхедская рукопись — Мешхедская рукопись книги Ибн ал-Факиха ал-Хамадани «Ахбар ал-булдан», л 16— 1826. — Библиотека ЛО ИВ АН СССР. Инв. 1937, Ф—В 202.
- Ибн ал-Факих. Мухтасар. — *Compendium libri Kitab al-Bol-dan auctore Ibn al-Fakih al-Namadani: Quod edidit, indicibus et glassario instruxit M. J. de Goeje* — BAG, Pars V, Lugduni Batavorum 1885.
- Ибн ал-Факих—Жамкочян.—Ибн ал-Факих. Ахбар ал-булдан (Известия о странах). Введение, перев. с арабск., издание текста и комментарий А. С. Жамкочяна. — Ереван, 1979.
- Ибн Хассул — *Kitab tafdyal al-atrak ala sair al-adjnad wa manaqib al-xadra al-aliya as-sultaniyya. Tasnif al-wazir Abu al-Ala Ibn Hassul.* — ТТКВ, 1940, IV, 14—15, Have 1—51.
- Ибн Хассул—Йалткайа — *Abbas Azzavi. Ibni Hassulfin Turkler hakkinda bir eseri. Tiirkceye ceviren S. Yaltkaya.* — ТТКВ, 1940, с. IV, s. 14-15, 235—267.
- Ибн Хордадбех — *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kasem Obaidallah ibn Khor-dadhbekh*—BAG: Edidit M. J. de Goeje. Pars VI. Lugduni Bata-vorum, 1889.
- Ибн Хордадбех — Велиханова — Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Перев. с арабск., исследование, указатели и карты Н. Ве-лихановой. — Баку, 1986.
- Истахри, Каир — *Абу Исхак ал-Истахри. Ал-масалик ва ал-ма-малик.* — Ал-Кахира, 1961.
- Йакуби. Булдан *Kitab al-Boldan auctore Ahmad ibn Abi Jacub ibn Wadhuh ai-Katib al-Jacul*—BAG, edidit M. J. de Goeje. Pars VII. Lu,gduni Batavorum, 1892.
- Йакуби. Тарих — *Ibn Wabhih qui bicitur al-Ja'qubi; Historiae Historiam isloricam continens.* Ed, M, Th. Houtsma. Pars 2—Lugduni Batavorum, 1883.
- Йакут. Булдан — *Jacut'e geographisches Worterbuch aus den Handschriften zu ... hrsg. von F. Wtistenfeld.* Bd. 1—6. Leipzig 1866—1873.
- йакут. Иршад — *The Irshad al Arib ila Ma rifat al-Adib or Dictionary of Learned men of Yacut.* — Edt. by D. S. Margo-liouth Leyden— London, 1913.
- Кудам — *Excerpta e Kitab al-Kharabj auctore Kodama ibn Djafar* — BGA. Edidit M. J. de Goeje. Pars VI,— Lugduni Batavorum, 1889.
- Ластивертци — Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци. Перев. с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна. — М., 1968.
- Марвази — *Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text with an English transl. and comment, by V. Minorsky.* — London, 1942.
- Марко Поло—Книга Марко Поло. Перев. старофранцузск. текста И. П. Минаева. Редакция и вступительная статья И. П. Магидовича.—М., 1956.
- Муджам кабаил ал-араб. — *Муджам кабаил ал-араб ал-кади-ма ва-л-хадиса. Талифа Умар Каххала.*—Бейрут, 1968.
- Масуди—*Абу ал-Хасан ал-Мас'\ди. Мурудж аз-захаб ва ма адин ал-джаухар.* Дж. 1—2 [Каир] 1303/1303/1886
- Мукаддаси — *Descriptio imperii Moslemici auctore Mohammad*

- ibn Ahmad al-Mokaddasi. Ed. M. de Goeje, — BGA, Pars III, Lugduni Batavolum, 1877.
- Наршахи — Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин, под ред. В. В. Бартольд.—Ташкент, 1897. Низам ал-Мулк — Сиасет-наме. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулка. Перев. с персидск. Б. Н. Заходера.—М 1949.
- Нувайри — Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб. Талиф Шихаб ад-Дин Ахмад б. Абд ал-Ваххаб ан-Нувайри. дж. I—19.—Ал-Ка-хира, [б. г.].
- Рассаил — Рассаил ли-Аби Исхак ибн Хилал ибн Ибрахим ал-Харрани ас-Саби — Ба'абда (Лубнан), 1898.
- Сабаик аз-захаб — Мухаммад Амин ал-Багдади ас-Сувайди. Сабаик аз-захаб фи ма'рифат кабаил ал-араб. [Багдад], [б. г.].
- Саби, Вузара — The Historical remains of Hilal al-Sabi: First part of his Kitab al-Wusara (Gotha Ms 1756). Edited with notes and glossary by H. F. Amedroz. — Leyden 1904.
- Саби, Русум — Русум дар ал-хилафа. Талиф Аби ал-Хасан Хилал ибн ал-Мухассин ас-Саби. Унийа би тахкикихи ва ат-та'лик алайхи ва нашрихи Микаил Аввад. — Багдад 1383/1964.
- Саби. Установления — Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа). Перев. с арабск., предисловие и примечания И. Б. Михайловой. — М., 1983.
- Суйути— Джалал ад-Дин ас-Суйути. Тарих ал-хулафа умара ал-муминин. — Ал-Кахира. 1305/1888.
- Сули, Ахбар ар-Ради—Ахбар ар-Ради ва ал-Муттаки мин Китаб ал-Аурак ли-Аби Бакр Мухаммад б. йахйа ас-Сули. — Бейрут, 1983.
- Табари — Annales guos scripsit Abu Dja'iar Mohammad ibn Djarir at—Tabari cumallis ed. M. J. de Goeje, ser. 1—III.—Lugduni Batavorum 1879—1901.
- Татиммат сиван ал-хикма — \li b. Zaid al-Baihaki: Tatimma siwan al-hikma—Lahore, 1935:
- Уйун ва ал-хадаик — Ал-Уйун ва ал-хадаик фи ахбар ал-ха-каик ли-л-муаллиф ал-маджхул—Мактаба ал-Мусанна; Баг дад, р. г].
- Уолкер — С. Т. Н. Walker. Jahiz of Basra to al-Fath ibrt Khaqan on the «Exploits of the Turks and the army of the Khali-fate» — JRAS, 1915, 631—697.
- Фахри — Muhammad b. Ali b. Tabtaba Ibn Tiqtaqa. Al-Fakhri transl. by C. E. J. Whitting. — London,, 1947,
- Фихрист — Мухаммад б. Исхак б. ан-Надим. Ал-Фихрист.— Бейрут, 1964.
- Ханбали. Шазарат аз-захаб. — Ибн ал-Имад ал-Ханбали. Шазарат аз-захаб фи ахбар ман захаб. Дж. 1—8. — Бейрут, [б. г.].
- Хатиб ал-Багдади — Тарих Багдад ау Мадинат ас-салам ли-л-хафиз Аби Бакр Ахмад б. Али ал-Хатиб ал-Багдади. Дж. 1— 14 — Ал-Кахира, 1349/1931.
- Хусайни—Буниятов — Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-даулат ас-селджукийя (Сообщение о сельджукском государстве). Издание текста, перевод, введен, примечания и приложения 3. М. Буниятова. — М., 1980.
- Агаджанов, 1969 — С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. — Ашхабад, 1969.

- Алексеев, 1980—Н. А. Алексеев. Ранние формы религии тюрк-коязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1980.
- Артамонов, 1962 — М. И. Артамонов. История хазар. — Л., 1962.
- Асадов, 1986 — Ф. М. Асадов. Размер жалования воинам в Аббасидском халифате в VIII—IX веках.—Известия АН АзССР. Серия истории, философии и права, 1986, №1, 80—84.
- Асадов, 1987 — Ф. М. Асадов. Доходы халифата с Савада в VII—начале X веков. — НАА, 1987, №1, 55—65.
- Асадов, 1988. — Ф. М. Асадов. Численность тюркской гвардии Аббасидов в IX—начале X вв. — Проблемы зарубежного Востока: история и современность.—Баку, 1988, 125—139.
- Бартольд. Соч.—В. В. Бартольд. Собрание сочинений. Т. 1 — 9.—М., 1963—1977.
- Бартольд: Туркестан—В. В. Бартольд: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Собр. соч., т. I, М., 1963, 45—697.
- Башир 1978 В. J. Beshir. Fatimid Military organization — DI, 1978, band 55/1, 37—56.
- Беляев, 1966—Е. А. Беляев, Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье.—М., 1966.
- Бернштам, 1950 — Материалы и исследования по археологии СССР № 14. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». Составлены под руководством А. Н. Бернштама. — М.—Л., 1950.
- Бичурин 1950—Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступительная статья, комментарий А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III, 1950—1953.
- Большаков, 1984 — О. Г. Большаков. Средневековый город Ближнего Востока VII — середины XIII вв. Социально-экономические отношения. — М., 1984.
- Босворт, 1960— С. Е. Bosworth. Ghaznevid military organization. DI, band 36/1—2, 1960, 37—77.
- Босворт. 1981 — К. Э. Босворт. Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире. — Мусульманский мир (950—1150), М., 1960].
- Босворт, 1971 — К. Э. Босворт. Мусульманские династии. — М., 1971,
- Булгаков—Халидов, 1960—П. Г. Булгаков, А. Б. Халидов Вторая записка Абу Дулафа. Издание текста, пер., введение и ком-Мент. — М., 1960.
- Буниятов, 1969 — З. М. Буниятов. Азербайджан в VII— XI вв. — Баку, 1965.
- Буниятов, 1969 — З. М. Буниятов. Начало господства тюрками в халифате Аббасидов (830—870).—Известия АН АзССР. Серия истории, философии и права, 1969, №1, 51—58.
- Буниятов, 1973 — З. М. Буниятов, М. С. Нейматова. Новый документ по истории Ширвана XII в.—Доклады АН АзССР, 1973, № 11—12, 85—90.
- Валидов, 1924 — А. З. Валидов. Мешхедская рукопись *Ибн ал-Факиха*, — ИРАН, сер. VI, т. XVIII, 1924, 237-251.
- Васильев, 1907 — А. А. Васильев. Византия и арабы. Т. 1--2. — СПб., 1907.

- Васильев, 1897 — В. П. Васильев, Китайские Надписи в бр. хонских памятниках в Кошоцайтане и Карабалсагуне. — Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. III.—СПб., 1897.
- Васильев, 1982 — А. М. Васильев. История Саудовской Аравии. — М, 1982.
- Гибб, 1974 — Н. А. R. Gibb. *Saladin: Studies in Islamic History.* — Beirut 1974.
- Гойтеин, 1966 — S. D. Goitein. *Studies in Islamic History and Institutions.* — Leiden, 1966.
- Григорьев, 1872 — В. В. Григорьев. Об арабском путешественнике X-го века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии—Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. 163, 1872, отд. 2, 1—45.
- Гумилев, 1966 — Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. — М 1966.
- Гумилев, 1967 — Л. Н. Гумилев. Древние тюрки.—М., 1967.
- Гюналтай, 1942 — S. Gunaltay. *Abbas ogullari imperatorlugunun kurulus ve yukselisinde Turklerin rolu* — ТТКВ, 1942, 6, 177—205.
- Долс, 1983 г- М. W. Dols. *Slave Soldiers and Islam: The Genesis of a military System.* By Daniel Pipes. New Haven 1981. — Review in JAOS, vol. 103. 3, 633—635.
- Ал-Дури, 1944 — А. Ал-Дури. Ал-Аср ал-аббаси ал-аввал. Дирасат фи ат-тарих ас-сийаси ва ал-идари ва ал-алами. — Багдад, 1944.
- Зайончковский, 1966—А. Зайончковский. Старейшие арабские хадисы о тюрках. — ТС, 1966, 194—201.
- Зейдан, 1907 — *Umayyads and Abbasids being the fourth part of Jirji Zeyban's History of Islamic civilization*, transl. by D. S. Margoliouth. —Leyden—London, 1907.
- Исмаил, 1968 — O. S. A. Ismail. *The founding of a new capital: Samarra* — BSOAS, vol. 31, 1968, 1—13.
- Исмаил, 1966 — O. S. A. Ismafl. *Mutasim and the Turks.* BSOAS, vol. 29, 1966, 12—24.
- Илдиз, 1976 - Н. D. Yildiz. *Islamiyet ve turkler:- Ista bul*, 1976.,
- Казн, 1981 — К. Казн. Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире. — Мусульманский мир (950—1150). М., 1981, 111—122.
- Кеннеди, 1981— Н. Kennedy. *The Early Abbasid Caliphate, A politic History.* — London, 1981.
- Китабчи, 1985 — Z. Kitapck Emeviler devrinde Orta-Asya ma-halli Turk hiikumdar ve aristokratlari arasinda islamiyetin yayile-si. — Bejinci Milletler Arasi Turkoloju congressi. Istanbul 1985. Tabigler III. Turk Tarihi. Cilt I, 359—376.
- Кёпрюлю, 1944 — М. F. Kopriilu. *Kav kabilesi hakkında yeni notlar.* — ТТКВ, с VIII, s. 31, 421—452."
- Ковалевский, 1956 — А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. — Харьков, 1956.
- Колесников, 1982 — А. И. Колесников. Завоевание Ирана арабами. — М., 1982.
- Крачковский, Соч. — И. Ю. Крачковский. *Избранные сочинения*, т. 1—6.—М.—Л. т. IV—1957.

Куббель 1959 — Л. Е. Куббель. 6 некоторых чертах военной истемы

- Омайядов (661—750). — ПС, 1959, 112—132.
- Кумеков, 1972—Б. Е. Кумеков. Государство кимаков IX— I вв. по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972.
- Леви, 1957 — R. Levy. The social structure of Islam. — Cambridge, 1957.
- Мавродина, 1978 — Р. М. Мавродина. Русь и кочевники. — Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, 210—222.
- Малов, 1947 — С. Е. Малов. Шаманский камень «яда» у тюр-ов Западного Китая. — СЭ, 1947, №1. 151—160.
- Мандельштам, 1956 — А. М. Мандельштам. Характеристика арок IX в. в «Послании Фатху ибн Хакану» ал-Джахиза. — ИИАЭ АН Каз ССР т. I.
- Медников, 1898—Н. А. Медников. Палестина от завоевания е арабами до крестовых походов по арабским источникам. Приложения 2(3-).—СПб, 1898.
- Медников, 1903 — Н. А. Медников. Палестина от завоевания е арабами до крестовых походов по арабским источникам. Иссле-ования. — СПб. 1903.
- Мец, 1966 — А. Мец. Мусульманский Ренессанс. Пер. с нем., редисловие Д. Е. Бертельса. — М., 1966.
- Минорский, 1948—V. Minorsky. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs. — BSOAS, vol. XII, pt. 2, 1948, 279—305.
- Надирадзе. 1975 — Л. И. Надирадзе. Проблемы феодальных отношений в халифате VII—XI вв.: Автореф. дис, д-ра. ист. наук.— М., 1975.
- Новосельцев, 1980—А. П. Новосельцев. Генезис феодализма в странах Закавказья: Опыт сравнительно-исторического исследования. — М., 1980.
- Омар, 1974 — Ф. Омар. Ал-хилафа ал-аббасийа фи аср ал-фауда ал-аскарыййа.—Багдад, 1974.
- Очерки — Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III— IX вв. — М., 1958.
- Пайпс, 1978 — D. Pipes. Turks in Early Muslim Service — JTS, 1978, 2, 85—96.
- Пайпс, 1981 — D. Pipes. Slave soldiers and Islam: The Genesis of a military System. — New Haven, 1981:
- Петрушевский, 1966 — И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв. Курс лекций.—Л., 1966.
- Пигулевская, .1946 — Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже V и VI вв. — М. — Л., 1946.
- Пигулевская, 1964 — Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М,—Л., 1964.
- Пиотровский, 1977 — М. Б. Пиотровский. Предание о хим-"аритском царе Ас'аде ал-Камиле.—М. 1977.
- Пиотровский, 1985 — М. Б. Пиотровский. Южная Аравия в аннее средневековье. Становление средневекового общества.— М., 1985.
- Рахматаллах, 1970—Малиха Рахматаллах. Ал-хала ал-джтима' иййа фи ал-Ирак фи ал-карнайни ас-салис ва ар-раби бада ал-хиджра. — Багдад, 1970.
- Роузентал, 1978 — Ф. Роузентал. Торжество знания: концепция знания в средневековом исламе (Перев. с англ.).—М., 1978.

Тлас, 1960 — М. Тлас, Тарих ал-умма ал-арабиййа — Бейрут 1960.

- Тоган, 1948 — Z. B. Togan. Ibn al-Fakihin Turklere ait Haberleri. — ТТКВ, 1948, 45, 11—16.
- Толлнер, 1971 — Н. Tollner. Die turkischen Garden am Kalifen-hof von Samarra. — Bonn, 1971.
- Хинц, 1970—В. Хинц. Мусульманские меры и веса г перевп дом в метрическую систему. — М, 1970.
- Хенниг, 1961 — Р. Хенниг. Неведомые земли. Перев. с немецк Л. Ф. Вольфсон и Р. З. Персиц. Т. 1—4.—М., 1961.
- Хитти, 1946— Ph. K. Hitti. History of the Arabs. — London 1946.
- Хусайн ал-Баша, 1957 — Хусайн ал-Баша. Ал-алкаб ад-исла-миййа фи ат-Тарих ва-л-васаик ва-л-асар. Ал-Кахира, 1957.
- Цкитишвили, 1968 — О. В. Цкитишвили. К истории города Багдада. Материалы к истории возникновения и развития феодального города на Ближнем Востоке.—Тбилиси, 1968.
- Шешен, 1967 — Hilafet ordusunun menkibetleri ve tiirklerin faziletleri (Manakib Cund el-Hilafa ve Fazail el-Etrak) yazan; Ebu Osman Amr b. Bahr el-Cahiz, ceviren: Ramazan Sesen, — Ankara (1967).
- Шешен, 1969- R. Seşen. Eski Araplara göre Turkler.—Turkiyat mecmuasi, с XV (1968). — Istanbul 1969, 11—36.
- Шидфар, 1962 — Б. Я. Шидфар. Историк и философ X—XI вв. Ибн Мискавайх и его эпоха: Автореф. дис... канд. ист. наук. — М. 1962.
- Штайн, 1981 — Л. Штайн. В черных шатрах бедуинов. — М., 1981.
- Эволюция восточных обществ—Э. Н. Галич, А. В.- Гордон, А. В. Журавский и др. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. — М., 1984.
- Якубовский, 1947—А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. — СЭ, 1947, №3. 48—54.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббад б. ал-Хассин 79, 155
Аббас 122, 123, 149, 152
Аббас ал-Аззави 37, 38
Аббас б. ал-Мамун 10
Аббасиды 8, 15, 20, 26—28, 58, 122, 129, 143, 147, 153
Абдаллах б. Абд ал-Мутталиб 108, 169, 170
Абдаллах б. Аббас 24, '43, 49
Абдаллах б. Амр 23, 24, 119
Абдаллах б. Вахб ар-Расибн 90, 158
Абдаллах б. аз-Зубайр 155, 157
Абдаллах б. Мас'уд 153
Абдаллах б. Тахир 11, 51, 129, 141
Абд ал-Карим Сатук Бугра-хан 5
Абд ал-Малик б. Салих 97, 100
Абд ал-Малик аз-Заййат 35
Абд Манаф 61, 108, 146, 170
Абд ал-Мутталиб 60, 108, 146, 169
Абд ар-Рахман б. Муслим,
Абу Муслим 67, 150—153
Абд Шамс 34, 61, 146, 170 ал-Абди 89, 157
Абир 60, 95, 145, 158
Абу ал-Аббас *см.* Иса б. Мухаммад ал-Марвази
Абу ал-Аббас ас-Саффах 153
Абу Абдаллах аш-Шафин *см.* аш-Шафии
Абу ал-Ала Ибн Хассул *см.* Ибн Хассул
Абу Амур ад-Дарир *см.* ад-Дарир
Абу Анса 66, 152
Абу Бакр 123, 161, 165 Абу ал-Батт 84, 156 Абу Джа'фар ат-Туми 166
Абу Дулаф 29, 125, 126
Абу Зайд ал-Балхи *см.* ал-Балхи
Абу Зубайд ат-Таи 85, 157
Абу Малик 49, 138
Абу Мансур *см.* Талха б. Зурайк
Абу Му'ита 67
Абу Мусаал-Аш'ари 36, 102, 161
Абу Муслим *см.* Абдаррахман б. Муслим
Абу Мухаммад ас-Садик 147 Абу Наср ал-Фараби *см.* ал-Фараби
Абу Салама *см.* Хафс б. Сулайман
Абу Салих 138 Абу Суфйан 63, 149
Абу Унса 67
Абу ал-Фадл ал-Вашаджарди 48, 135
Абу ал-Фарадж ал-Исфяхани 150, 154

Абу ал-Хасан ал-Аш'ари 148
Абу Хурайра 24, 43, 123, 124
Абу Шуджа Шабиб б. Бухарахудат ал-Балхи
см. Шабиб б. Бухарахудат ал-Балхи Авраам *см.* Ибрахим Агаджанов С. Г.
137 Агарь *см.* Хаджир
Адам 71, 72 Аднан 59, 144, 159
Адуд ад-Даула 104—108, 117, 162—164
Ажо 133
ал-Азиз (Фатимид) 173 Аиша 138, 166
Аksam б. ас-Сайфи 90, 158
Али б. Абдаллах (ал-Аббаси) 66, 152
Али б. Аби Талиб 62, 106, 124, 145, 147—149, 155, 165, 167
Али б. Вахсудан 164, 165
Али б. Джа'фар б. Ахмад аш-Шайзари 28—30
Али б. Джахм 16, 154, 157 Али б. Джудий
ал Кермани 63, 147, 150
Али б. Зайн 45, 129
Али б. Мухаммад ал-Хиджази ал-Каййини 27
Али ар-Рида 29 Алиды 147
Алп Арслан 173, 174 Алп-Темин 173.
Амаллас б. Акил б. Уллафа 97, 159
Амид ал-Мулк *см.* Мансур б. Мухаммад ал-Кундури Амид ал-Мулк
см. Мансур б. Мухаммад ал-Кндури
ал-Амин 153, 156, 157, 159
Амин ар-Рази 140
Амир б. Даббара 63, 150
Амлик 151
Амр б. А'ин, Абу Хамза 67
Амр б. ал-Ас 138
Амр б. Лайс (Саффарид) 141, 166
Антара ал-Абси 198, 170
Ань-Лушань 133
Арастугалис (Аристотель) 110, 171, 172
Ардашир б. Бабак 110, 145, 172
Асад б. Абдаллах 14
Асбак *см.* Ашбак Атика бинт Мурра 108, 170
Аус б. Хаджар 94, 97, 158
Афшин 10, 141,
Афрасийаб 110, 171
Афридун 109, 170, 171
Ахмад б. Асад Саманид 141
ал-Ахнас б. Шариф 60, 145
Ашинас 9, 15, 23, 26 Ашбак 49, 139

Бабек 7, 10, 129
Багир 12, 17
Бадр аз-Заквани 150

Байакбак 18
Байурасиф (Байварасп, ад-Даххак) 109, 170
ал-Балазури б Балкик б. Джабуяа 50, 51, 140
ал-Балхи 29
Бараз 160
Бармакиды 153 Бартольд В. В. 5, 32, 123 126, 131
Бар Эбрей *см.* Ибн ал-Ибри Басил б. Дабба 96,
158 Бахрам Гур (Джур) 108, 168, 169
Бахрам Чубин 148, 160
Башшар б. Бурд 74, 154
Бернштам А. Н. 134 Бруга аш-Шараби 18, 19
Бунды 38, 39, 162, 164, 167, 169, 175 Булгаков П. Г. 30
Буниятов З. М, 31
Валиди (Валидов) А. З., *см.* Тоган А, 3
Валид б. Йазид 101, 161
Валид б. Тариф 85, 157
ал-Васик 9, 25—27, 174
Васиф 15, 17—19, 35 Вахриз 170
Вахсудан б. Джустан 164, 167
Вахсудан б. Мухаммад 165
ал-Вахсуданийяа 106, 165
Велиханова Н. М. 26 Волин С. А, 31, 140
Выньцун 134
Газневиды 28, 173
Гао Сян-чжи 136, 137
Гардизи 126, 129, 134, 140
Гибб 11
Григорьев В. В. 30 'де Гуге 28—30
Гумилев Л. Н. 125, 127 Гурек 8
Дабба 159
ад-Дабби 83, 156
Давуд ад-Джураби 148
Давуд б. Мансур ал-Бадгиси 50, 140
Даджал 23
ад-Даргаман ал-Фергани 18
ад-Дарир, Абу Амр 36, 102, 161
Дауд Чагры-бек 175
ад-Даххак, *см.* Байурасиф Джамшид 170
Джа'фар б. Аби Талиб 152
Джа'фар б. Ахмад ал-Марвази, Абу ал-Аббас 139, 140
Джа'фар ал-Хайят, 173
ал-Джахиз 12—15, 26—29, 33—36, 38, 39, 56, 122, 124, 139, 143 145 149,
151, 155, 157, 161, 167, 168, 172, 173

Джахм б. Сафван ат-Тирмизи 100, 160
 Джум'а ал-Айядийа 89, 158
 Джунайд б. Абд ар-Рахман 14, 36, 97—99, 136, 159
 Джустан б. Вахсудан 165
 ал-Джустанийа (Джустаниды) 106, 164, 165, 167
 ад-Динавари 161
 Дирар б. ал-Азвар ал-Асади 61, 146
 Дуньмага-тархан *см.* Кат Кутлуг Бильге-хан Ева (Хава) 72
 Жамкочян А. С. 30
 Заву сын Тахмасба 171
 Зайд б. Хариса 66, 152
 Зайончковский А. 25
 Замран 139
 Зийад б. Абихи 14
 Зийад б. ал-Асфар 156
 Зийад б. Салих 136, 137
 Зубайр 165
 Зурара б. А'йан 148
 Зу ал-Карнайн (Александр Македонский) 255, 96, 110, 151, 172
 Зурайр б. Ала ад-Даула 117, 176

Иаков (Йакуб) 153
 Ибн Аббас, *см.* Абдаллах б. Аббас
 Ибн Асакир 138
 Ибн ал-Асир 133, 136, 137, 142, 165
 Ибн Джудай *см.* Али б. Джудай
 Ибн Даббар 65
 Ибн аз-Зубайр 89
 Ибн Зу ал-Кала 22
 Ибн ал-Ибри 21, 23, 149, 158
 Ибн Кутейба 145
 Ибн ан-Надим 28, 140, 154, 159
 Ибн Са'д 138
 Ибн ал-Факих 27-32, 43, 129-131, 134, 136, 137, 140, 142, 158
 Ибн Фадлан 29, 124, 130
 Ибн Халдун 133
 Ибн Ханбал 122, 166
 Ибн Хассул 27, 37-39, 103, 165, 171, 173, 175
 Ибн Хаукал 164
 Ибн Хордадбах 30, 32, 124-126, 129-132, 134
 Ибн Хубайра 63, 65, 150
 Ибрахим (Авраам) 23, 49, 71, 95, 96, 100, 138—140 145, 153, 15
 Ибрахим Инал 116, 175
 Ибрахим ас-Саби 38, 104, 106, 107, 117, 162, 164, 167
 Ибрахим б. ал-Аббас ас-Сули 7, 157
 Ибрахим б. Иусиф, Абу Исхак, *см.* Ибрахим Инал Ибрахим б.
 ал-Махди 9
 Ибрахим б. Синди 97 Ибрахим б. ал-Хасан б. ал-Хайсам. Абу Исхак
 49, 137

Идигань 131, 133, 135
ал-Идриси 119, 126, 130
Илийас б. Мудар 168
Иезекиил 119
Изз ад-Даула 105, 117, 162, 164
Иисус (Иса) 72, 153
Имад ад-Даула 162
Имруу ал-Кайс 150
Иоанн, см. Йуханна Ирадж 109, 171
Ираклий 160, 161
Ирбис Шегуй-хан 139
Ирм 145, 151
Иса б. А' ин, Абу ал-Хакам 67
Иса б. Мухаммад б. Иса ал-Марвази, Абу Аббас 49, 51, 140
Искандер см. Зу ал-Карнайн Исмаил 49, 60, 71, 95, 96, 108, 144, 145, 153,
167—169 Исмаил б. Ахмад 51, 134, 140—142
Исхак (Исаак) 49, 60, 72, 95, 145, 153, 169
ал-Истахри 128, 135, 167
Истеми-хан 160 Итах 15, 17, 35, 173
Ихшидиды 28, 173

Иазид б. Абд ал Малик 7
Иазид б. ал-Валид 36, 101, 161
Йазид б. Катада б. Ди'ама 85, 156
Йазид б. Мазйад 85, 157
Йазид б. Мухаллаб 6, 7, 160
ал-Йакуби 11, 15
Йакут 30, 119, 133, 135, 137, 140, 141, 151, 157, 164 165
Йа'ла б. Муниййа 60, 146
Иалткайа Ш. 37, 38, 172
Иансан 49, 139
Йасбак см. Иансан
Йафет см. Яфет
Иахйа б. Абдаллах 164
Иахайа б. Му'аз 75, 155
Иахшад (Ихшид) ас-Сугди 75, 155
Йездигерд Ш 169
Йуханна (Иоанн) 72, 119

Кавад Широё 101, 161
Кангариды (Мусафириды, Саллариды) 165
Кантура бинт Мактур (Мафтун) 23, 24, 95, 96, 138, 139
Караханиды 5, 28, 173
ал-Кармали 37
ал-Касим б. Ибрахим 167
ал-Касим б. Муджаши ал-Мазани, Абу Сахл 65
Касими б. Саййар 75, 77, 78, 154
Кат Кутлуг Бильге-хан 133
Кактаба б. Шабиб ат-Гаи, Дбу Хамид 65, 150—152

Кахтан 59, 60, 72, 95, 145
Кей Кабуе 171
Кей Хосров 171
Кеннеди Х. 11
Керекучи-ходжа 176
Кисра 60
Ковалевский А. П. 30, 130
Қрачковский И. Ю. 139
Кумеков Б. 129
Кудама б, 30, 119, 134
ал-Кундури, см. Мансур б. Мухаммад
Кусай 169, 170
Кусай б. Мунаббих 146
Кутайба б. Муслим б, 21, 89, 90, 158

Лаваз сын Сима 151
Ластивертци 119
Лахиз б. Тариз ал-Мазани, Абу Амр 65

Маврикий 160
Мадан 49, 139
Мадъан (Мадийан) 49
Мадин 49, 139
Мазйар б. Карин 7, 45, 129, 141
Мани 45
Малик-шах 173
Малик б. ат-Тавваф ал-Мазани 65, 152
Малик б. ал-Хайсам ал-Хузаи, Абу Наср 65, 151
ал-Мамун 8, 9, 15, 36, 51, 75, 84, 87, 141, 153—157, 165, 174
Мандельштам А. М. 36, 155
ал-Мансур 8, 26, 66, 151, 152, 156, 158
Мансур б, Мухаммад, ал-Кундури Имад ад-Дин Абу Наср 38
114, 116
Мануджахр (Манучехр) 109, 171 Марван (ал-Химар) 63, 65, 150, 159 Марван (б. ал-Хакам) 149, 161
Марваниды 149
Марзубан б. Джустан 164
Марзубан б. Мухаммад 165
Мариям (жена Хосров II) 101. 161
Марйам (Мария) 154
Маркварт И. 32 Марко Поло 126
Мас'уд Газневид 37, 113, 173
ал-Мас'уди 16, 133
ал-Махди 8, 48, 135, 157, 158
Махди б. Алван 9 Махдуджа 161
Махмуд Газневид 37, 113, 173
Махмуд ал-Гашгари 5, 125, 126, 142
Мец А. 34, 163 Минорский В. Ф. 30, 32, 130
Мис'ар б. Мухалхил см. Абу Дулаф Моянчур 32,
131—133 Му'авия 22, 43, 107, 124, 150, 155, 165, 166, 168

ал-Мубарак 157 Мубарак ат-Турки 8, 96, 158
ал-Муваффақ (Абу Ахмад) 14, 18—20
Музахим б. Хакан 18
Му'изз ад-Даула 105, 162, 163
ал-Мукаддаси 29
Муса б. Ашинас 18
Муса б. Буга, 17, 18
Муса б. Ка'б ал-Маррани 65
Мусайлима 149
Мусафириды *см.* Кангариды ал-Мустаин 18
ал-Мустансир (Фатимид) 173
ал-Мутаваккил 14, 15, 17, 18, 34, 35, 143, 174
ал-Мутталиб 170
ал-Му'тазз 17, 18
ал-Му'тасим 7—11, 13—16, 26, 34, 35, 73, 129, 141, 143, 157, 174
Мути б. Айяс ал-Лайси 74, 154
ал-Мути 163
ал-Мухтади 19
Муфлих 17
Мухаллаб б. Аби Суфра 78, 154, 155
Мухаммад б. 21, 22, 43, 105, 106, 108, 114, 116, 118, 123 124, 138, 143,
145—149, 152, 153, 156, 157, 159, 165, 167—170, 173—175
Мухаммад (Газневид) 113, 173
Мухаммад б. Абдаллах 18
Мухаммад б. Али 62, 66, 147, 149, 152, 159, 161
Мухаммад б. ал-Аш'ас 66, 152
Мухаммад б. Джахм 75, 86, 154, 157 (Мухаммад б.
Зайд (ад-даи ас-сагир) 164, 167
Мухаммад б. Йахйа ас-Сули 8
Мухаммад б. Мусафир 164, 165
Мухаммад б. ас-Саиб ал-Калби 138, 139
Мухаммад б. Саид ал-Адрак 154
Мухаммад б. Харун ас-Сарахси 167
Мухаммад б. ал-Хасан ас-Сагани *см.* Хасан б.
Мухаммад ас-Сагани Мухаммад, Эфенди ас-Суси ал-
Магриби 34
Мэуюй-хан Идигань *см.* Идигань

Набига 74, 154
ан-Навави 149
Наджа б. Амр 156
Наджиб Хамадани 140
Надирадзс Л. И. 12
Надр б. Кинана 108, 169
Наршахи 141
ан-Насириййа 106, 167
Насир-и Хосров 165
Наср б. Ахмад 128, 142
Наср б. Саййар 63, 136, 147, 150
Нафи б. ал-Азрак 155
Науфал 170

Низам ал-Мулк 174
Назак Тархан 8
Нин-го 133
Ной, *см.* Нух
Ну'айм 22
Ну'айм б. Хазим 15
Нуайм б. Наммад 123
Нубата б. Ханзала 63, 65, 150
ан-Нувайри 169, 171
Нух 139, 145
Нух б. Асад 15, 51, 141

Огуз-хан 126
Омар б. ал-Хаттаб (Умар) 22, 33, 43, 85, 89, 96, 123, 124, 152, 15
157, 161, 165
Омеййа 149, 168
Омеййады 6, 123, 124, 145, 149, 150, 157, 161, 165
Осман, (Усман) 62, 107, 149, 165, 167

Пайпс Д. 10, 14, 121 Пугу
Хуай-энь 133

Раби б. Макрух б. Кайс 156
ар-Рашид, Харун 135, 141, 153—155, 157, 159, 164
Роджер П 119
Рузбаи Сул 6
Рукн ад-Даула 162, 163
Рустам 171

ас-Са'алиби 37, 38
Са'ид б. ал-Ас 6
Са'ид ал-Хасан ас-Самарканди 53, 143
Са'ид б. Укба б. Салм ал-Хунаи 84, 85, 156
Салам 109, 110, 171
Салам б. ал-Абраш 15
Салих б. Али 97, 150, 159
Саллам Гарджуман 26, 122
Саллариды *см.* Кангариды
Сальман 147
Саманиды 113, 167, 173
Санджар 27
Сарджук (Сарчык, Сельджук) 38, 117, 175, 176
Сарра 49, 95, 145, 153, 154, 169
Сасаниды 164, 169, 171, 172
Сафван б. Саджан 159
Сахсах 150
Себуктегин 113, 173
Сейф ад-Даула 116
Сельджукиды 39, 117, 165, 168, 173, 175

Сийавуш 171
Сим 145, 151, 168
Сима ад,-Димашки 15
Согэ-хан 128
Сувайд б. Мукаррин 6
Судж 49, 139
Сул 6, 7, 119 Сулайман 72
Сулайман б. Касир ал-Хузаи, Абд Мухаммад 65, 151
Сулайман б. Хишам б. Абд ал-Малик 150
Сул Артакин (-тегин) 7
Сулиды 7, 8
Сулу 128, 136, 159
Сумама б. Ашрас 36, 75, 86, 87, 102, 154
Суфа б. Мурр 159
Суфан 96 Суфйаниды 150
Сух *см.* Судж С янь-ань 133
Сяньцзун 32, 133

ат-Табари 6, 7. 15, 17, 19, 21, 23, 123, 129, 133, 136, 142, 147, 151, 158

ат-Таи 105, 163

Талха 166
Талха б. Зурайк, Абу Мансур 153
Тамим б. Бахр ал-Мутавваи 30—33, 46, 129—135, 137, 140
Тахир б. ал-Хусайн Зу ал-Йаминейн 84, 141, 155, 156
Тахириды 9—11, 141, 156
Тираш 23
Тоган Л. 3. 29. 30, 32, 129, 132, 133, 143
Тогрул-бек 5, 28, 38, 113, 116—118, 165, 173, 175
Тугаг 175, 176
Тугдж-шад 8
Тулайха ал-Асади 146
Тулия ат-Турки (Тулаба) 85, 143, 157
Тур 109. 121, 171
Тулуниды 28, 173
Тхай-хо 32, 133

Укба б. Салм 156
Уккаша б. Мухсин 61, 146
Умар б. ал-Хаттаб *см.* Омар
Умар б. Исмаил, Абу Наджм 67
Уолкер 36, 147, 148, 154
Усама б. Зайд 66, 152
Усман *см.* Осман
Угамыш 17 Ухбан б. Аус 72, 154
Учжилэ 128

Фадл б. ал-Аббас б. Разин 36, 101, 161
Фадл б. Сахл 15, 187, 157
Фадл б. Йахйа 153

Файруз (Фируз) ад-Дейлеми 161, 167, 170
ал-Фараби 127
Фарасийаб *см.* Афрасийаб Фатима 108, 166
Фатима бинт Амр 170
Фатимиды 173
ал-Фатх б. Хакан 12, 27, 33—35, 38, 56, 142
Фируз *см.* Файруз
Фируз сын Йездигерда 161
Фирузшахи 101
Феофил 149
ван Флотен 34, 37
Фока 160

Хабиб б. Иса 51 ал-Хади 159
Хаджадж 157
Хаджир (Агарь) 95, 145, 153
Хаджи Халифа 37 Хазм б. Зайд 160
ал-Хайсам б. Ади 96, 158
Хакан 101 Хакан б. Ахмад 142
Халаф ал-Ахмар 97, 159
Халид б. Арфата 60, 149
Халид б. ал-Валид 146
Халид б. Ибрахим аз-Зухли, Абу Давуд 65
Халид б. Йахья 153
Халидов А. Б. 30, 31 Халлух 141
Халлыг Ышбара-хан 139
Хамза б. Адрак, Абу Хурзайма 85, 159
Хаммад ат-Турки 8, 96, Харис б. Сурайдж 160
Хармала б. ал Мунзир *см.* Абу Зубайд Хариш ас-Са'ди 74, 154
ал-Хариш б. Хилал 79, 155
Хасан б. Али ал-Утруш (Насир ила ал-хакк) 164, 167
Хасан ал-Басри 33
Хасан б Зайд (ад-даи ал-кабир) 164, 167
Хасан б. Мухаммад ас-Сагани 39, 118, 176
Хасан б. Сахл 155, 156
Хатун (дочь Хакана) 100, 101, 160, 161
Хафс б. Сулайман Абу Салама 67
Хашим 34, 60, 61, 66, 108, 116, 170
Хашим б. Истахандж 64, 151
Хеттура *см.* Кантура Хилал ас-Саби 20, 162, 164
Хинд (дочь Худжра) 150
Хишам б. Абд ал-Малик 44, 128, 160
Хишам б. Лахрасиб Саиб ал-Калби, *см.* Хишам б. Мухаммад
Хишам б. Мухаммад ал-Калби 49, 137—139
Хосров 100, 161
Хосров 160, 161
Хосров Абарвиз 100, 101, 160
Хосров Фирузан 165
Худжр 151
Хузайфа 23, 43, 123
Хумайд б. Абд ал-Хамид 35, 75, 77, 78, 83, 84, 155, 156

ал-Хусайни Садррадин 174
Хусайн б. Али 167 Хусайн б. Устазвейх 49 Цқитишвили
О. В. 30, 31
Чубин, *см. тж* Бахрам Чубин 62
Шабиб б. Бухарахудат ал-Балхи 75, 155
Шайбан б. Салма ал-Хариджи 63, 150
Шакран 67, 152
Шалих 145
Шараф ал-Даула 162
аш-Шафии Абу Абдаллах 166
Шахин 160
Шахфаранд 161
Шешен Р. 36, 143, 145, 147, 148, 151
Ширин 161
Шируйя *см.* Кавад Шируйя
Шурайк б. Шайх ал-Махри 137
Элиас 140
Яфет б. Нух 23, 49, 139, 140

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абадан 156
Абиссинцы 25, 43, 59, 124
абна 58, 72, 82, 83, 143, 144, 153, 170
авары 4 Аграс 54, 143 ад 63, 139, 151
ал-адавиййа 60, 146
аднаниты 34, 59, 60, 72, 95, 144, 145
аз и чик 126
Азербайджан 7, 10, 30, 31, 149, 157, 165
азкиш 43, 125, 126
Аксум 144
Аламут 162
Алтай 126
амалика 63, 139, 151
Аморий (Аморей) 62, 148, 149
Аму Дарья (Балх) р, 8, 85, 125, 143, 151, 156, 171
Амул 166, 167
Антиохия 160 арабы 3, 4, 8, 15, 18, 21—27, 33, 36, 49, 58—60, 64, 68, 71 92,
93, 95, 108, 112, 113, 123, 136, 139, 144, 145, 149, 157—159, 165, 172
Аравийский п-ов 156
Аравия 145, 158, 167
Аральское море 125
армяне 112
Армения 22, 30, 157
Арран 157
ал-Астаниййа 165
Астрабад 176 аус 62, 144, 147, 149, 151
Афганистан 127
Африка 151, 152
- Багдад 9, 18, 19, 26, 34, 35, 67, 87, 105, 117, 144, 152, 153, 155, 162, 163, 167
Бадгис 8
баджанакиййа *см.* печенеги Бадр 147,
148, 150, 156 базкиш 43, 44, 125-127
бакриты 150
Балх р. *см.* Аму Дарья Балхаб р. 156
Барда 157
Басра 14, 23, 86, 88—90, 153—156
Барскаун р. 129
Барсхан (Нушаджан) Верхний 44, 47, 48, 129, 131, 132, 134
Бахрейн 168
баштакиййа 127
Бейтин (Бешбалык) 132, 135
ал-Билалиййа 68
Босфор 160
Бусейра 23

Бинкет 1,29
Ближний Восток 5, 119
булгары 29
Бухайра 119
Бухара 14, 136, 137, 141

Вавилон 117
Вашаджард (Файзабад) 135, 136
Верхний Нушаджан, см. Барсхан
византийцы 23, 43, 55, 59, 100, 152
Византия 64, 160
Восток 3, 4, 159

Газна 37, 172
Герат 148, 152
Гилян 159, 162, 164, 166
гилянцы (гелы) 164
Гог и Магог, см. *Йаджудж и Маджудж*
греки 86
гуззы 31, 43, 44, 50, 125
гунны 4
Гурган, см. Джурджан

даббиты 167
Дай (Ди, Рай) 53, 142
Дакс 54, 142
ад-Даликиййа 63
Дамаск 7, 138
Дани 54, 142
Дейлем 39, 106, 158, 159, 162, 164—167
дейлемцы 96, 112, 158, 167
Дербенд 157
джагар (джугра, джафар, шагра, играк) 125, 127, 128
джадис 139
Джазира 43,
Джарбазакан 176
джасим 139
Джибал 157, 163
джикили 43, 125
Джил 106, 113
Джуратан 148
Джурджан 6, 7, 119, 176
Диджла см. Тигр
Дихистан 6, 7
Древний Рим 143
Дунбаванд 170

Евфрат 149, 150, 159
Египет 28, 112, 121, 149, 160, 168, 172
Енисей р. 126

жужани 140

Аз-Забидж *см.* Ява аз-Закваниййа 63 Запад, *см.*
Магриб Западный берег 18 Зарешан р. 136
Земзем 169 аз-зиндж 59, 71

играк, *см.* джагра
индийцы 112
Индия 29, 64, 151, 171
Иордания 123, 149
Ирак 6, 23, 24, 107, 112, 155, 157, 161 — 163, 168 171
иракцы 43,
Иран 7, 21, 149, 152, 156, 160, 162, 172
иранцы (*см. тж.* персы) 18
Ираншахр 171
Иртыш р. 125, 134
Иссык Куль 125, 129, 131, 134
Исфахан 117, 157, 163, 176
Ифрикийя 65, 152

Иаджудж и Маджудж 24—26, 63, 123, 136, 151, 159
Йармук 146
Йезд 176
Йемама 146
Йемен 59, 144—146, 160, 170
йеменцы 81

Кавайкет *см.* Кавакиб Кавакиб 48, 134

Кавказ 171

Казахстан 125

Казвин 162

Каир 34
кайситы 59, 144, 168
Калар 166 кан'аниты 63, 151
Кангюй 125
Каракорум 131, 137
карлуки 43, 44, 47, 50, 124, 126, 127, 134

Каршим 54, 143
Каспийское море 162, 164
ал-Катафиййа 68
Катн'ат Умм Джа'фар 16
Катраббул 18
Катул 36
кахтаниты 34, 59, 72, 95, 144, 145
Кейсах 54, 142
Керман 163
кимаки 47, 48, 125, 127, 129, 134, 135
киммерийцы 4
кинана 150
кинда 100, 160
кипчаки 4, 43—45, 47, 48, 126
Киргизская ССР 126
Китай, *см.* также ас-Син 29, 32, 43, 132—135, 171
китайцы 49, 86, 92, 135, 136
Коктюбе 134
кок-тюрки 125
Константинополь 100, 160
курайшиты 60, 61, 71, 146, 168
курды 59, 112
Куфа 23, 43, 68, 88, 152
Кухистан 7
Куча 136
кыргызы 44, 126

Ал-Ланджиййа 164, 165

Лахиджан 165

Лейден 34

Ленинград 30

Ливан 123, 149

Лоян 134

Мабус 53, 142
Мавераннахр 8, 124, 136, 141, 144, 158, 172
Магриб 26, 171
магрибинцы 14, 18, 81
Мадаин (Ктесифон) 21, 22, 49, 100, 123, 160, 161
мадьяры 4
мазхидж 96, 158
Малая Азия 149, 160
Медина 59, 88, 144, 149, 152, 158, 168
Междуречье 139,
Мекка 59, 88, 144, 146, 149, 152, 158, 168—170
Мерв 160

Мешхед 29
Монголия 135
ал-Мубарака 87, 157
мудариты 150
Му'та 66, 152
Наньшань 132
Нарын р. 135
Нахраван 158
неарабы 26
Нежд 81, 144, 160
Нехавенд 6, 176
Ниневия 164
Нишапур 173
Нушаджан Верхний, *см.* Барсхан

Огузы 4, 125, 127, 128, 137, 141

Оман 81, 89, 90

Орхон р. 32, 126, 131, 135, 137

остяки енисейские 126

Отрар, *см.* Фараб

Пакистан 152
Палестина 123
Пенджаб 152
Персия 29, 127
персы 15, 82, 84, ПО, 111, 161, 170, 171
печенеги 4, 43, 44, 125, 127
Прикаспий Южный 6, 7, 39, 167, 171

Рай(дй) 53, 142
ар-Рашидийа 63
Рей 37, 38, 53, 162, 170, 173, 174
Решт. 166
Руйан 166
Рум 109, 171
ар-Румийа 100, 160
румийцы, *см.* также византийцы 110, 112
Русь 119, 125

Ас-Савад 96, 159
садус 84, 156
саки 152
сакиф 60, 145
Самарра (Сурраманраа) 7, 12, 16, 18, 19, 34, 157
Самарканд 8, 15, 44, 48, 49, 53, 136, 137, 141

самуд 63, 139, 151
ас-Сахсахийя 63
Саянский хребет 126
Семиречье 129
Сефид-руд 162, 164, 165, 167
скифы 4
славяне 59
Сиджастан (Сеистан) 152, 156, 157, 171
сиджастанцы 65, 81
ас-Син 47
ас-Синд 9, 65, 152
Сирия 123, 145, 149, 152, 165, 168
Сиффин 161
Соغد 8
Средний Восток 5, 119
Средняя Азия 5, 28 29, 125, 142, 172
Сукуб 55, 142
Сур 53, 54, 142
Сус 100, 160
Сыр Дарья 126, 127

Табаристан 7, 129, 141, 164, 176
таййиты 59, 144, 168
Таиф 146
Талас (Тараз) 132, 134, 136, 137, 142
тамимиты 59, 62, 144, 148, 168
Тарум 164, 165
тасм 139
Ташкент (*см. тж.* Шаш) 129
Тибет 43, 48, 64
тибетцы 132, 135
Тигр р., (Диджла) 18, 23, 24, 43, 121, 150, 157, 159, 161
Тикрит 150, 159
Тихама 144
токуз-огузы *см.* тугузгузы
Тонский залив 129
Тувинцы 141
тугузгузы (токуз-огузы) 32, 43—45, 47—50, 53, 124, 129, 131, 135-137
Тунис 152
туркмены 125
Туркестан 131, 132, 171
Турфан 131 Тюпский залив 129
тюргеши 44, 125, 128, 136
тюрки 3, 5, 6, 8, 9, 12—17, 19, 21—24, 26, 27, 30, 35, 36, 38, 43, 44, 47-61 69,
72—76, 79, 82—86, 88, 93, 95, 96, 111—114, 119-121, 123, 124, 126, 132,
135, 139, 141—144, 148, 15; 130 171—173, 176
тюркюты 127

Убулла 156
узра 60, 146

Уйгурия 131, 135, 137
уйгуры 32, 33, 124—126, 132—136
укайл 107, 168
Усрушана 48

Файзабад, *см.* Вашаджард
Фарс 163
Фараб 44, 127, 135
Фергана 89, 135, 136
ферганцы 18

Хавазин 59, 144, 145
Хазария 142
хазары 23, 43, 49, 54, 55, 160
хазм 100
хазрадж 62, 144, 347, 149
халаджи 44, 126, 127
Халха р. 124
Хамадан 37, 173, 176
ханаанейцы *см.* кан'аниты
хандаф 168
ханзала 146

ал-Харбиййа 68
харис б. ка'б 100, 160
Харран 62, 148
Хиджаз 59, 144
химийариты 59, 144
Хорасан 6, 9, 11, 23, 28, 85, 86, 89, 95, 97, 112, 113, 128, 136, 139-
144, 148, 149, 151, 152 154—160, 166, 172, 175
хорасанцы 18, 34, 35, 58, 62, 67, 68, 72, 78, 82, 88, 143, 144, 147
Хорезм 124, 173
Хорейсам 54, 143 хуза'а 67
хузайл 59, 144, 158
Хузистан ,160, 163 ал-
Хулайдиййа 68
Хулванские горы 86
хунны 125
Хутгалаян 135

Чу р. 125

Шагра, *см.* джагар
Шалус 164, 166
Шаш 51, 129, 131, 136, 151
аш-Шам 18, 23, 43, 44, 47, 53, 63, 64, 101, 107, 123, 144, 149' 15Г
168 171 аш-Шаммасиййа 18
шато 124, 132, 136 Шах-руд
162 Ширван 157

Эльбурс горы 162

Юебань 125

Ява о, (аз-Забидж) 64, 151 якуты 141

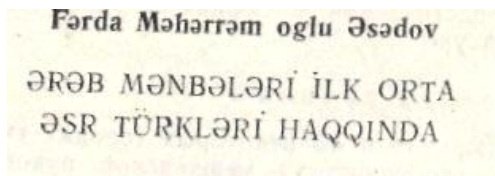
СОДЕРЖАНИЕ

Введение

1. Первые представления арабов о тюрках 3
2. Тюркская гвардия Аббасидов 8
3. Эволюция представлений о тюрках в раннесредневековой арабской литературе 21

Переводы

- Главы «О тюрках» и «О некоторых городах тюрков и об их диковинных особенностях» мешхедской рукописи книги Ибн ал-Факиха ал-Хамадани «Известия о странах» 43
- Абу У с м а н А м р б. Бахр ал-Джахиз «Послание ал-Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска» 56
- Абу ал-Ала Ибн Х а с с у л «Книга о превосходстве тюрков над другими воинами и о достоинствах высокого султанского Присутствия, да хранит Аллах его высочайшее и пожизненное царское величие и да хранит его государство» 103
- Примечания..... 119
- Список сокращений..... 177
- Цитированная литература..... 178
- Указатель имен..... 185
- Указатель географических и этнических названий 196

Редактор издательства *С. Касумова* Художник *Р. Азизов* Технический редактор *Т. Агаев* Корректор *Р. Абдуллаева*

Сдано в набор 16.06.92. Подписано к печати 20.07.93: Формат бумаги 84X108¹/₃₂- Бумага типографская № 2. Гарнитура шрифта литературная. Печать высокая. Усл. печ. лист 10,71. Усл. кр.-отт. 10,71. Уч.-изд. лист. 12,53
Тираж 3000 Заказ 302. Цена договорная.

Издательство «Элм»,
370143 Баку-143, проспект Гусейн Джавида, 31, Академгородок
Главное здание